

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ XI РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2013

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XI Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. 228 с.

ISBN 978-5-4437-0204-9

В сборнике публикуются доклады участников XI Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент
д-р филос. наук, проф. В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей,
д-р филос. наук, доцент Н. В. Головкин*

ISBN 978-5-4437-0204-9

© ИФПР СО РАН, 2013

© Новосибирский государственный
университет, 2013

Содержание

Пленарные доклады 9

Аблажей А.М. Наука в современной России: риски и противоречия 9

Дидикин А.Б. Закон о реорганизации Российской академии наук:
механизм контрреформы и его правовые последствия 11

Петров В.В. «Образование советского типа» в условиях
трансформации общества 14

Раздел I. Социальные исследования..... 18

Зазулина М.Р. Инновационное развитие сельских территорий:
механизмы и институциональная среда..... 18

Нечипоренко О.В., Самсонов В.В. Дифференциация сельского
социального пространства в контексте глобальных структурных
изменений 20

Мореханова М.Ю. Неформальная занятость в системе жизне-
обеспечения сельских сообществ 25

Карманьшева А.В. Социальные условия развития образовательных
достижений учеников сельских школ 29

Новикова Ю.О., Сулейманова Ф.Г. Ценностные ориентации сельской
молодежи в контексте ее социального самочувствия (на примере
сельских районов Новосибирской области) 32

Иванова В.В. Подходы к оценке возможностей и ограничений
развития территории (на примере Новосибирской агломерации).... 34

Петухова М.В. Влияние уровня образования на кредитное поведение
заемщиков Новосибирской области в секторе розничного
кредитования в период кризиса 36

Гомзова В.В. Язык как элемент культурной адаптации иноэтничных
мигрантов (на примере Новосибирска)..... 38

Игнатова Н.В. Перспективы реализации проекта Абакано-
черногорской агломерации 41

<i>Боровкова И.В.</i> Гражданская идентичность жителей города Абакана .	44
<i>Сапарова Д.М.</i> Принятие политических решений и молодежные организации (на примере Томской области и Красноярского края)	46
<i>Кашипур В.В.</i> Структура и мотивация социальной активности Томской молодежи	48
<i>Козлов Е.К., Лихачев А.И.</i> Сущностные признаки понятия «молодежь» (в практике организации внутренней политики Российской Федерации).....	52
<i>Лепешкина О.В.</i> Мотивация молодёжи в изучении иностранных языков в условиях глобализации	53
<i>Мансурова В.В.</i> Периодизация генезиса регионализма в Испании	56
<i>Перевоикин А.С.</i> Особенности освещения I Чеченской войны в отечественных СМИ	58
<i>Шумилова Э.Е.</i> Продовольственная проблема в крупных городах Западной Сибири в 1914–1917 гг.....	60
Раздел II. Философские исследования	63
<i>Философия, логика и методология научного знания</i>	63
<i>Головко Н.В., Хлебалин А.В., Ходяков Д.С.</i> Семантический холизм и верификационизм	63
<i>Рузанкина Е.А.</i> Роль «агога» в концепции науки второго рода	66
<i>Сторожук А.Ю.</i> К вопросу объединения методологических основ эмпирической деятельности.....	68
<i>Бакулин Г.С.</i> Взаимосвязь эпистемологического и онтологического реализма в контексте квантовой механики.....	70
<i>Коробков Л.Г.</i> Концептуальные проблемы развития когнитивной семантики (итоги «Когнитивной революции»)	72
<i>Литовка И.И.</i> Происхождение системы измерения времени: древние метрические принципы в основе современного календаря.....	74

<i>Безлепкии Е.А. Связь объединения и объяснения в истории физики</i>	<i>77</i>
<i>История философии в новом интеллектуальном контексте</i>	<i>80</i>
<i>Вольф М.Н. «Зстетические попытки»: философский поиск у Гераклита и Парменида</i>	<i>80</i>
<i>Качай И.С. Понимание творчества И.Г. Фихте. фихтеанская концепция продуктивного воображения как способности конструирования действительности</i>	<i>85</i>
<i>Попов Г.А. Экспликация сущности «европейской нации» у Г.В.Ф. Гегеля</i>	<i>87</i>
<i>Золотухина Ю.С. Антиплатонизм М. Хайдеггера как проявление недиалектического подхода к Платону</i>	<i>89</i>
<i>Темников М.Ю. Об одном из аспектов игры в философии Гадамера и Барта</i>	<i>91</i>
<i>Жигло И.В. Проблема свободы в этической структуре философии Ф. Достоевского</i>	<i>93</i>
<i>Постникова С.И. «Бытие-к-смерти» М. Хайдеггера в лирике И. Бродского (на материале сборников «Часть речи» и «Конец прекрасной эпохи»)</i>	<i>95</i>
<i>Социально-философские исследования</i>	<i>97</i>
<i>Заседателява Е.И. Особенности развития утопического социализма в России</i>	<i>97</i>
<i>Самарцева А.В. Проблема субъекта в экономических отношениях в концепциях К. Маркса, Дж. Кейнса, Т. Веблена</i>	<i>100</i>
<i>Ильин С.Е. Теория социализации П. Бергера и Т. Лукмана в свете критики концептуальных положений социального конструктивизма</i>	<i>102</i>
<i>Аникина А.Б. Историческое воображение: Р. Коллингвуд и П. Рикер</i>	<i>104</i>
<i>Шабанов Д.Ю. Временная и пространственная перспектива Большой истории, энтропия и генетический «поводок» (genetic leash)</i>	<i>107</i>

<i>Персидская О.А.</i> Кросскультурный анализ: дисциплинарно обусловленная специфика	109
<i>Никитин А.П.</i> Эволюция денежных форм в контексте проблемы нацэтнической идентичности.....	111
<i>Семеникова М.В.</i> Война как социальный феномен: к выработке определения	114
<i>Глатко М.С.</i> Анархия versus империя: к проблеме выбора управленческой стратегии	116
<i>Косинов С.А.</i> Контроль как <i>raison d'être</i> демократического государства	118
<i>Рыманов Д.М.</i> Роль и место справедливости в теории управления	120
<i>Кокорина Н.В.</i> Ценностно-ориентированная корпоративная культура как сущностный фактор современного инновационного общества	121
<i>Немкова Е.Ю.</i> Стратегия управления как комплекс стратегий предприятия	124
<i>Сапегин А.П.</i> Коммуникативная деятельность как фактор конкурентоспособности промышленного предприятия	126
<i>Братющенко С.В.</i> Социальные инвестиции бизнес-организаций.....	130
<i>Биоэтика и философские вопросы медицины и психологии</i>	132
<i>Шаньшин Д.В.</i> ВИЧ (СПИД) как научная и/или моральная пролема .	132
<i>Фомичев А.Г.</i> Аспекты биомедицинской этики в отношении ВИЧ-инфекции.....	134
<i>Цепелева Н.В.</i> Принцип «делай благо» в биоэтике.....	137
<i>Кудряшов И.С.</i> Проблема приложения принципов биоэтики к работе психотерапевта и клинического психолога: принцип «не навреди»	141
<i>Илюхина Е.О.</i> Философские основания проблем психологического консультирования	143

<i>Бахарева Ю.С. Этические аспекты пересадки органов.....</i>	145
<i>Рудометов А.П. Инновационные технологии как этический способ получения антител</i>	147
<i>Мыльникова Т.А., Кирилина И.А., Подорожная В.Т. Роль биомедицинских технологий, используемых в травматологии- ортопедии.....</i>	149
<i>Антропология и философские вопросы культуры и образования.....</i>	151
<i>Кребель И.А. Архаическое тело социального: выбор актуальных мыслительных стратегий.....</i>	151
<i>Черепанова М.В. Перспективы развития этической кодификации в современной культуре</i>	153
<i>Колесникова А.В. О рациональности и природе человека.....</i>	155
<i>Драгель Л.В. О дискурсе и власти</i>	157
<i>Немцев М.Ю. Наследие диалогической философии и философская речь в перспективе «общества знаний» XXI века</i>	161
<i>Чистанова С.С. Языковая личность и инновационное образование..</i>	163
<i>Коковин И.С. Проблемы становления и развития системы социального образования в России XVIII века.....</i>	165
<i>Сафонов К.Б. Экономическое образование как социальный институт: проблемы и перспективы исследования</i>	170
<i>Глебов Е.В. Проблемное поле современной нейрофилософии.....</i>	172
<i>Иванова К.А. Почему человек разочаровался в науке</i>	176
<i>Козырева О.А. Аспекты сублимации в философии фрейдизма.....</i>	177
<i>Рудакова Ю.С. Сетевое общение как вид социальной коммуникации</i>	180
<i>Теплякова Х.В. Классовое распределение эмоциональной работы</i>	182
<i>Брагина К.С. Сетевой подход к изучению социальной изоляции</i>	184

<i>Грицай Л.А.</i> Философско-социологический подход к проблеме изучения современного родительства	186
<i>Евдокимов А.И.</i> Футбол и фанаты в призме неоплатонизма.....	189
<i>Каширина М.В.</i> Самостоятельная работа студентов как фальсеологическая процедура	191
<i>Томюк О.Н.</i> Критерии творчества в неклассической философии	194
<i>Чистанова О.М.</i> Мифологические образы в хакасских и немецких сказках.....	197
<i>Чубарь П.И.</i> Близость фотографии и хокку в понимании Р. Барта	199
Раздел III. Теоретические проблемы права.....	202
<i>Дидикин А.Б.</i> Формирование парламентско-президентской республики в России как результат конституционной реформы 2014–2018 гг.	202
<i>Погребняк С.П.</i> Народный суверенитет и национальный суверенитет: проблема соотношения	205
<i>Пырина М.В.</i> Онтолого-правовые основания культурно-социальных смыслов истины	207
<i>Бабушкина Е.А.</i> К вопросу о государственно-правовых воззрениях А.Н. Радищева	209
<i>Мохначев К.С.</i> Практика и проблемы правового регулирования развития инновационного предпринимательства в регионе	212
<i>Хамитова Г.М.</i> Статус эмбриона – правовые аспекты.....	215
<i>Аланд Е.Ю.</i> Музеефикация объектов археологического наследия в Республике Хакасия: правовой аспект	217
<i>Гареева Л.И., Юнусбаева В.Ф.</i> Оценка и анализ миграционной ситуации (на примере Бакалинского района Республики Башкортостан).....	220
<i>Дадашова Р.</i> Пути восстановления мира и стабильности на Южном Кавказе	221

Пленарные доклады

НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РИСКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ*

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
ablazhey@philosophy.nsc.ru

Рассмотрение проблемы воспроизводства науки в России следует осуществлять в контексте тех процессов, которые характерны для науки в современном обществе в целом, имея в виду то обстоятельство, что отношение общества к науке и людям науки не воспроизводится в прежнем виде и наука, наряду с образованием, все полнее включается в **рыночные правила** игры. Мы сегодня вполне уверенно говорим о неолиберальной науке (постакадемической науке, рыночной науке, технауке, науке эпохи эпохального перелома, когнитивном капитализме) и пр., имея в виду прежде всего коммерчески ориентированную науку, ученых-бизнесменов, режимы финансирования и производства знания, ориентированные в первую очередь на интересы заказчика, а не процесс приращения знания. И это вызывает известное напряжение в смысле трансформации традиционного этоса науки в мертоновском смысле.

Вся история развития науки показывает, что этот социальный институт требует достаточно специфических условий для своего нормального функционирования. И речь не только о внимании со стороны государства или спросе промышленности на научные разработки. В первую очередь здесь следует говорить о фундаментальной науке, которая, как **«весьма хрупкий и ранимый социальный институт...»** требует для своего полноценного развития целого ряда трудно выполнимых условий, прежде всего **политической стабильности и высокого уровня образования**. [1, 34] Добавим – отсутствия насилия со стороны властей предрежущих, что имеет место в ходе начавшейся реформы сферы академической науки. Дело в данном случае не только в сути, но и в *способах* реформирования, что воспринимается большинством людей науки как личное оскорбление. Все дело в том, что неоли-

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00274 «Постсоветская наука: генезис, специфика, перспективы и направления трансформации»

беральный принцип «деньги решают все» здесь не проходит. Они в науке решают не все и даже, более того – далеко не все.

Переход науки в пост-советскую стадию, что характерно для большинства стран, переживающих аналогичный переходный период, вынуждает научное сообщество не просто воспроизводить прежнюю риторику и аргументацию для самозащиты и сохранения благоприятной общественной атмосферы, но искать новые способы общения с обществом, корпорациями, государством, доказывая необходимость продолжения научных исследований. Важная, но пока еще плохо осознаваемая научным сообществом и в силу этого плохо решаемая проблема: налаживание продуктивного диалога с обществом, с потребителем производимых знаний. Ее еще можно назвать «проблемой пресскрелиза» - четко и, главное – понятно, рассказать, *что* сделано и *зачем*. Сложность здесь заключается в том, у в российской науке ведущими дисциплинами традиционно выступают физика, космология и т.д., тогда как наиболее востребованы сегодня науки, польза которых более очевидна для общества: медицина, биология, экология, а также техно-ориентированные дисциплины

На практике руководители научных подразделений вынуждены решать целый ряд острых проблем. Во-первых, падение престижа научной деятельности в стране привело к тому, что молодые люди предпочитают использовать статус аспиранта и молодого ученого прежде всего в качестве законной возможности избежать службы в армии, выехать за рубеж для построения самостоятельной карьеры. Российская академическая наука также стала значимым институтом по подготовке высококвалифицированных специалистов как для корпоративной российской, так и для западной науки, которые нуждаются в подготовленных научных кадрах, особенно биологического профиля, в разработчиках новых технологий для наукоемкого производства. Проведенные в сентябре 2013 г. интервью в академических институтах Томского научного центра показали, что сегодня молодежь уезжает через несколько лет после окончания вуза, зачастую - даже не закончив аспирантуру.

Резкое сокращение финансирования фундаментальных исследований, по большому счету, не преодолено до сих пор. Это обстоятельство способствовало тому, что многие научные коллективы вынуждены искать источники новые, по преимуществу рыночные способы, финансирования исследовательской деятельности. Другими словами, современная российская наука, плохо или хорошо, но понемногу научилась зарабатывать деньги для материального обеспечения исследований, продавая результаты потребителям научной продукции как на зарубежном, так и на российском рынке. Очевидно, что при отсутствии реальной заинтересованности государства в научных результатах (а проводимая реформа это только подтверждает) наука в России будет вынуждена во все большей степени ориентироваться в основном на коммерческий или западный рынок научной продукции.

Важнейшей проблемой до недавних пор оставалось почти полное отсутствие возможностей для развития **инновационного производства**, что позволило бы эффективней использовать научный потенциал, окупая матери-

ально-технические затраты на подготовку кадров и разработку новых технологий. Возникновение вышеперечисленных проблем во многом обусловлено тем, что целый ряд институтов Академии наук на протяжении длительного времени пользовались повышенным вниманием государства, которое ориентировало их на поисковую работу в области фундаментальных проблем. Это привело к высокой степени зависимости от централизованных источников финансирования. И относительно короткий период поиска альтернативных источников финансирования сменился устойчивым вектором все большего преобладания финансируемых государством исследований.

События последних месяцев, прежде всего подготовка и начало реализации реформы РАН, грозящей непредсказуемыми последствиями, по сути, лишает анализ будущих сценариев развития российской науки учета его главного звена – академических институтов. Мы не можем сегодня сказать, какие институты и *кто останется работать* в Академгородке, как и в других крупных академических центрах России и Сибири, завтра. Мы можем обсуждать не сценарии, а лишь варианты возможного развития ситуации.

Наши исследования научного сообщества сибирских центров академической науки, а это не только Новосибирск, но и Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, показывают, что российская наука сумела достаточно успешно адаптироваться к новым условиям деятельности, научилась успешно совмещать научный поиск и коммерческие интересы. Наука, можно быть уверенным, сумеет пережить и задуманную реформу. Но в какой форме она будет в **итоге** проведена, какие потери и достижения она принесет, какие будут издержки, как долго наука будет адаптироваться к новой реальности – сегодня уверенно не может сказать никто.

Литература

1. Несветаилов Г.А. Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки // Социологические исследования, 1995, № 12. С. 26 - 40

ЗАКОН О РЕОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: МЕХАНИЗМ КОНТРЕФОРМЫ И ЕГО ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
abdidikin@bk.ru

Произошедшие летом 2013 года события, связанные с принятием федерального закона о «реформе РАН», неслучайно вызвали большой общественный резонанс и осуждение в научном сообществе, среди общественных и политических деятелей. Поспешно внесенный Правительством РФ 28 июня

2013 г. проект федерального закона прошел первое и второе чтение в Государственной Думе РФ за одну рабочую неделю, хотя было представлено множество критических замечаний и высказанных предложений. Несмотря на состоявшуюся под давлением общественного мнения попытку возврата законопроекта ко второму чтению в сентябре 2013 г. Государственная Дума РФ приняла документ во втором и третьем чтении за два рабочих дня, не давая возможности провести широкое общественное обсуждение и даже парламентские слушания («Открытая трибуна», организованная Председателем Госдумы С.Е. Нарышкиным, не может по существу заменить практику парламентских слушаний), а также ограничив в нарушение Регламента Госдумы срок представления поправок до двух часов 17 сентября 2013 г. Указанные обстоятельства открывают путь к масштабным контрреформам в российской академической науке в ближайшие годы и крайне негативным и непредсказуемым последствиям, учитывая содержание принятого закона. Однако в научном сообществе до сих пор сохраняется наивное отношение и умеренный оптимизм относительно правовых последствий закона о «реформе РАН» и по существу непонимание подлинного характера и порядка действия предусмотренных в нем правовых норм. Поэтому остановимся на ключевых проблемах и последствиях подробнее.

Закон «о реформе РАН» противоречит Конституции РФ и принят с нарушением правил федерального законодательного процесса. Российская Конституция в ст. 72 относит регулирование общих вопросов развития науки к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Отсюда следует, что любой законопроект в этой сфере должен в обязательном порядке учитывать официальные заключения и мнения органов государственной власти субъектов РФ. Ясно, что в случае с законом о реформе РАН мнения региональных властей никто не запрашивал, а все внимание было сконцентрировано на максимально быстром прохождении парламентских процедур. Но и эти процедуры были нарушены, ведь учитывая большой резонанс и социальные последствия для академической науки между первым и вторым чтением не соблюдался срок представления поправок к законопроекту, традиционно составляющий 30 дней. Все эти нарушения привели к существенному ухудшению социального положения и правового статуса научных сотрудников институтов РАН, и в конечном итоге все представленные поправки не изменили концепции законопроекта.

Реорганизация РАН приведет к раздельному функционированию РАН, ее региональных отделений и научных институтов. Данное положение закона на этапе его разработки обсуждалось совершенно односторонне. Многие внесенные поправки (в т.ч. членом Совета Федерации от Новосибирской области В.С. Косоуровым) акцентировали внимание на замене ликвидации и слияния трех академий (РАН, РАМН, РАСХН) на их реорганизацию путем присоединения (что с правовой точки зрения и целей контрреформы влечет одинаковые по масштабам негативные последствия), без обсуждения правового положения научных институтов [1]. Предусмотренная ст. 15 закона независи-

мость РАН в итоге оказалась мнимой и противоречащей здравому смыслу, поскольку органы государственной власти не вправе вмешиваться только в научную (научно-исследовательскую) деятельность РАН, а все остальные вопросы как раз могут быть предметом административного вмешательства. Ясно, что в таких условиях перечисление в статьях закона пунктов будущего Устава РАН, права Президиума предлагать кандидатуры юридически не имеет никакого значения, учитывая, что решения о финансировании научных исследований будут приниматься лишь с учетом положений Программы фундаментальных исследований в РФ на долгосрочный период, в новой редакции которой наверняка не окажется места социальным и гуманитарным наукам (поскольку в списке приоритетных направлений государственной поддержки гуманитарным наукам отводится скромная роль – обеспечение национальной безопасности и в лучшем случае поддержка национальной идеологии). Кроме того, РАН в новом статусе по существу лишается научных институтов, ведь в законе принадлежность научных институтов в части предоставления имущества и финансовых ресурсов Федеральному агентству научных организаций (создано Указом Президента РФ №735 от 27 сентября 2013 г.) означает, что именно чиновники ФАНО будут принимать юридически обязательные решения о количестве научных сотрудников (и с очевидностью можно предполагать сокращение штата научных сотрудников в данном случае), об объеме финансирования научных исследований (несмотря на возможность внесения предложений руководством реорганизованной РАН), о предоставлении имущества, необходимого научным институтам для выполнения их задач [2]. Очевидно, что такая мнимая «независимость» РАН согласно закону лишь подчеркивает негативные последствия состоявшейся контрреформы.

«Судьба» региональных отделений РАН и их «автономии». Ст. 14 закона как раз и подчеркивает суровость той реальности, в которой оказались региональные отделения РАН (Сибирское, Уральское и Дальневосточное) и региональные научные центры. Изъятие законом права региональных отделений распоряжаться имуществом и бюджетными средствами (по закону это право в отношении региональных отделений принадлежит РАН), а также передача научных институтов в ведение Федерального агентства научных организаций повлечет за собой кардинальную перестройку социальных отношений в академической науке – невозможность реализации жилищных проектов, поддержки социальной инфраструктуры, развития территории академгородков и крупных научных центров. В условиях грядущего в 2014 году сокращения расходов федерального бюджета (минимум на 5%, как заявлено официально) новые положения закона снова ставят академическую науку на уровень выживания. Учитывая существующие запреты на использование иностранного грантового финансирования (организации, использующие иностранные гранты, с 2012 г. рискуют получить статус «иностранного агента»), многие научные проекты в будущем будут реализоваться либо на площадках вузов, либо в деятельности научных общественных объединений.

Принятый закон «о реформе РАН» рассеивает последние иллюзии по поводу отношения российского руководства и политической элиты к академической науке. Подготовленный во исполнение закона «о реформе РАН» проект Положения о Федеральном агентстве научных организаций (вынесен 11 октября 2013 г. на общественное обсуждение на сайте www.regulation.gov.ru) только развивает высказанные выше сомнения, поскольку неконституционный по форме и содержанию закон не может иметь позитивных последствий на практике, и создаст множество проблем в будущем. Очевиден грядущий пересмотр приоритетов, способствующий точечной бюджетной поддержке отдельных видов фундаментальных исследований, и желание сократить объем используемого имущества и финансовых ресурсов. В такой ситуации, параллельно которой активно развивается реформа ВАКа, сложно представить, какие рекомендации позволят исправить сложившуюся ситуацию [3].

Литература

1. См. подробнее: Федеральный закон №253-ФЗ от 27 сентября 2013 г. «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. №218 (6194). 2013. 30 сентября.

2. См.: Указ Президента РФ №735 от 27 сентября 2013 г. «О Федеральном агентстве научных организаций» // Российская газета. №218 (6194). 2013. 30 сентября.

3. См.: Постановление Правительства РФ №836 от 23 сентября 2013 г. «Об утверждении положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ» // Российская газета. 2013. 1 октября; Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842 «О порядке присуждения ученых степеней» // Российская газета. 2013. 1 октября.

«ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ТИПА» В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В. В. Петров

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет

v.v.p@ngs.ru

Сегодня, при реформировании отечественной системы образования, постоянно упоминается качество образования в СССР - сравнивается объем финансирования, программы, уровень профессорско-преподавательского состава. На фоне такого сравнения у некоторых реформаторов постоянно возникает желание вернуться к советской системе образования, которая, как

известно, по своим качественным характеристикам входила в десятку лучших во всем мире. Но при этом мало кто из них понимает, что на современном этапе развития российского общества обратный переход к четко структурированному и высококачественному «образованию советского типа» невозможен. Остановимся на этом подробнее.

Как это ни покажется удивительным, но основой советского образовательного проекта являлась самая настоящая пирамида. То есть, если представить себе рядового представителя последнего витка социалистической индустриализации (1970-е гг.), то мы получим следующий портрет: его дед был крестьянином, отец – квалифицированным рабочим, а сам он работает инженером (с высшим образованием). В условиях формирования такой классической структуры обычная семья воспринимает образование как социальный лифт. Несмотря на то, что термин «средний класс» в Советском Союзе отсутствовал, в 1960 – 70-е гг. многие уже ощущали себя его представителями. Соответственно, перед следующими поколениями открывались бескрайние перспективы, связанные с научно-технической революцией. Вузы активно работали на производство дипломированных специалистов и высококвалифицированных инженеров, способных создать межконтинентальную ракету, атомное, а потом водородное оружие, противоракетную оборону и необходимую для этого электронную базу. Получение высшего образования детьми во многих семьях стало одной из главных задач, а выпускники вузов оставались востребованными, несмотря на то, что их количество постоянно увеличивалось. Так же не возникал и острый дефицит высококвалифицированных дипломированных специалистов – т.е. система «образование – общество» являлась системой сбалансированной. Это обстоятельство коренным образом отличает ситуацию на российском рынке выпускников в 60 – 80-е гг. прошлого века от современной, когда наблюдается неуклонный рост числа молодых специалистов, которые не требуются современному обществу, а в то же время ряд вакансий остается открытым [1].

Почему социалистическая система образования была устойчивой и эффективной? Почему не происходило массовое перепроизводство выпускников вузов?

Дело в том, что одновременно с увеличением численности специалистов с высшим образованием происходила глобализация хозяйства «по-советски». То есть, огромное количество советских инженеров и ученых становится «золотыми миллионами» для стран Восточной Европы, Азии, Латинской Америки и Африки, которые в 70 – 80-е годы прошлого века переходят к циклу догоняющей индустриализации, развиваясь при этом по социалистической модели развития. Пока был Советский Союз, который стремился стать лидером некоторой глобальной мировой кооперации стран, такая система работала, и работала весьма успешно. Наиболее «продвинутая» часть населения специализировалась на научных исследованиях, инженерной и конструкторской работе, высокотехнологических областях производства, а система образования поддерживала качество выпускаемых специалистов. Расширению

рынка сбыта высококвалифицированных специалистов способствовало создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и наращивание помощи развивающимся странам в разных частях планеты.

Но подобные процессы, происходившие в условиях постоянной обостряющейся жесткой конкуренции СССР и США, в одинаковой мере претендовавших на глобальное лидерство, закончились поражением Советского Союза, и, соответственно, все поддерживающие и обеспечивающие его системы были обречены, в том числе, и система образования. Пирамида советского образования рухнула: не для кого стало готовить в огромном объеме специалистов, которые требовались для «глобализации советского типа». Но любая система стремится выжить, а поскольку у многих в головах существует идеал советской модели социального лифта, то присутствует стремление поднять своих детей на как можно более высокий уровень: если родители инженеры, то дети должны быть выше – управленцы, юристы, экономисты. И именно поэтому (есть спрос на систему образования – будет и предложение!) в начале-середине 90-х гг. XX века многими вузами было создано огромное число филиалов в различных регионах, предлагая различные формы и уровни «модного» образования: управленческого, экономического, юридического и др. Создавая эти филиалы никто не задумывался, чем и где будут управлять миллионы скороспелых управленцев и для какой модели развития общества потребуются явный переизбыток юристов и экономистов: внешний рынок Советский Союз Россия потеряла, а на внутреннем вакансии в должном количестве отсутствуют (и это помимо того, что, остается открытым вопрос о качестве подготовки специалистов) [2, с. 81].

Поэтому если мы хотим развивать сегодня эффективную систему образования в России, то, как это ни печально, мы должны признать, что советская система образования в современных условиях эффективно работать не сможет. Это не значит, что она плохая – повторюсь еще раз, что по данным ЮНЕСКО, по качеству образования в 1950-80-е гг. советское образование входило в первую десятку стран мира. Поэтому от такой системы необходимо взять то, что хорошо зарекомендовало себя на протяжении многих лет (основные принципы, подходы, технологии и др.) и постараться вдумчиво адаптировать к современным условиям. Но при этом от чего-то придется и отказаться. Так, например, в условиях серьезного сокращения рынка сбыта дипломированных специалистов необходимо, как это ни жестко звучит, сократить количество студентов, поскольку многие из них стремятся получить не знания, а диплом [1]. Сокращение возможно, в первую очередь, за счет ликвидации сомнительных филиалов вузов, а кроме того, сокращения мест в самих вузах (с предварительной оценкой эффективности по заранее разработанным и озвученным критериям, причем не только эффективности обучения, но и трудоустройства выпускников по специальности). При этом бюджетное финансирование, высвободившееся в результате сокращения, направить на развитие эффективных вузов. С другой стороны, внедрение такого элемента советской системы, как распределение выпускников, когда отучив-

шись на бюджетном месте в вузе в течение 4 – 6 лет выпускник потом обязан отработать какой-то срок (3 - 5 лет) по специальности на предприятии, подавшем соответствующую заявку, позволит не только вернуть средства, затраченные на его обучение системой, но и определять направление развития экономики. Помимо этого, система заявок от различных предприятий на подготовку конкретных специалистов (в том числе и за счет предприятия) по определенным стандартам может позволить сформировать необходимое количество выпускников, не допуская как перепроизводства, так и дефицита высококвалифицированных кадров, что может сказаться положительным образом на формировании экономики знаний в современном российском обществе.

Литература

1. Иноземцев: Хорошее образование в России - миф // Ведомости 03.10.2011.
2. Петров В. В. Развитие образования в обществе инновационного типа: проблема принятия управленческих решений // Философия образования. – 2013. – № 3 (48). С. 77–84.

Раздел I

Социальные исследования

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: МЕХАНИЗМЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА*

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН

highbook@yandex.ru

Многообразие институциональных условий определяется особенностью модели институциональной среды, которая отражает уровень развития экономики, науки, социальные, культурные и исторические особенности. Процессы взаимодействия структурных элементов основаны на правилах и нормах, которые осуществляются при помощи организационных механизмов. Все это в совокупности образует институциональную среду, которую следует рассматривать как базовую составляющую инновационного типа развития отдельных территорий.

Организационные механизмы инновационного развития условно можно разделить на формальные и неформальные институты. Формальные и неформальные институты тесно связаны между собой. Деятельность одних переплетается с деятельностью других. Формальные институты влияют на параметры социально-экономического развития территорий путем принятых законов, нормативно – правовых актов, правоприменительных действий (правоприменительная практика, собственно регулятивное воздействие). Неформальные институты функционируют на основании неформальных норм, восприимчивых к сложившимся обычаям и традициям и сформировавшимся в процессе исторического развития социума. Неформальные институты опираются на социальный капитал сообществ, ключевыми элементами которого являются доверие и реципрокные социальные связи. Самыми распространенными неформальными институтами можно считать социальные сети и саморегулируемые организации.

На основании анализа мезоуровня инновационной активности «снизу», заключавшегося в изучении деятельности кластеров инновационных предприятий в агросфере (агрохолдинги, внедряющие передовые производственные технологии, организационные инновации) и процессов модернизации в

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00193)

политической сфере (становление самоуправления и новых институтов регионального и районного управления), были сделаны выводы о взаимосвязи институциональной среды. Для успешного функционирования и развития инновационных структур в социальной, экономической и политической сфере одинаково важны:

- качество институциональных новаций, определяемых деятельностью формальных субъектов макро-уровня (внешние глобальные воздействия, деятельность национальных органов власти; нормативно-правовое регулирование, задающее формальные правила игры);
- благоприятные условия, генерируемые органами региональной власти и органами самоуправления;
- межличностные контакты, способствующие обмену информацией, которые усиливаются в условиях территориальной близости и благодаря специфической местной среде.

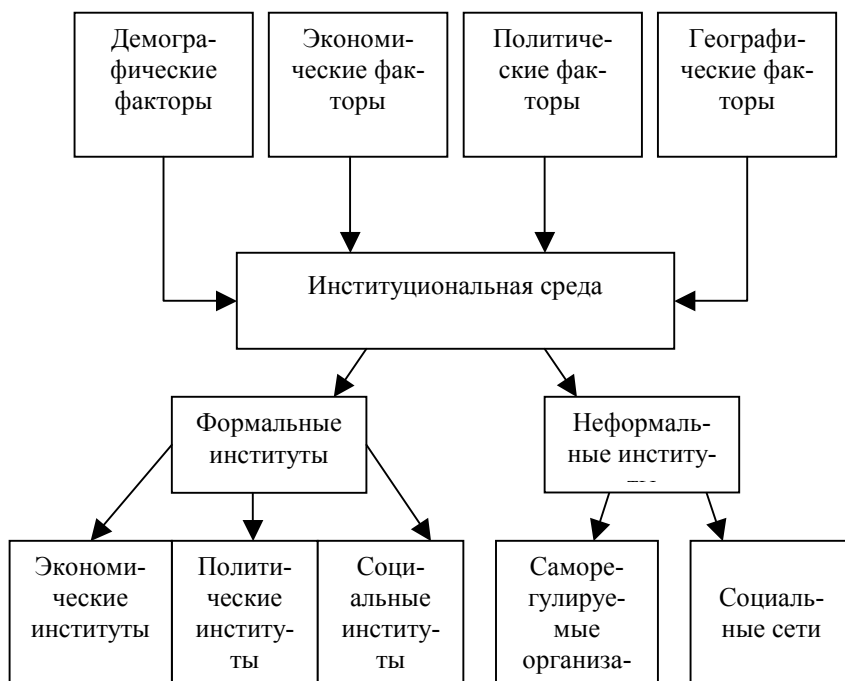

Рис. 1. Институциональная среда инновационного развития территорий

Проведенная классификация институциональных условий показала, что близость к городам и их размер, образовательная система и образованность населения, национальная структура, ситуация в сфере занятости, структура

экономики (моноэкономика или диверсификация экономической специализации), наличие возможностей альтернативной занятости — различные слагаемые соответствующих групп институциональных характеристик территории (урбанизированности, образования, национального разнообразия и разнообразия занятости).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕЛЬСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ*

О. В. Нечипоренко, В. В. Самсонов

Институт философии и права СО РАН

highbook@yandex.ru

Цель данной работы — показать, что современная динамика социальных процессов в сельских локальных сообществах России обусловлена закономерностями глобальных структурных преобразований сельского социума, структурных изменений, фиксируемых исследователями в различных регионах и странах мира. Если с 1991 по начало 2000 гг. российское село демонстрировало собственную специфику развития, обусловленную наложением на общецивилизационные сдвиги событий постсоциалистического транзита, то, начиная с 2000-х гг., основные тенденции социально-экономических изменений схожи с общемировыми трендами, из которых можно выделить следующие:

- экономическая дифференциация (рыночная специализация отдельных регионов и территорий в рамках глобализованной экономики, упадок традиционных форм организации сельскохозяйственной экономики);
- рост значения неаграрной занятости в сельской местности, как проявление диверсификации социально-экономической активности домохозяйств и изменения сельского образа жизни;
- поляризация социально-экономического пространства, проявляющаяся разделении (сегментации) относительно однородного социально-экономического пространства (что характеризует предшествующие периоды развития) на кластеры инновационных изменений, образующие «архипелаговую» структуры и деградирующие территории (модель «экономического сжатия»).

В 1980-1990-е годы одним из преобладающих в мировой науке подходов, призванным объяснить направленность преобразований экономики и социальной сферы села (в глобальном масштабе) была концепция либерализации.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00193)

Согласно раннему пониманию, либерализация понималась в широком смысле как глобальный процесс перемен, начавшийся в начале 1980-х годов, которые распространяются на торговлю и включают в себя внутренние реформы – сокращение государственного участия в хозяйственной деятельности, приватизацию, и (во многих развивающихся странах) – реформирование аппарата управления путем децентрализации. Изменения, затронувшие сельский социум в России, описывались в рамках концепции постсоциалистической социетальной трансформации, и, более специфично, – аграрной реформы. Сущность преобразований, включающих в себя земельную реформу, переход от планово-административной системы к рыночной и становление многоукладности также сводилась к капиталистической перестройке экономики, т.е. по сути либерализации экономики, дополненной демократическими реформами государственного устройства и введением самоуправления (децентрализация управления).

Используемая даже в наиболее широком понимании концепция либерализации с течением времени оказалась неадекватной для описания широкого спектра глубоких социальных и экономических изменений. Во-первых, исследования, придерживающегося данного подхода часто ограничивались собственно анализом политики либерализации и пакета «либеральных» реформ, зачастую сводясь к их критике. Во-вторых, это неверное толкование косвенно ограничивало понимание масштабов процессов, явным образом выходящих за рамки политики либерализации.

В России либеральные преобразования в аграрной сфере породили ситуацию, в корне отличающуюся от замыслов реформаторов, но приближающую российское село к стартовым условиям глобальной трансформации развивающихся стран. Следствием разрушения материально-технического и организационного базиса сельского социума и экономического спада стало сокращение социальной группы, реализующей активный тип экономического поведения, распространение пассивного типа экономического поведения среди всех слоев сельского населения. Реактивно-пассивная стратегия адаптации в сельских районах России проявилась в феномене натурализации (переориентации населения на самообеспечение основными жизненно необходимыми продуктами натурального хозяйства, самозанятость в личном подворье). Вместо капиталистической модернизации, наметились тенденции архаизации постсоветского села: для значительной части населения естественным результатом адаптации к «шоковой терапии» стало расширение деятельности по «самообеспечению» продуктами питания и «самообслуживанию» домохозяйств, то есть не рациональное инновационное приспособление к рыночной экономике, путем восприятия новых стандартов и норм поведения, характерных для рыночного общества, а бегство от нее, порой в дорыночные уклады. Таким образом, место социалистического варианта экономики модерна в российском селе ключевым элементом структуры сельской экономики становится сектор ЛПХ (около половины всей произведенной в 2001 г. сельхозпродукции), приближающихся по своим характеристикам к традиционным

формам сельского хозяйства. Эту картину дополняла относительная однородность социальной структуры сельского населения (с большой долей «бедных» и «крайне бедных»), и преобладание не-контрактной системы отношений, основанных на доверии, родственных и соседских связей (рост неформального сельского сектора), что послужило основанием для обоснования особой природы «эксполярных», «внеузловых» моделей социального взаимодействия в российском селе. Только в начале 2000-х гг., когда окончательно, законодательно и институционально оформляются социально-экономические отношения, сложившиеся на основе института частной собственности на землю и прекращается трансформационный спад, формируется новая динамика развития сельских сообществ, схожая с глобальными структурными изменениями сельского социума.

Таким образом, в первую очередь неадекватность концепции «либерализации» происходящим в сельском социуме изменениям привела к популярности глобалистских объяснительных схем. Хотя такое позиционирование может чрезмерно расширить область, контекст, с которым работают исследователи социального развития сельских территорий, глобализационный подход более явно соответствует новому международному порядку, который возник в начале 1980-х годов и последствий этого события для сельского хозяйства, сельской экономики, и процесса преобразований сельского социума в целом. Этот режим характеризуется как последовательным сдвигом локальных систем в направлении интеграции в мировую экономику, так и изменением роли и значения государства и частных субъектов социально-экономического развития. Это концептуальное ре-позиционирование серьезно влияет на обоснование исследовательских программ и состав основных гипотез, вырабатываемых для объяснения сущности изменений социальных процессов в сельских локальных сообществах.

В то время как дискуссия о либерализации была сосредоточена на ожидаемых выгодах от процесса либеральных реформ и их последствиях для экономического роста и сокращения бедности, исследования, проводимые в рамках глобализационного подхода, сосредоточены на дебатах по вопросам трансформации в рамках экономической глобализации с целью исследования возможных структурных трудностей, а не просто на «проблем транзита», актуализируя такие темы, как, например, разрыв в общей производительности труда между странами и регионами, различные темпы экономической диверсификации, дифференциация социально-экономического пространства и социально-демографические аспекты изменений. Все эти слабоизученные вопросы, вновь и вновь поднимаемые в международных дискуссиях, являются критически важными для структурных преобразований в различных странах.

Три основные гипотезы структурируют глобализационный подход к исследованию структурных изменений сельского социально-экономического пространства.

Согласно, первой гипотезе, относящейся к нарастающей асимметрии в международной конкуренции, глобальная реструктуризация рынка продо-

вольствия обуславливает процесс дифференциации и сегментации сельскохозяйственной экономики.

Возрастающая дифференциация затрагивает как организационно-производственные основы (институционально-организационные аспекты изменений) сельской экономики, так и место сельскохозяйственных структур в экономической системе общества. Неравномерность изменений порождает дифференциацию социально-экономического пространства, представленного кластерами инновационного развития, территориями доминирования традиционных хозяйственных укладов и переходными образованиями и отражает различные уровни (и траектории) диверсификации сельской экономики в странах и регионах, находящихся на различных стадиях процесса структурных преобразований. Так, в России 2000-х гг. наметилась устойчивая тенденция «вторичной концентрации» агро и лесопромышленного производства, в крупные вертикально интегрированные структуры, инициируемые и управляемые из городов и использующие современные технологии производства, переработки продукции и логистики. Появляются новые пространственные конфигурации, сформированные сырьевыми зонами этих вертикальных структур. Обратной стороной этого процесса выступает сильная поляризация и фрагментация пространства страны. Вместе с инновационным развитием отдельных очагов, модернизацией в них производства сохраняются обширные площади депрессивной и архаичной сельской местности с застойной безработицей населения [1]. Тенденцию сегментации социально-экономического пространства усиливает его деление на центр (происходит концентрация сельхозпроизводства, особенно его инновационных форм, в пределах городских агломераций) и периферийные районы.

Вторая гипотеза относится к влиянию глобальных структурных изменений на современные процессы адаптации сельских домохозяйств. Наиболее распространенной адаптационной реакцией является новая конфигурация экономической активности и источников системы доходов, характеризующаяся изменением роли аграрного производства, возрастающей значимостью экономической активности вне сельского хозяйства и трансфертов, как частных, связанных с миграцией и нео-отходничеством, так и государственных трансфертов, связанных с конкретными системами поддержки [2]. Масштабность этого явления породила многочисленную исследовательскую литературу, посвященную «сельской не-аграрной экономики», включающей в себя всю деятельность неаграрного характера, т.е. несельскохозяйственный частный сектор в сельской местности (в том числе неформальный), институты государственного и муниципального управления в сельских районах и социальную инфраструктуру. Рост неаграрной экономической активности и занятости населения вне села, сопровождаемый встречными процессами субурбанизации влечет за собой кардинальное изменение сельского образа жизни и трансформацию культурного облика сельских жителей.

Наши исследования (проведенные в 2012-2013 гг. в Куйбышевском и Барабинском районах Новосибирской области) зафиксировали преобладание

модели социальной адаптации сельского населения, сложившейся в условиях географической близости к урбанистическим центрам, что обеспечивает дополнительные возможности альтернативной, неаграрной занятости населения. Наряду с заработной платой и пенсиями, доходами от реализации продукции ЛПХ, в качестве дополнительного важного источника денежных средств выступают работа вахтовым методом и нео-отходничество. Хозяйства населения характеризуются низкой товарностью и по своим основным параметрам схожи со структурой и размерами пригородных дачных участков – что объясняется также и тем, что в результате «экспансии города» (дачное, дорожное строительство) площадь сельскохозяйственных угодий постоянно сокращается.

Развитие сельского неаграрного сектора происходит неравномерно, в связи с изначальным неравенством объективных условий (ресурсов адаптации) для сельских сообществ. Следовательно, усиливающаяся динамика дифференциации сельского социально-экономического пространства и возможные трудности в адаптации сельских домохозяйств к этому процессу (в отсутствие эффективных альтернатив диверсификации источников доходов и направлений экономической активности) может создавать риски трансформационных тупиковых ситуаций для целых сообществ и регионов.

Таким образом, согласно третьей гипотезе исследования, процессы пространственной и социальной дифференциации порождают риски возникновения трансформационных тупиков, соотносимых с недостатком возможностей альтернативной активности, нехваткой материальных (финансовых, земельных) ресурсов и ограниченностью рынка труда. Это приводит к появлению «проигрывающих сообществ», для которых характерны высокий уровень бедности, формирований устойчивых тенденций к маргинализации населения вследствие локальных ограничений, проблема устойчивого развития которых все более усложняется – все существующие тенденции обуславливают их негативную социальную и демографическую динамику. В случае, если ситуация характеризуется и ограниченными возможностями миграции, положение таких сообществ (локального, регионального или даже национального уровня) становится практически безвыходным, порождая неблагоприятные социальные, экономические и политические последствия. При формировании мероприятий по оптимизации процессов сельского развития органы управления должны уделять тенденциям формирования подобных «трансформационных тупиков». При этом внешние воздействия должны быть адресованы не столько на «выигрывающие сообщества» (характеризующиеся положительной динамикой рыночной интеграции, что так или иначе связано с налаженностью сбытовых сетей, близостью городских центров или развитой инфраструктурой, что предоставляет возможности и стимулы изменений, соответствующих требованиям среды), а на «не определившиеся» сообщества, в которых направленность тенденций в целом зависит от изменения местных экономических и институциональных условий, обеспечивающих новые возможности развития.

Литература

1. Кузьминов И.Ф., Нефедова Т.Г. Концентрация производства в агропромышленном и лесопромышленном комплексах и поляризация пространства России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. №1. С. 76-90.
2. Losch B., Freguin Gresh S., White E. Rural Transformation and Late Developing Countries in a Globalizing World: A Comparative Analysis of Rural Change. - Washington, DC: World Bank, 2011. - 308 p.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ*

М. Ю. Мореханова

Институт аграрных проблем РАН
highbook@yandex.ru

Неформальная экономическая деятельность существует в большинстве стран мира, однако, в России ее нынешние масштабы необычно велики. Хотя оценки варьируют в довольно широком диапазоне, объем производства неформальной экономики соответствует, по меньшей мере, 20 % ВВП. Неформальная экономика и система связей превратились в фактор, в определенном смысле стабилизирующий ситуацию, во всяком случае, в социальной сфере, но в то же время вызывающий все большее беспокойство. Низкая правовая культура населения, не позволяющая четко разграничить криминальные и не криминальные виды деятельности, предопределила не только неформальный, но в значительной степени неправовой характер новых форм жизнеобеспечения.

На селе где возможности трудоустройства всегда были ограничены, в условиях резкого спада аграрного производства, реорганизации и обнищания большинства крупных коллективных хозяйств, отсутствия государственной поддержки фермеров, распада социальной инфраструктуры и разрушения традиционной системы социальных гарантий и социального контроля, изменяется роль традиционных источников формирования бюджета сельской семьи, возникают новые стратегии выживания. Резкое сокращение числа рабочих мест, не регулярная выплата заработной платы, пенсий и пособий, поставило большую часть трудоспособного населения перед необходимостью поисков альтернативных источников дохода.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00578).

Сегодня практически для всех сельских семей, наряду с заработной платой или доходом по основному месту работы, различными социальными выплатами, важную роль в формировании доходной части семейного бюджета играют ведение личного подсобного хозяйства, развитие хозяйственно-экономических отношений с другими семьями, прежде всего родственными, вторичная занятость. Широкое распространение среди отдельных социальных групп сельского населения получили легальные и нелегальные формы воровства, преимущественно собственности крупных коллективных хозяйств. По некоторым данным, доля населения, чей доход исчерпывается официальным заработком, составляет 11 %, а среди сельского населения роль официального заработка в формировании бюджета еще меньше, т.к. зарплата в сельском хозяйстве втрое ниже среднего национального уровня. Работники крупных коллективных хозяйств, несмотря на крайне низкий уровень заработной платы и нерегулярность ее выплат, не спешат изменить свой статус. Даже в условиях фактического отсутствия не только денежной, но и натуральной оплаты труда он, прежде всего, дает им возможности доступа к получению кормов, продуктов питания, использованию производственного транспорта и оборудования.

Практически не осуждаются на селе воровство кормов для личного подсобного хозяйства по месту основной работы работниками крупных коллективных хозяйств. Оно скорее рассматривается как некоторая форма оплаты труда, необходимое условие выживания. При этом легальные формы производственного воровства идут формально прикрытые через патрон-клиенталистские отношения, а нелегальные – по принципу «не пойман – не вор». Доступ к воровству имеет ограниченный круг работников крупных коллективных хозяйств, чем хуже экономическая ситуация в хозяйстве тем уже этот круг. Поэтому большинство жителей села получает ранее украденные корма, удобрения, нелегальные транспортные услуги обычно на платных и договорных условиях (в зависимости от конкретной ситуации). Распространены на селе не только различные формы производственного воровства, воруют из личных подворий. Около 7 % сельских семей не имеют личных подворий, они же, в подавляющем большинстве, составляют пьющую и безработную часть села и представляют криминогенную опасность для ведущих личное подсобное хозяйство.

Выбор конкретной формы формальной и неформальной занятости, их роль в формировании семейного бюджета (постоянный или временный источник дохода, удельный вес в структуре совокупного дохода) определяется такими факторами как возраст респондента, состояние его здоровья, личностные характеристики (например, склонность к риску), характер накопленного профессионального опыта и трудовых навыков, основная сфера приложения труда, особенности места проживания (природно-климатические условия, наличие тех или иных местных ресурсов, близость села к районному или областному центру и т.п.).

Изменилась роль и такой традиционной формы жизнеобеспечения как взаимопомощь между родственниками и знакомыми. Взаимоотношения при этом могут строиться на следующих условиях:

- бездомные;
- на основе взаимопомощи (обычно конкретно не оговариваемые);
- строго договорные.

Наиболее распространены следующие виды помощи:

- обмен продуктами, произведенными в личных хозяйствах;
- помощь деньгами;
- помощь продуктами, произведенными в личных хозяйствах, сельскохозяйственными оборотными средствами;
- помощь в присмотре за детьми;
- уход и присмотр за стариками;
- услуги по ведению хозяйства;
- совместное выполнение сельскохозяйственных работ.

При этом можно выделить семьи-доноры и семьи-реципиенты, в зависимости от соотношения размера оказываемой и получаемой помощи.

Как показывает анализ результатов исследований в роли реципиентов обычно выступают молодые семьи проживающие отдельно от родителей, но в том же селе. Доля родительской помощи (в натуральной и денежной форме) может составлять до 80 % всех доходов семьи. В настоящее время (по сравнению даже с серединой 90-х годов) все больше молодых семей предпочитают держать свой домашний скот на подворье родителей, оказывая посильную помощь в уходе за ним и забирая всю произведенную продукцию. Сложилась своеобразная межпоколенная кооперация ведения личного подсобного хозяйства, когда наиболее ответственные, требующие определенных навыков виды крестьянского труда (например, по выращиванию молодняка) выполняется старшим поколением, а молодежь (двадцати пяти - тридцати лет) как бы находится на подхвате. «И. Чем вы помогаете родителям? Р. Ну если только так вот: картошку выкопать, вот так помочь картошку прополоть, если кому-то там надо уехать – хозяйство оставляют на нас... Так же вот сено заготавливали».

Возрастает зависимость молодых семей от материальной помощи родственников прежде всего родителей, так как молодежь не имеет необходимых ресурсов, чтобы завести полноценное самостоятельное хозяйство, а иногда и не хочет его заводить. (Доля родительской помощи (в натуральной и денежной форме) может составлять до 80 % всех доходов семьи).

Личное подворье для жителей села всегда являлось одним из важнейших и наиболее доступных источников поступления основных продуктов питания. Однако в последнее десятилетие наблюдается увеличение в общем объеме потребления доли продуктов, поступающих по рыночным каналам. На селе все меньше потребляют картофеля, молока и молочных продуктов, мяса и мясных продуктов, яиц, произведенных на личных подворьях. Личные подсобные хозяйства уже не играют той роли в удовлетворении потребности

сельского населения в продовольствии, как еще 10 лет назад. Так, если в 2003 году в порядке натуральных поступлений потреблялось более 90% картофеля, то в 2011 – 78%, овощей и бахчевых – 77% и 57%, молочных продуктов – 56% и 19%, яиц – 55% и 37%, фруктов и ягод – 50% и 27%, мясных продуктов – 46% и 22% соответственно. В стоимостном выражении изменения еще более значительные. Доля натуральных поступлений продуктов питания из личных подсобных хозяйств в общей стоимости питания сельских домохозяйств сократилась с 35,4 % в 2000г. до 19,9% в 2011г.

При этом, большая часть сельского населения по-прежнему рассматривает личное подсобное хозяйство как основной источник обеспечения семьи продуктами питания. По данным всероссийского репрезентативного опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 21-22 апреля 2012 г, 55% респондентов, проживающих в селах, считают, что приусадебный участок им необходимым для обеспечения семьи основными продуктами питания, 39% рассматривают его как подспорье в обеспечении семьи продуктами. Не могли бы обойтись без выращиваемых на личных подворьях овощей и фруктов 53% сельчан. Для 19% сельских респондентов выращиваемые на личном подворье овощи и фрукты являются основным питанием семьи, 41% - существенной добавкой к приобретаемым в магазине продуктам питания. Значение ЛПХ как источника продовольствия тем выше, чем ниже уровень благосостояния семьи. Действительно, с ростом уровня среднедушевых располагаемых ресурсов домохозяйств доля натуральных поступлений продуктов питания из личных подсобных хозяйств в общей стоимости питания неуклонно снижается. В тоже время, объемы натуральных поступлений из ЛПХ не только не снижаются, но и возрастают с ростом располагаемых ресурсов домохозяйств. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация объясняется тем, что состоятельные семьи располагают необходимыми ресурсами для производства большого объема продукции на личных подворьях. При этом значительная часть продукции может быть оставлена для личного потребления. Семьи с низким уровнем дохода не только не имеют ресурсов для увеличения объемов производства, но и вынуждены продавать большую часть выращенной продукции (даже в ущерб личному потреблению), покупая более дешевые и обычно низкосортные продукты питания. Разница в объемах потребления продуктов собственного производства между высшей и низшей децильными группами постепенно сокращается. Если в 1997 году она составляла более 10 раз, то в 2011 году – 2,2 раза.

Существенные изменения произошли и в сфере неформальной занятости. Уменьшилась численность свиней и птицы на личных подворьях, снизилась товарность ЛПХ. "И. Как изменилось ваше семейное хозяйство (ЛПХ, огород)? Р. У нас раньше хозяйство было больше..., муж работал. А сейчас наше хозяйство поменьше. У нас было 2 коровы, стала одна, держали свиней, сейчас перестали держать. И. 5 лет назад сколько свиней держали? Р. 8 держали, 5,4, сейчас вообще не держим, нечем кормить. Сейчас и корма не дают".

Очевидно, что если формальная (государственная, рыночная) экономика не обеспечивает жизнь сельской семьи, включаются дополнительные ресурсы, к которым относятся эксплоярные формы: проявляется экономическая самостоятельность сельского сообщества, направленная, прежде всего на самообеспечение и самовывживание.

Однако, способность неформального сектора к роли социального амортизатора неуклонно понижается, растет его криминализация.

Факторами, способствующими расширению масштабов неформальной занятости, могут стать:

- вступление в трудоспособный возраст крупных когорт родившихся в 90-е годы. Не обладая достаточно профессиональными навыками, молодежь ориентирована на высокие заработки и при отсутствии отвечающих ее запросам вакантных рабочих мест в формальной экономике, чаще, чем представителями старших возрастных групп выбирают неформальную занятость;

- высокий уровень скрытой безработицы в форме сокращенного рабочего дня. Сочетание низкой заработной платы с желанием сохранить работу заставляет искать дополнительный заработок. Кроме скрытых безработных, работу в неформальном секторе считают важным источником дохода лица, получившие официальный статус безработного.

Как показывает мировой опыт, практика запретов на неформальные виды деятельности в условиях спада общественного производства и массовой безработицы дает лишь временный эффект. Масштабы занятости в неформальном секторе, ее популярность начинают снижаться с появлением достаточного числа новых официальных рабочих мест. Предполагаемая зарплата в формальном секторе может быть даже ниже доходов от эксплоярных форм занятости, но это должно компенсироваться ее гарантированностью, регулярностью и предоставляемыми социальными гарантиями (медицинское страхование, пенсионное обеспечение и т.п.). Данные исследований показывают, что реальное сокращение масштабов неформальной занятости сельского населения происходит обычно при резком изменении ситуации (полном обнищании или устойчивом экономическом подъеме) в крупном коллективном хозяйстве.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ УЧЕНИКОВ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ

А. В. Карманьшева

Томский государственный университет

anya.karm@yandex.ru

Уровень развития образовательной и научной системы, уровень образованности населения в современном мире являются условием становления и развития общества и экономики, ведущие ресурсы которых: инновационная

деятельность, новые технологии производства, а также новое знание. Так, система образования является одним из важных факторов устойчивого развития разных сфер страны [1. С. 198]. Важнейшим составляющим системы образования являются образовательные учреждения разного уровня, которые привлекают пристальное внимание педагогов-ученых и исследователей в сфере образования. Основные требования, предъявляемые, общеобразовательным учреждениям – определенные показатели уровня знаний, умений и навыков, составляющих инструментальную основу компетенций школьника, приобретенных путем освоения образовательных программ.

Требования к уровню подготовки тех, кто выпускается из общеобразовательного учреждения, обусловлены обязательными федеральными и региональными государственными стандартами. Таким обязательным требованием выступает Единый Государственный Экзамен (ЕГЭ). Одной из функций единого государственного экзамена является оптимизация российской системы образования как важнейшего канала социальной мобильности молодежи. Такая оптимизация заключается в выравнивании стартовых возможностей социальной мобильности молодежи.

Известно, что доступ к ресурсам разного вида у городских и сельских школ различен, и сельские школы находятся в условиях большей ограниченности в силу их значительной территориальной и информационной изолированности, малой численности педагогических и ученических коллективов. Поэтому устранение неравенства посредством введения ЕГЭ особо актуально для выпускников сельских школ. Согласно статистическим показателям образовательные достижения учеников сельских школ в среднем ниже, городских. Однако часть сельских школ демонстрирует высокие показатели сдачи единого государственного экзамена. В связи с этим актуальным становится изучение факторов и ресурсов, позволяющих ученикам сельских школ достигать высоких образовательных результатов в неравных условиях по сравнению с городом.

Согласно проведенному анализу литературы, определено понятие «образовательные достижения» - это комплект учебных испытаний и событий, в которых принимал участие школьник, и которые выражаются в оценках этой деятельности [2. С. 367].

Реальная совокупность причинных условий, влияющих на образовательные достижения ученика, многообразна и сложна. Таких факторов влияния очень много: некоторые из них представляют собой внутренние особенности системы образования, такие как методы обучения, формы сертификации и оценок, проекты учебных планов. А другие привязаны к социальному контексту: отношения с родителями, родительские ожидания, общественные отношения и ожидания, возможности трудоустройства. Уровень образовательных достижений определяются разными сложными вариациями взаимодействия таких факторов [3. С. 118]. В рамках настоящего исследования учитывались социальные факторы влияния: семья, школьная среда, территория

расположения образовательного учреждения, собственная мотивация школьника.

Работа посвящена основному вопросу: каковы условия, способствующие развитию образовательных достижений учеников сельских школ в неравной ресурсной ситуации по сравнению с городом?

Было проведено социологическое исследование, целью которого являлось выявление факторов и ресурсов, влияющих на образовательные достижения учеников сельских школ.

Были заявлены следующие гипотезы:

1. Ключевым фактором, позволяющим поддерживать определенные показатели успеваемости в сельских школах, является мотивация учеников в получении высшего образования;

2. Показатели успеваемости учеников сельских школ напрямую зависят от уровня социально-экономического положения населенного пункта – чем выше уровень социально-экономического положения села, тем выше образовательные достижения учеников.

Для достижения цели и проверки гипотез использовались следующие методы: 1. Документальный метод для изучения научно-информационных источников и статистических данных; 2. Метод массового опроса, техника – анкетирование для изучения мнений, оценок и мотивов старшеклассников; 3. Методы статистического анализа данных, включающих частотные распределения, регрессионный, кластерный, факторный анализ для выявления факторов и ресурсов влияния на учебные достижения учеников сельских школ в сравнении с городскими.

Предметом исследования выступали ресурсы и факторы как условия достижения образовательных результатов.

В данном исследовании предложена авторская схема для изучения условий влияния на образовательные достижения учеников сельских школ; выявлены основные условия и факторы влияния на образовательные достижения учеников сельских школ с помощью регрессионного и факторного анализа. Также определена природа выявленных факторов влияния.

Литература

1. Камышев С.В., Панарин В.И. Образование в условиях рынка // Философия образования. – 2008. - №3. – С. 196-201.
2. Тезаурус социологии / под ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ_ДАНА, 2009. – 487 с.
3. Из истории развития социологии образования за рубежом [Электронный ресурс] // Шаронова С.А. Из истории развития социологии образования за рубежом - URL: http://ecsocman.hse.ru/data/712/876/1216/016_sharionova.pdf (дата обращения 18.03.2013)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю. О. Новикова, Ф. Г. Сулейманова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Специализированный учебный научный центр НГУ
v.v.p@ngs.ru

Очевидно, что в современном мире каждое последующее поколение отличается от предыдущего. От сформированного мировоззрения молодых людей зависит многое: от появления новых ответов на вечные вопросы до повседневных действий. В социально-экономическом развитии общества молодежь является наиболее перспективной социально-демографической группой, которая обладает потенциалом, мотивацией, способностями к инновациям и временем для достижения поставленных целей.

Взгляды на жизнь и поведенческие установки молодежи можно исследовать, применяя категорию социального самочувствия, которое понимается как интегральная характеристика социальной группы, описывающая уровень удовлетворенности жизненной ситуацией со стороны социальных, культурных и материальных потребностей и своего социально-экономического положения в сравнении с другими группами. В данной категории отражены другие: качество жизни, образ жизни, социализация, ценности, жизненные стратегии, модели поведения и т.д. Изучение социального самочувствия позволяет выявлять социальные проблемы и противоречия, зоны неудовлетворенности и напряженности.

Изучая социальное самочувствие молодежи можно выявить ценностные ориентации и общие контуры поведенческих моделей, что в свою очередь, позволяет обнаружить возможности для увеличения человеческого потенциала молодежи. Эмпирической базой настоящей работы выступили данные социологического исследования непрерывного образования и социального самочувствия населения, проведенного в 2012г. в двух сельских районах Новосибирской области*. Анализируя ответы на разные вопросы (об основных проблемах, о материальном положении, жизненных планах, отношении к образованию, степени удовлетворенности различными сторонами жизни, о наиболее важных возможностях, связанных с работой, доверии к различным общественным институтам и т.д.), удалось выделить ценностные ориентации,

* Экспедиция «Включенность трудоспособного населения в непрерывное образование и его результативность» (руководитель Харченко И. И.). Постановление Президиума СО РАН №140 от 05.04.2012. (Было опрошено 356 человек в возрасте от 16 до 45 лет методом анкетирования).

которые распространены среди ответивших до 30 лет: образование, семья, профессиональная самореализация (возможность применять свои способности и быть мастером своего дела), коллективизм, материальное благополучие. Выделение таких универсальных ориентаций можно объяснить в том числе и спецификой сельской жизни. Тем не менее, подобный ценностный набор составляет основу для нормального социального развития.

Сельская молодежь (до 30 лет) вполне довольна отношениями в семье (80,6%), с любимым человеком (63,5), друзьями (80,4%), в меньшей степени досугом (57,5%) и возможностями для проявления своих способностей (40,8%), меньше всего - возможностями хорошо зарабатывать (26,5%) и материальной обеспеченностью (23,2%). Большинство жителей видит в обществе появление новых жизненных возможностей, которых не было у родителей (67,3% от всех ответивших), а молодежь в большей степени замечает их разнообразие. Такие возможности интерпретируются как снятие запретов и увеличение способов достижения цели. Сельская молодежь связывает их с расширением информационного пространства (43,1%), увеличением возможностей получить высшее образование (35,4%), хорошо зарабатывать (36,1%), реализовать себя (27,8%) и сделать карьеру (23,6%), владеть и потреблять (частная собственность (37,5%), товары (38,9%), туризм (27,1%), отдых (29,9%)), а также с расширением гражданской свободы (25,7%). Почти половина молодых селян отмечает наличие таких изменений в обществе, которые стимулируют к непрерывному образованию (46,9%). В качестве ключевой идеи для развития России молодежь выдвигает повышение уровня и качества жизни населения (66,4%) в то время как более технологические цели (например, формирование инновационной экономики, достижение и опережение уровня экономического потенциала развитых стран) находят меньшую поддержку у молодежи (менее 10%). Подобное распределение отражает отношение сельской молодежи к проблемам в стране. В своем поведении молодежь ориентируется на решение собственных проблем (к примеру: желание участвовать в таких направлениях молодежной политики как решение жилищных проблем (41,8%), организация здорового досуга (28,8%), создание рабочих мест для молодежи (26,6%)). Большинство демонстрирует высокую мотивацию к труду: при возможности жить и не работать, все равно бы работали 69,3% молодых сельских жителей, а 51,1% считают, что им ничего не мешает реализовать трудовой потенциал. Важное место среди возможностей, связанных с трудовой занятостью, занимают также "индивидуалистские" ориентации: высокий денежный доход (43%), применение своих способностей (32,1%), самостоятельность в работе (22,1%), возможности для повышения квалификации и образования (21,8%), карьерный рост (21,5%). При этом многие из жителей не включены и не желают быть включенными в общественную жизнь населенного пункта (37,4%).

Таким образом, сельская молодежь включена в процессы социально-экономической трансформации общества, имеет свое отношение к основным проблемам страны, направлениям своего и общественного развития. Хотя

сельская молодежь является не амбициозной и в большей степени демонстрирует поведенческую модель адаптации к существующим жизненным обстоятельствам, все же в ценностных ориентациях и потребностях молодежи выявляются задатки и модели развития. Другими словами, есть возможности для увеличения человеческого потенциала молодежи (профессионального, образовательного, культурного, творческого и т.д.). Для этого необходим комплексный подход, выраженный в следующих направлениях: формирование развивающей организационно-образовательной среды (в которой прививаются такие знания, навыки и развиваются компетенции, соответствующие запросам на рынке труда и новым образовательным стандартам), улучшение качества жизни населения, создание возможностей для участия молодежи в экономическом и общественном развитии.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)*

В. В. Иванова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
vasilinka_86@mail.ru

Происходящие в настоящее время интенсивные трансформационные процессы заставляют обратить более пристальное внимание на такой феномен территориальной организации общества как городские агломерации. В условиях формирования новой территориальной политики в России проблематика городских агломераций приобретает особое значение. Создание агломераций обеспечивает возможность взаимосвязанного развития их основных элементов и получения на этой основе синергетического эффекта.

Так, А. Нещадин и А. Прилепин отмечали: «сегодня агломерация – это объективный процесс развития регионов, обеспечивающий формирование экономических точек роста, равномерное развитие территорий для реализации главной цели социально-экономического развития, а именно: создание комфортных условий проживания и работы для населения и бизнеса» [1].

Для Сибири возможности создания агломераций ограничиваются не только небольшим количеством крупных центров, но и пространственной

* Тезисы статьи подготовлены на основе результатов, полученных в ходе исследовательского проекта «Новосибирская агломерация как социальное пространство: структура, механизмы взаимодействий, агломеративные эффекты», осуществляемого сотрудниками сектора муниципального управления ИЭОПП СО РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Новосибирской области (проект 13-13-54001 а(р)).

изолированностью многих городов, неразвитостью транспортных коммуникаций. Одним из наиболее негативных моментов форсированного создания агломераций за счет стягивания населения к крупным городам и транспортным магистралям, для значительной части территории страны является обезлюдение больших территорий. В этих условиях разреженная система расселения перестает выполнять пространственно-освоенческую и военно-политическую функции, успешное выполнение которых необходимо для безопасности страны.

Таким образом, по-прежнему остается целый ряд «белых пятен» как в теоретическом осмыслении сущности агломерационных процессов в современной России, так и в разработке конкретных методик диагностики ситуации и оценки перспектив развития городских агломераций.

Отсюда возникают задачи диагностики предпосылок формирования городских агломераций и барьеров для их развития.

В современных условиях, территории, как и предприятия, находятся в конкуренции между собой. Каждая территория обладает определенным набором социально-экономических индикаторов, а конкуренция между территориями способствует её социально-экономическому развитию. Таким образом, необходимо понять какими конкурентными преимуществами обладает территория и какие уникальные черты присущи только ей.

Для выявления конкурентных преимуществ Новосибирской агломерации с целью диагностики имеющихся предпосылок и барьеров её развития нами был использован метод SWOT-анализа, фиксирующий сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы, связанные с процессом агломерирования. Информационной базой для анализа послужили данные муниципальной статистики.

Особенностью развития Новосибирской области является высокая степень урбанизации. Также стоит отметить, что на территории агломерации расположено около пятидесяти предприятий и организаций военно-промышленного комплекса. Подавляющее большинство из них находится в Новосибирске, который входит в десятку крупнейших центров ВПК России. В Новосибирской области также размещается значительная часть крупнейших металлургических предприятий региона.

На основе обзора статистических показателей, характеризующих социально-экономическую ситуацию в муниципальных образованиях, входящих в состав Новосибирской агломерации, нами был выявлен их потенциал и ресурсы развития. Далее нами был проведен PEST и SWOT-анализ с целью выявления внешних и внутренних факторов социально-экономического развития Новосибирской агломерации.

Для диагностики сложившейся ситуации и выявления возможностей и угроз, связанных с развитием агломерации, нами был использован набор объективных показателей, характеризующих социально-экономические условия жизнедеятельности населения городской агломерации.

Анализ процессов формирования и развития Новосибирской агломерации показывает, что, несмотря на существенное влияние внешних условий, основными факторами, определяющими развитие агломерации, являются внутренние факторы, как политические, так и экономические. Оценка воздействия факторов внешней и внутренней среды связана с выработкой определенной стратегии развития в зависимости от сочетания возможностей и сильных сторон, а также угроз и слабых сторон. SWOT-анализ показывает, что наиболее благоприятной стратегией развития Новосибирской агломерации является улучшение социально-экономической ситуации на её территории.

Таким образом, очевидно, что «формирование пространственной модели, включающей территории с высоким, средним и низким уровнем социально-экономического развития, приведёт к максимально возможной сбалансированности региональной экономики» [2, С. 99] и социальной инфраструктуры.

Итак, на основе проведенных PEST и SWOT-анализа мы выявили основные конкурентные преимущества и уникальные черты Новосибирской агломерации, знание которых необходимы для разработки программы развития и продвижения данной территории.

Литература

1. Нещадин А., Прилепин А. Городские агломерации как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России // Общество и экономика. 2010. №12.

2. Поподько Г.И., Нагаева О.С. Оценка возможностей и ограничений перспективного развития Красноярской агломерации // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири: сб. науч. тр. / под ред. А.С. Новосёлова; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2009. С. 76-102.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА КРЕДИТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЗАЕМЩИКОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕКТОРЕ РОЗНИЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В ПЕРИОД КРИЗИСА

М. В. Петухова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
pm1986@mail.ru

Актуальность исследования вопросов влияния уровня образования на кредитное поведение и платежеспособность заёмщиков объясняется несколькими взаимосвязанными причинами. Банки и кредитные организации, исследовав особенности кредитного поведения своих заемщиков, смогут предлагать им наиболее выгодные условия, учитывая уровень кредитного риска. Органы государственной власти могут прогнозировать объемы просроченной

задолженности. Финансовые регуляторы также могут прогнозировать уровень резервов, кредитного риска и потерь в банках и кредитных организациях.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ особенностей кредитного поведения заемщиков, проживающих в Новосибирской области, в зависимости от уровня образования. Так как особенности поведения заемщиков могут значительно отличаться в зависимости от региона проживания заемщика, то такой анализ наиболее целесообразно проводить в региональном разрезе. Зачастую оказывается полезным (да и просто необходимым) производить анализ не только по регионам, но и по городам, или, разделив базу данных заемщиков в зависимости от места проживания (деревня или город, близость к центру города, близость к кредитной организации, или по районам области и города).

В соответствии с целью исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1. Проанализирована база данных заемщиков Новосибирской области, получивших кредит в период с января 2006 по апрель 2010 гг. в разрезе уровня образования. Анализ проводится с использованием статистических методов (в программе статистической обработки данных *SPSS16*).

2. В зависимости от выделенных временных интервалов (докризисный период, период кризиса и период восстановления экономики) проанализировано поведение заемщиков с использованием следующих показателей: доля просроченной задолженности, доля дефолтов, доля невозвратных кредитов.

3. Выявлены особенности поведения заемщиков в разрезе уровня образования, а также проведен сравнительный анализ поведения различных групп заемщиков.

Согласно критерию Пирсона признак *образование* является статистически значимым с точки зрения влияния на кредитное поведение заемщиков Новосибирской области.

Рассматривались следующие градации признака *образование*: несколько высших, высшее, незаконченное высшее, среднее, среднее специальное, неполное среднее, другое.

Период кризиса определялся в исследовании путем оценки параметров функции распределения доли дефолтов, в случае, если параметры значительно изменялись, мы считали, что наступил кризис (или, соответственно, его окончание). В Новосибирской области период кризиса продолжался с сентября 2008 г. по август 2009 г., после этого периода доля дефолтов нормализовалась.

Так, в частности, в ходе исследования были получены следующие результаты:

1. Люди, имеющие высшее образование, в целом являются более платежеспособными, чем средний заемщик, проживающий в Новосибирской области.

2. В период кризиса вероятность невозврата кредита людьми, имеющими высшее образование, увеличилась незначительно, в среднем на 0,5 процентных пункта по всем группам просроченной задолженности. При этом уровень просрочек вырос существенно: до 5,43%, увеличение на 2 процентных пункта.

3. Доля невозвратных долгов для людей с высшим образованием самая низкая для всех исследуемых групп и временных интервалов.

4. Восстановление в посткризисный период для исследуемой группы происходило достаточно медленно, доля просрочек снизилась незначительно, однако доля невозвратных кредитов и кредитов, сложных для взыскания постепенно вернулась к докризисному уровню в течение полугода.

Сравнительный анализ групп заемщиков показывает, что кризис оказал наименее существенное воздействие на лиц, имеющих высшее образование. Несмотря на то, что их платежеспособность снизилась в период кризиса, восстановление платежеспособности произошло достаточно быстро.

Исследование особенностей групп заемщиков, их поведения и платежеспособности в зависимости от уровня образования является достаточно сложной задачей, однако экономический эффект от ее решения оказывается очень значительным, поэтому рассмотрение других аспектов влияния уровня образования на кредитоспособность и поведение будет составлять следующий этап исследования.

ЯЗЫК КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)*

В. В. Гомзова

Новый сибирский институт (Новосибирск)

atsuaki@mail.ru

Неслучайно, среди приоритетов современной российской государственной политики выделяется «гармонизация межнациональных отношений», чему, посвящено распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.07.2013г. №1226-р об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, с помощью которой будут созданы благоприятные условия для социальной и культурной адаптации мигрантов.

Социальная адаптация отражает одно из главных человеческих качеств мигрантов — стремление к сохранению жизни, а также реализации базовых

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтничные мигранты - стратегии и практики взаимодействия».

потребностей в новой среде при поддержке институтов власти и местного населения. Культурная адаптация предполагает процесс активного приспособления культуры к условиям конкретной окружающей среды, который определяет специфические, характерные черты данной культуры [3]. Уровень адаптации мигрантов к новым жизненным условиям помогает определить стратегии адаптации и важнейшие направления включения миграционного ресурса в жизненное пространство региона.

В связи с актуальностью данной темы проанализируем языковые аспекты культурной адаптации *самых* мигрантов в условиях российского общества на примере города Новосибирска. Речь идёт преимущественно об этнической миграции, и наш интерес в большей степени связан с выходцами из Средней Азии, Казахстана, с теми, кто тяготеет или явно придерживается ислама. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в I полугодии 2013 года, проект №13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтничные мигранты - стратегии и практики взаимодействия».

Язык – основное средство общения людей, при помощи которого люди общаются друг с другом, передают свои мысли, чувства, желания, таким образом, обеспечивая три основные функции общения: коммуникативную, интерактивную и перцептивную.

Язык является важнейшим элементом культурной адаптации. Как показали результаты исследования, 96% ответивших считают, что приезжающие мигранты должны стремиться «хорошо» говорить по-русски, остальные – заняли противоположную точку зрения. При этом на языке «принимающей» стороны респонденты общаются практически только на работе с коллегами (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Варианты	На русском	На своем национальном языке	По-разному
Дома с родными	12%	65%	23%
На работе с коллегами	75%	6%	19%
С людьми моей национальности	10%	58%	32%

«С людьми своей национальности» и дома – опрошенные предпочитают разговаривать на своем национальном языке. Лишь очень незначительная часть – 12%, говорят на русском языке дома с родными.

Среди тех, кто считает, что нужно стараться научиться хорошо говорить по-русски 35% – жители Таджикистана, почти 26% – жители Узбекистана и 25% – жители Киргизии (24,7%). Всего 2% представителей Азербайджана и чуть больше 3% - представителей Казахстана считают также. Это позволяет говорить, о «некой открытости» к стратегии речевой адаптации именно жителей Таджикистана, Уз-

бекистана и Киргизии. Хочется отметить, что в сентябре 2012 года специалистами УФМС России по Новосибирской области совместно с представителями Межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр таджикистанцев» (далее – организация) открыты курсы по изучению русского языка для трудовых мигрантов. В ходе такого курса мигранты изучают алфавит, названия букв, разбирают слова по составу, части речи, единицы меры, длины и времени, а также учатся составлять краткий рассказ о себе и писать заявления. При этом, организация сделала перевод терминов на три языка: таджикский, узбекский, киргизский [2].

В тоже время, большинство ответивших (58%) приехало в Новосибирск только на время сезонной работы, и только потом 31% - те, кто хочет остаться на постоянное место жительства.

67% мигрантов, которые стремятся научиться хорошо говорить по-русски имеют полное среднее, профессионально-техническое и средне-специальное образование, т.е. «рабочие» специальности; а 54% ответивших, и считающих это не обязательным, имеют высшее образование. Получается очень «интересная картинка», когда к изучению русского языка, скорее всего, мигрантов толкает экономический аспект – «желание заработать», а не осознание и стремление к стратегии адаптации (минус). Подтверждает, это и то, что большинство «стремящихся» к изучению русского языка – работающие люди.

Отвечая на вопрос о том, хотели бы мигранты, чтоб их дети хорошо знали русский язык, положительно ответили 99%, из них 88% - считают это обязательным, а 11% - что «это было бы не плохо»; всего чуть больше 1% ответивших заняли противоположные позиции, говоря о не обязательности и не нужности этого процесса. Данные результаты позволяют говорить, о некоторых изменениях и зарождении процесса аккультурации мигрантов (плюс).

В тоже время, 91% ответивших считают обязательным для своих детей знание национального языка; почти 7% - говорят, что «это было бы не плохо», и 2% говорят о не нужности и не обязательности этого процесса. Можно сделать вывод о том, что мигранты хотят видеть своих детей «полиглотами», это является определенным сдвигом (плюсом) в процессе культурной адаптации мигрантов, и возможно интеграции.

Интересно, что большинство (более 84% в каждой группе) мигрантов вне от стремления/не стремления научиться хорошо говорить по-русски, хотели бы, чтоб их дети знали русский язык, и соответственно 92% / 85% мигрантов хотят, чтоб их дети знали свой национальный язык.

Стремление мигрантов к изучению русского языка двойко, но в любом случае изучение русского языка положительно влияет на мигрантов, повышает общий уровень их культуры и способствует налаживанию конструктивного диалога между мигрантами и принимающим сообществом.

Таким образом, рассмотрев языковые аспекты культурной адаптации мигрантов на примере города Новосибирска, стоит отметить некоторые плюсы в проводимой адаптационной политике приезжих в Новосибирскую область, но наряду с ними есть и ряд минусов, которые необходимо искоренять путем

формирования в области, например, адаптационных центров, как это сделано в Тамбове и Оренбурге в сентябре текущего года [1].

Литература

1. Газета «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://nsk.kp.ru> (дата обращения 08.10.2013).
2. Официальный сайт ФМС России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=73455 (дата обращения 05.10.2013).
3. Социологический энциклопедический словарь / Под. ред. Осипова Г.В. – М., 2000.
4. Солодова Г.С. Мигранты-мусульмане – установки и практики в контексте российского общества // Вестник Новосибирского государственного университета. 2010. Т. 8, вып. 3.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА АБАКАНО-ЧЕРНОГОРСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Н. В. Игнатова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
nadja11b@mail.ru

Сравнивая современный город и город сто, пятьдесят и даже тридцать лет назад сложно не заметить тот разрыв, который между ними существует. Изучением города занимается такая отрасль социологии как социология города.

Социология города зародилась как ответ на урбанистические процессы. Появилась необходимость изучения социально-территориальной структуры населения, сущности и общих закономерностей функционирования и развития города.

Разные территориальные общности обладают разными, часто несопоставимыми возможностями, потенциалом для решения проблем, развития, что увеличивает разрыв между регионами. Для преодоления этого разрыва появился феномен городских агломераций. Городская агломерация – это особая географическая, экономическая и социальная организация, имеющая потребность в решении общих задач [3, С. 53-80].

Россия, с ее территориальным размахом, разрывом между качеством жизни, экономическим развитием различных регионов, социальной стратификацией, видит в городских агломерациях выход из сложившейся ситуации. В.В. Путин, еще в должности премьер-министра, в авторской статье «О наших экономических задачах» отметил, что «освоение территории России надо начинать с земель вокруг крупных экономических центров. Расширение «агломерационного радиуса» наших городов в 1,5-2 раза увеличит доступную

территорию в несколько раз. Это позволит полностью преодолеть ее дефицит, снизить стоимость жилых и производственных помещений на 20-30%. Это позволит значительно поднять и доходность пригородного сельского хозяйства, и качество жизни работников аграрного сектора» [4].

Однако не стоит забывать, что агломерации – это естественный процесс, причем первоначально данный термин, который в начале XX века ввел А. Вебер, применяли для обозначения процессов большой концентрации населения в городах. Лишь впоследствии, когда крупные города разрастались и в сферу их влияния вливались все новые городские и сельские поселения, этот термин стал применяться для обозначения новых территориальных образований.

При упоминании естественного начала агломераций справедливо замечание А.С. Ахиезера, о том, что специфической особенностью урбанизации России является принудительная перекачка государством ресурсов из деревни. Данный процесс сопровождается переносом в город элементов натурального хозяйства, институциональной необеспеченностью процесса урбанизации, что повлекло за собой появление феномена псевдоурбанизации в советское время.

Однако некоторые естественные предпосылки все же имеются. Первые российские агломерации, расположенные в европейской части России, такие как Москва, Санкт-Петербург начали образовываться еще в конце XIX века. Восточные же регионы России значительно отстают. Одним из способов преодоления данного разрыва является Транссибирская магистраль. Великий Сибирский путь соединяет европейскую Россию с восточносибирскими и дальневосточными районами. Транссиб – дорога, давшая развитие восточным районам и вовлекшая их в экономику всей страны. Если взглянуть на карту, то можно отметить, что именно вокруг Великого Сибирского пути и происходят естественные агломерационные процессы, появляются такие агломерации как новосибирская, иркутская, томская, красноярская агломерации. Однако, ядрами данных агломераций являются довольно развитые города, которых, к сожалению в восточной части не так много.

Создание Абакано-черногорской агломерации является, уникальным проектом. По мнению В. Зимин, губернатора РХ «Хакасия, по сути дела, станет практически первопроходцем в России по созданию агломерации на сравнительно небольшой территории» [1]. Уникальность данного проекта заключается не только в территории, но и в том, что это один из немногих проектов, о котором заговорили на уровне государства. В подавляющем большинстве данные процессы не освещаются в СМИ.

По анализам ведущих специалистов предпосылки для создания АЧА имеются. Республика располагает территориальной близостью крупных населенных пунктов, компактным заселением территории с двумя городами-ядрами, развитой транспортной инфраструктурой, а так же высокой концентрацией высококвалифицированных работников. Создание агломерации во-

круг столицы Хакасии должно вывести регион на принципиально новый уровень развития.

Метод картографирования фиксирует процессы агломерирования на территории Абакана еще с советских времен (1929, 1932, 1940, 1950, 1965-1966, 1982). Окруженный городами и поселками, ориентированными на монопроизводство – добычу угля, Абакан, в постсоветское время, когда угольные предприятия пришли в упадок, стал центром стихийной маятниковой миграции. В результате стали открываться крупные предприятия, получила развития добывающая, перерабатывающая промышленность и т.д. Именно в это время появляется «Абаканвагонмаш», как крупнейшее предприятие машиностроительной отрасли России, куда начинают стекаться потоки высококвалифицированных работников.

«Да, действительно, в регионе давно сложилось единое агломерационное пространство с двумя ядрами: Абакан и Черногорск. Но, как вы понимаете, все это существовало и развивалось стихийно, этого было недостаточно для устойчивого, успешного, динамичного развития», – считает министр экономики Хакасии Татьяна Краснова [2].

Прежде чем приступить к реализации проекта Абакано-черногорской агломерации необходимо проанализировать сложившуюся ситуацию. В первую очередь это социальные потоки населения. Изучение агломерационных потоков позволит в полной мере реализовать имеющийся потенциал региона. Это позволит найти точки пересечения социальных потоков, что в свою очередь обозначит те «узелки», стыки, где наиболее оптимально создание тех или иных объектов социальной, экономической, политической жизни населения. Таким образом это позволит реализовать проект Абакано-Черногорской агломерации с максимальной эффективностью.

Литература

1. Зимин: Хакасия – первопроходец по созданию агломерации [Электронный ресурс] // РИАНОВОСТИ. – 2012. – URL: <http://ria.ru/interview/20120521/654549464.htm> 1 (дата обращения 05.10.2013).
2. Корзун В. Абакан выходит за пределы // Эксперт Сибири. – 2012. – №10 (323).
3. Миронов Н. М. Городские агломерации: зарубежный опыт // Местное право. – 2009. – № 5-6.
4. Путин В.В. О наших экономических задачах [Электронный ресурс] // Путин. Итоги. – 30.12.2012. – URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/01/30/statya-v-v-putina-o-nashix-ekonomicheskix-zadachax/> (дата обращения 2.10.2013).

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА АБАКАНА

И. В. Боровкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

irulya_777@mail.ru

Проблема гражданской идентичности проистекает из распада СССР, население которого идентифицировало себя с общностью «советский народ. С распадом СССР у граждан РФ возникла необходимость идентифицировать себя с иным государством, в названии которого основным стало этническое имя титульной национальности. Для этнических меньшинств РФ гражданская идентичность с государством, сохраняющим в своем названии имя титульного этноса, затруднительно. Причиной тому – опасение утратить свое собственное этническое имя.

В работе мы исходим из социологического подхода к анализу идентичности. В центре внимания – соотнесение личности с определенной общностью, её представления о группе, социальные механизмы самоопределения в многообразных группах.

Чаще всего понятие «мы» ассоциируется с внеэтническими и даже глобальными категориями (граждане, люди, человечество). В России то, что обыденно называется российской идентичностью, на самом деле не носит исключительно этнического значения.

Неопределенность общегражданской, государственной идентичности заставляет пристально всмотреться в другие альтернативные формы – этническую, профессиональную, различные локальные идентичности, а также в историческое прошлое страны.

Данная тема была выбрана не случайно, так она является наиболее актуальной для Абакана. Спецификой Хакасии как региона является то, что это национальная республика, её территория полиэтничная, но представителей титульного этноса – хакасов значительно меньше, чем русских. И данные последних опросов показывают, что зачастую этническое самосознание хакасов утрачивается, на первое место выходит гражданская позиция.

В массовом сознании абаканцев заметно распространились неуверенность и пессимизм в прогнозах на ближайшее будущее (34,7 % сказали о том, что «жизнь в России всегда будет хуже, чем в других развитых странах»). Однако, с другой стороны, большинство абаканцев видят будущую Россию великой державой, а возможно даже, и сверхдержавой (45,3 %).

В современных условиях единственным способом для граждан реально осуществлять возможности самоуправления предоставляют институты гражданского общества, например политические партии, различного характера общественные организации и объединения. 81,3 % респондентов не готовы принимать активного участия в принятии управленческих решений: они не состоят ни в каких политических партиях, общественных объединениях. Т. е.

большинство граждан не доверяют власти и винят их за трудности в их сегодняшней жизни, однако, сами они проявляют пассивную гражданскую позицию, они не готовы брать на себя ответственность в реализации каких-либо активных политических и общественных действий.

1/3 респондентов в независимости от национальности, обычно рассчитывают на себя, а не на представителей властных структур, что также позволяет сделать вывод о неудовлетворенности или неуверенности респондентов в их защищенности государством.

Однако, положительным фактом, характеризующим уровень гражданского самосознания и патриотизма абаканцев, является то, что 80 % респондентов гордятся тем, что они граждане РФ.

Современный россиянин все больше уделяет внимания формальным признакам при ассоциации с нашей страной: на первое место выходят такие ответы как «место где я родился и вырос» (57,3 %), «государство, в котором я родился и живу» (31,7 %) и «наша земля, территория» (24 %), т. е. приоритет отдается территориальному и официально-государственному (гражданскому) факторам. Культурно-духовные и религиозные аспекты снижают свою актуальность.

У абаканцев наиболее сформирована локально-территориальная идентичность, т. е. большинство граждан устраивает их сегодняшнее место и условия проживания. Так как, лишь 16 % респондентов указали, что при наличии выбора, где бы они хотели проживать в дальнейшем, они ответили «за рубежом», остальные 84 % предпочли бы остаться в РФ.

В заключении можно прийти к выводу, что сегодняшнее российское общество, и в частности население города Абакана представляется в целом внутренне неоднородным, разноплановым и поликультурным. Это еще одно подтверждение того очевидного факта, что современная Россия находится на промежуточной стадии до конца несостоявшейся российской национально-государственной идентичности. Тем не менее, процесс этот идет и есть положительные результаты в данном направлении.

В целом концепция гражданства должна быть сконструирована таким образом, чтобы содействовать, а не угрожать стабильному существованию других групповых (этнических, религиозных, гендерных и пр.) идентичностей и тем более не конкурировать с ними. Это значит, что через статус гражданина, носители этих групповых идентичностей должны получать доступ к публичной сфере, именно в качестве выразителей данных идентичностей, а не просто как индивидуальные граждане.

Таким образом, гражданская идентичность жителей г. Абакана находится на стадии формирования, относительно стабильном, но не до конца сформированном. Здесь накладывается отпечаток российского национального менталитета, Советского прошлого, специфика г. Абакана, как столицы Республики Хакасии – поликультурного, многонационального субъекта РФ.

Литература

1. Артемова И. В. Этническая идентичность и этническое самосознание русских в Республике Хакасия. [Текст] / И. В. Артемова. // Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов. / Под ред. Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной. – Новосибирск: Нонпарель, 2009. – С. 106-112.
2. Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад (Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН. Раздел публикации. Издания института социологии. – 2007. – URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (дата обращения: 26.06.2012).
3. Шереги Ф. Социология политики: прикладные исследования / [Текст] / Ф. Шереги – М: Мысль, 2008.

ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Д. М. Сапарова

Томский государственный университет
saparovadm@gmail.com

Тема политической активности молодежи и ее проявления в государственной политике страны в последнее время приобрела актуальность. Данная возрастная группа неотъемлемая часть политического спектра и одновременно объект политического воздействия. Молодежь является одним из участников принятия политических решений. Отталкиваясь от заданной темы, процесс принятия политических решений будет рассмотрен сквозь призму молодежной политики Томской области и Красноярского края.

Политические решения и идеи молодых людей оказывают влияние на развитие молодежной инфраструктуры региона, и в целом на развитие молодежного менталитета. Важным фактором остается применение теории принятия политических решений в практическом аспекте в сфере молодежной политики. Ключевой вопрос: формируемые, а в последствие реализуемые политические решения по актуальным проблемам молодежи – это инициатива юных парламентариев, которые только постигают основы политического дела, или тех, кто стоит над молодежными структурами и лоббирует интересы доминирующей партии в регионе?

Наиболее значимыми в теории принятия политического решения являются труды зарубежных политологов: Г. Лассуэла, И. Яниса, Ч. Линдблома.

Тема не осталась незамеченной и современными российскими исследователями: А.А. Дегтяревым, А.И. Соловьевым, С.С. Сулакшиным, С.Г. Туронком. Невозможно оставить без внимания авторов, занимающихся исследуемой темой в области молодежной политики: О.А. Рожнов, В.А. Луков, А.А. Зеленин, И.В. Кирдяшкин.

В исследуемой работе будет рассмотрен процесс принятия политических решений в молодежных организациях Томской области на примере Молодежного совета и Молодежного парламента, а также Экспертного совета Красноярского края.

Объект исследования – молодежная политика в Томской области и Красноярском крае, предмет – участие молодежных организаций в принятии политических решений (ППР) по вопросам молодежной политики.

Цель доклада: оценка эффективности участия молодежных организаций в молодежной политике на примере деятельности Молодежного совета города Томска (МСГТ), Молодежного парламента Томской области (МПТО) и Экспертного совета Красноярского края (ЭСКК).

Исходя из анализа документов, закрепляющих основные положения молодежи, а это: Стратегия государственной молодежной политики в РФ (на период с 2006 – 2016 гг.), закон Томской области о государственной молодежной политике в Томской области и нормативные документы исследуемых организаций, следует, что принятие решений в молодежной политике является лишь формальным элементом деятельности молодежных организаций.

Рассмотрим, образованный в 2010 году (тогда же и состоялись выборы в Думу Города Томска V созыва) Молодежный совет города Томска. За время его работы важных решений, которые могли повлиять на судьбу города и молодых людей, особо замечено не было, разве что решение о внедрении «Трезвой карты города Томска». Молодежный совет создан для поддержки деятельности городской Думы, и то только тогда, когда в этом нуждаются «взрослые» депутаты. Это подтверждается следующим примером: принятие Молодежным советом решения о сохранении площадки на нижней террасе Лагерного сада.

В деятельности Молодежного парламента Томской области существует два основных направления: кластер внутренней и внешней политики. К первой относится деятельность внутривидового характера. В рамках второго – заложено курирование работы районных молодежных дум, образованных, в основном, на базе сельских школ. Практические принятые решения Молодежного Парламента носят исключительно проектную форму своего проявления. Создание «Общественно-политического телевидения», проект «Юниор-лига КВН», снятие «Народного кино» лишь подтверждают это.

Молодежный экспертный совет или Молодежное правительство дублеров был создан в марте 2009 года и является совещательным органом при губернаторе Красноярского края. Структура Молодежного правительства построена по аналогии с правительством Красноярского края. Число и направления деятельности комитетов соответствуют числу и направлениям деятельности

министерств Красноярского края*. В основном большая часть деятельности связана с реализацией различных проектов в разных комитетах совета, участием и проведением конкурсов, форумов.

Фактически механизм работы Молодежного экспертного совета сводится к исполнению поручений губернатора, сбору информации и мониторингу ситуации в молодежной среде, а также осуществлению заявленных проектов. Своеобразным показателем является тот факт, что большая часть реализованных и существующих идей (проектов), принятых нормативных актов, не находят своего отображения на сайте Молодежного правительства.

В результате исследований деятельности молодежных организаций таких как Молодежный совет города Томска, Молодежный парламент Томской области, Экспертный совет Красноярского края, выявлено, что большинство решений, принимаемых этими организациями, носят номинальный характер. Попытки молодежных органов участвовать в принятии решений на местном уровне реализуются лишь тогда, когда они соответствуют потребностям правящей партии, сильных лоббистских групп и административных структур. Таким образом, молодежная политика в городе и области носит характер имитации политического взаимодействия молодежных организаций со структурами, осуществляющих реальную политику.

СТРУКТУРА И МОТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ТОМСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В. В. Кашпур

Томский государственный университет
vitkashpur@mail.ru

В тезисах будут представлены итоги социологического исследования структурных и мотивационных характеристик социальной активности молодежи Томской области, проведенного по заказу Департамента по молодежной политике, физической культуре и спорту Томской области (n=900).

Участие молодежи в мероприятиях. Начнем с анализа уровня и структуры участия молодежи в мероприятиях и акциях, проводимых на территории муниципальных образований Томской области – Таблица 1. В целом можно констатировать, что уровень участия молодежи региона в различных типах мероприятий и акций колеблется от среднего до низкого уровня.

* Молодежное правительство дублеров Красноярского края [Электронный ресурс] // <http://www.molprav24.ru/pages/index/index/alias/about>, свободный (дата обращения: 10.09.2013)

Таблица 1 – Участие молодежи в мероприятиях (в %%)

Тип мероприятия	Уча- стни к	Ор га- ни за- тор	Не уча ств ую
Волонтерские (добровольческие) акции и мероприятия	27	5	68
Благотворительные акции и мероприятия	28	5	67
Художественная самодеятельность	27	5	68
Спортивные и физкультурные мероприятия	43	5	53
Митинги, пикеты, демонстрации	16	3	81
Общегородские (районные) акции и праздники (карнавал, День города, День села и т.д.)	46	3	51
Образовательные мероприятия, тренинги, семинары, форумы	38	6	56
Другое	3	1	96

Наиболее распространена такая форма участия в мероприятиях как общегородские (районные) акции и праздники (49%), что вполне объяснимо их доступностью, которая позволяет молодому человеку даже путем прогулки по центральным улицам в День Города стать участником мероприятия.

Второе место занимают спортивные и физкультурные мероприятия (48%), распространенность которых, прежде всего, связана с функционированием образовательной системы. Как в школах, так и в учреждениях уровней начального, среднего и высшего образования физическая культура выступает в качестве обязательного предмета, а спортивные мероприятия являются составной частью культурно-массовой работы с обучающимися.

На третьем месте находятся образовательные мероприятия (44%), участие в которых обусловлено активной включенностью и востребованностью среди молодежи в современные формы образовательных услуг: тренинги, форумы и т.д. Кроме того, в данном случае также оказывает влияние и специфика Томска как образовательного центра сибирского региона, привлекающего молодежь, которая хочет и может получить в результате своего обучения реальные знания и компетенции, а не просто диплом.

Участие в остальных типах мероприятий распространено в меньшей степени среди опрошенной молодежи. Так, в благотворительных и волонтерских акциях и мероприятиях участвуют соответственно 33% и 32% опрошенных, столько же – 32% - участвуют в художественной самодеятельности.

Наименее распространено участие в мероприятиях общественно-политической направленности – митингах, пикетах и демонстрациях, что отражает общий невысокий уровень гражданской активности в современном российском обществе.

В подавляющем большинстве молодежь участвует в мероприятиях в качестве простых участников, организаторами выступает от 3% до 6% опрошенных.

Структура членства в организациях. Далее обратимся к рассмотрению структуры членства молодежи в различных типах организаций – Рисунок 1.

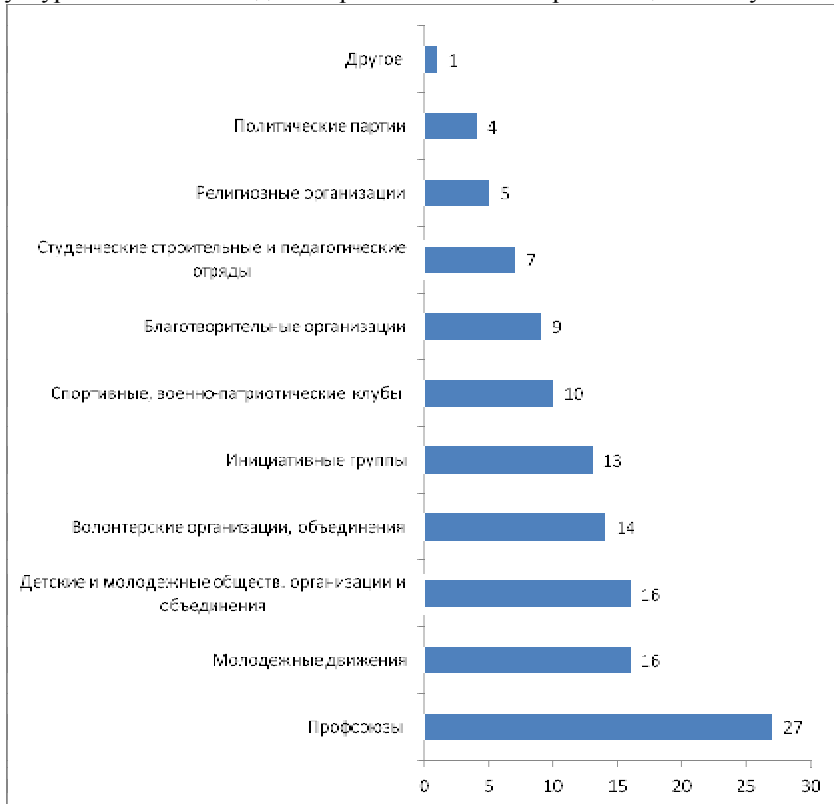

Рисунок 1 – Членство молодежи в организациях (в %%)

По сравнению с уровнем участия в мероприятиях степень членства в структурированных формах социальной активности можно обозначить как низкую. В молодежной среде наиболее распространено членство в профсоюзных организациях, что не удивительно, учитывая наличие значительной доли студентов в структуре опрошенных респондентов. Среди оставшихся вариантов более высокая распространенность членства наблюдается в следующих типах организаций: детские и молодежные объединения и движения, волонтерские организации и инициативные группы. Наименее распространено членство в политических и религиозных организациях.

Далее проведем анализ мотивации участия молодежи в данных типах организаций.

Мотивация участия молодежи в организациях. В исследовании отдельно анализировался вопрос о мотивах членства и участия респондентов в деятельности организаций. Структура мотивации представлена в Таблице 2.

Таблица 2 – Мотивы участия в организациях (в%)

Общение с разными людьми	31
Получение новых знаний и навыков	28
Получение нового опыта	25
Новые полезные связи	21
Ничего из перечисленного	21
Возможность проявить себя	20
Помощь другим людям	18
Возможность воплощать в жизнь свои идеи	17
Возможность заработать деньги	13
Круг единомышленников	13
Возможность заявить о себе	12
Другое	10
Способ найти работу по окончании обучения	9

В качестве основных причин участия молодежи в организациях выступают коммуникативные («общение с разными людьми» – 31%) и образовательные («получение новых знаний и навыков» – 28%, «получение нового опыта» – 25%) мотивы.

Творческие, альтруистические и прагматические мотивы членства в организациях распространены в меньшей степени среди молодежи Томской области.

Подведем итог. В качестве наиболее распространенной формы социальной активности молодежи можно обозначить «рекреационную» – участие в праздничных и физкультурно-спортивных мероприятиях и организациях. Второй по распространенности является «созидательно-альтруистичная» форма социальной активности молодежи, проявляющаяся в благотворительной и волонтерской деятельности. Наименее распространена «политизированная» форма социальной активности, подразумевающая участие в политических митингах, членство в партиях и активную публицистическую деятельность в Интернете. Современные молодежные организации привлекают молодежь возможностью общения, «тусовки», а также как пространство для роста собственного образовательного потенциала.

СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОНЯТИЯ «МОЛОДЕЖЬ» (В ПРАКТИКЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Е. К. Козлов, А. И. Лихачев

Новосибирский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
schoolpv@mail.ru

В рамках организации внутренней политики многих государств, в том числе и Российской Федерации, принято использование понятия «молодежь».

Во всех случаях общим сущностным признаком «молодежи» является обособление в данную категорию группы населения. Исторически появление понятия «молодежь» можно связать с выделением в социальном устройстве человека определенного набора социальных функций группы людей, отражающего представления о некотором этапе нормального жизненного пути, представления о котором невозможно было применить ни к детству, ни к зрелости. С появлением в индустриальных обществах институтов внесемейного образования — ремесленных училищ, университетов — в обществе выделилась особая группа молодых людей, которые отрывались от семьи, но еще не обретали полной независимости, то есть не могли считаться взрослыми. Они занимали промежуточный, переходный статус между детьми и взрослыми. [1; стр. 9]

Сегодня в практике организации работы с молодежью в рамках государственной молодежной политики выделяется лишь один сущностный критерий — возраст. В Российской Федерации принято считать базовым определение молодежи, как социально-демографической группы от 14 до 30 лет. С нашей точки зрения, данное выражение выглядит несколько универсальным, настолько и формальным. Т.е. объединение по данному сущностному признаку облегчают выборку объектов работы с молодежью, но с другой стороны упускает индивидуальную специфичность объектов при выборке, что приводит, например, к сложностям в стандартизации форм работы с молодежью, а следовательно, в контроле за качеством их выполнения. Исследование жизненных путей молодежи обнаружило такое явление, как пролонгирование периода молодости, которое давно фиксируется западными социологами в качестве характерного для современной культуры. Отсроченная социально-профессиональная стабилизация молодых поколений характеризует теперь процессы вступления в активную жизнь и российской молодежи, приобретая в общественном сознании нормативный характер [2; стр. 472]. Заметим, что при организации ряда комплексов социальных мер для столь крупных в доле отношения групп населения (население в возрасте от 14 до 30, составит примерно четвертую часть от всего населения РФ) речь идет о социальной работе, поэтому, считаем целесообразным предположить, что общие

принципы в организации работы с молодежью и социальной работы могут быть схожими. Если мыслить дальше в данном направлении, можно подойти к аналогии в том, что в рамках организации работы с молодежью предусматривается индивидуальная закреплённость социального работника за конкретным адресатом социальной работы. Т.е. в таком виде за социальным работником может быть закреплено не более чем 20 человек (тогда при 40-часовой рабочей неделе, на каждого будет предусмотрено по 2 часа), исходя из чего, при применении данной модели к организации работы с молодежью, социальным работником в данной сфере должен оказаться каждый 80-ый житель страны, что в современной ситуации РФ составит примерно 2 млн.человек.

На наш взгляд, необходимо использование иного подхода в определении сущностных признаков понятия «молодежь», применяемого в практике организации работы с молодежью в рамках государственной молодежной политики. Примером для детального и всестороннего анализа может выступать модель государственной молодежной политики, где при выделении сущностного признака, будет рассмотрен в числе других комплекс типичных проблем, которые необходимо решать именно в некоторый период, например, проблемы образования, трудоустройства и жилья.

Литература

1. Манько Ю. В., Оганян К. М. Социология молодежи: учебное пособие. СПб.: ИД «Петрополис», 2008.
2. Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб.: Изд_во РХГИ, 2004.

МОТИВАЦИЯ МОЛОДЁЖИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. В. Лепешкина

Тольяттинский государственный университет

missss12345@gmail.com

Проблема изучения молодежью иностранных языков является актуальной в сегодняшнее время. Это объясняется тем, что процессы глобализации охватили все сферы жизнедеятельности современного мирового сообщества. Изучение иностранных языков занимает важное место в жизни молодежи, и оно является просто необходимостью на современном этапе нашей жизни.

Цель нашего исследования – изучение мнения молодежи о необходимости знания иностранного языка. Из данной цели вытекают следующие задачи:

1. Выявить отношение студентов к изучению иностранного языка
2. Узнать, какую роль играет иностранный язык в жизни студентов

3. Узнать, что побуждает студентов изучать иностранный язык
4. Выявить особенности мотивации молодежи в изучении иностранных языков

Объектом заявленного исследования являются две группы студентов, детерминированные по специальностям: студенты ТГУ технических специальностей и студенты ТГУ экономических и гуманитарных специальностей.

При исследовании отношения студентов к изучению иностранного языка используется метод анкетирования в объеме 100 человек. По типу выборка – стратифицированная, метод снежного кома. Критериями отбора будут выступать пол, возраст, специальность респондента.

Помимо анкетирования в ходе исследования было проведено четыре интервью, в которых приняли участие респонденты - представители сравниваемых нами совокупностей опрашиваемых. Оно носило характер индивидуального, формализованного, проводилось с использованием заранее составленного списка вопросов.

Для того чтобы выявить отношение студентов к иностранным языкам, мы спросили их, считают ли они, что знание иностранного языка востребовано в современном обществе. Практически единогласно (91%) студенты ответили, что это очень востребовано в наше время. И практически в равном соотношении находятся студенты технических и не технических специальностей (86% и 96% соответственно).

Мы выяснили, что изучение иностранных языков действительно необходимо в нашей повседневной жизни и дальше мы хотели узнать, какие конкретно преимущества дает человеку хорошее знание иностранного языка. Большинство студентов (67%) считают, что это делает человека более конкурентоспособным на рынке труда. Чуть меньше студентов (44%) считают важным преимуществом то, что благодаря хорошему знанию языка появляется возможность общаться с иностранцами и знакомиться с новыми людьми. 37% студентов ответили, что знание иностранного языка поможет найти хорошую и более высокооплачиваемую работу. Не наблюдается различий между ответами студентов разных специальностей. И также 37% респондентов ответили, что это делает их жизнь интересней, ярче и богаче. Так же студенты отметили (36%), что благодаря хорошему знанию иностранного языка появляется отличная возможность смотреть фильмы и читать книги в оригинале. Некоторые респонденты (16%) выделили такое преимущество, как то, что хорошее знание языка тренирует память, делает наш ум гибким и мобилизует мыслительную деятельность в целом.

Мы выяснили, что желание изучать иностранные языки у студентов есть, и, причем, немалое. И студенты технических, и нетехнических специальностей считают, что это действительно востребовано в нашем современном мире, но, тем не менее, студенты, так или иначе, сталкиваются с рядом трудностей при изучении иностранных языков. Мы выяснили, что же все-таки препятствует изучению языков, и получили следующие результаты: большинство респондентов (49%) сталкиваются с нехваткой времени, это основная про-

блема студентов. Но самое главное – это желание, если оно есть, то хоть немного времени можно найти всегда. Чуть меньше студентов (29%) отметили, что очень мешают изучению других языков лень и недостаточное количество денег для изучения иностранного языка. Так же студенты считают (25%), что для успешного изучения языка необходимо иметь определенный склад ума. Часть респондентов (19%) отметили, что нужно жить в стране изучаемого языка, чтобы хорошо его знать. Некоторые студенты (16%) сталкиваются с тем, что язык очень трудно выучить. Вероятно, что студенты боятся трудностей и, возможно, боятся того, что не смогут хорошо овладеть иностранным языком в силу каких-то своих личных качеств или обстоятельств. И всего 6% опрошенных отметили, что успех в изучении языка зависит от возраста.

Благодаря этому исследованию, мы выяснили, что в основном студенты сейчас изучают английский язык. Практически все считают, что изучение иностранных языков на данный момент очень востребовано в нашем мире, это действительно делает нашу жизнь ярче и интересней. Большинство считает, что человек с хорошим знанием иностранного языка очень востребован на рынке труда, он может легко общаться с иностранцами, и вообще знание языка дает массу различных преимуществ. Мы можем смело сказать, что у современной молодежи есть большое желание изучать язык, независимо от возраста, пола, специальности и других параметров. И практически все студенты согласны с тем, что такое возрастание потребностей в изучении иностранных языков, несомненно, связано с глобализацией.

Было проведено четыре интервью. Мы побеседовали с двумя студентами гуманитарных специальностей, которые углубленно изучают иностранный язык и с двумя студентами технических специальностей, которые менее заинтересованы в изучении языков.

Таким образом, с помощью этого интервью мы выяснили, что двое наших собеседников хотят хорошо знать иностранный язык, они считают, что изучение языков очень необходимо в жизни. А двое других респондентов считают, что знание иностранного языка - это хорошо, но возникает слишком много трудностей при его изучении, поэтому нет такой большой необходимости тратить на это так много сил и времени. Но, несмотря на эти различия, студенты, вне зависимости от их специальности, считают, что английский язык очень важен в нашем современном обществе. И с каждым днем потребности в изучении языков возрастают все больше и больше, ведь хорошее знание языка открывает перед нами большие возможности. Такое возрастание потребностей, безусловно, связано с процессами глобализации, которые охватили весь современный мир.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГЕНЕЗИСА РЕГИОНАЛИЗМА В ИСПАНИИ

В. В. Мансурова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

mans_iip@mail.ru

В современных условиях развития гуманитарных и социальных наук важной задачей является переход от простого описания отдельных явлений действительности к их теоретическому осмыслению. В исторических исследованиях одним из направлений обобщения фактов, а также анализа явлений и процессов является их периодизация. При этом если посмотреть на наиболее изучаемые в социо-гуманитарных науках явления, такие как глобализация, интеграция, регионализация и т.д., то можно увидеть, что устоявшегося подхода к их периодизации нет. Зачастую дискуссии в этой области вызваны попытками сразу предложить универсальный подход к выделению этапов развития указанных явлений. Представляется, что это может быть успешным только в том случае, если периодизация дается на конкретном историческом материале. В этой связи представляется актуальным предложить периодизацию регионализма на примере отдельной страны – Испании.

Первый этап генезиса регионализма в Испании охватывает VIII – первую четверть XIX вв.

Здесь в первый период (VIII – XV вв.) происходит складывание самостоятельных политических и этнических общностей на территории Пиренейского полуострова [1].

Во второй период (XV – XVIII вв.) происходит консолидация государства [2] и формирования политического пространства для развития регионализма.

В третий период (XVIII – начало XIX вв.) возникает интерес к истории, культуре регионов [3]. К началу XIX в. сложились все необходимые условия и предпосылки для оформления регионализма в Испании в институционализированную систему. Тогда же определились и факторы ее генезиса: историко-культурные, историко-политические, этно-политические и социально-экономические. То есть сложилась среда системы, которую можно назвать «традиционным» регионализмом.

Второй этап охватывает вторую четверть XIX – середину 80-х гг. XX вв.

Первый период (30-е – 90-е гг. XIX в.) включает в себя формирование идеологии регионализма и начало его институционального оформления [4].

Второй период (90-е гг. XIX в. – 70-е гг. XX в.) связан с завершением идеологического и институционального оформления общенациональной и региональной политической системы [4]. Также на этом этапе «традиционный» регионализм впервые приобретает автономистскую направленность и зарождаются предпосылки для выделения в нем двух направлений. К концу данного периода намечается эволюция от организаций неизбирательного типа к электоральным. Конечно, на эволюцию регионализма на данном этапе

наложила свой отпечаток политика франкистского режима, что выразилось в радикализации взглядов и переходу на вооруженные методы борьбы, консервацию традиционализма в идеологии. Это проявилось в том, что к концу периода начался подъем националистического движения во всех регионах.

Третий период (70-е – 80-е гг. XX в.) связан с формированием всех уровней системы регионализма: регионального, общеиспанского и европейского. Кроме того, децентрализация государства привела к возникновению в рамках «традиционного» регионализма системы автономизма, которая существует в двух формах: умеренной (регионализм) и радикальной (сепаратизм). Основные проявления функционирования указанной системы выражаются в деятельности регионалистских и сепаратистских организаций.

Третий этап середина 80-х гг. XX в. – 2005 г. это время функционирования системы регионалистских и сепаратистских организаций Испании, которое определялось целым рядом как внутренних, так и внешних факторов. Он делится на два периода: с середины 80-х по середину 90-х гг. XX в.; и с 1996 г. по середину первого десятилетия XXI в.

На первом этапе, на внутреннем уровне при нахождении у власти Partido Socialista Obrero Español (PSOE, Испанская социалистическая рабочая партия) происходит борьба централизаторских и децентрализаторских составляющих политики и сама децентрализация страны идет через выработку соглашений [5]; на европейском уровне происходит обособление региональной политики в самостоятельное направление, его институционализация и определение основных принципов функционирования [6].

На втором этапе, с приходом к власти в Испании Partido Popular (PP, Народная Партия), начинается поворот к умеренному централизму [7]. Но на практике он до конца не был реализован, так как на внутреннем уровне PP не имея большинства в Кортесах вынуждена была вступить в коалицию с региональными партиями, а на европейском уровне в это время начинается демократизация через включение регионов в реальную политику, с чем вынуждено было считаться правительство Испании.

Таким образом, изучение истории регионализма в Испании позволяет сделать вывод, что в его эволюции можно выделить три основных этапа. Основное направление эволюции связано с формированием трех уровней системы регионализма: на уровне автономных сообществ, на общеиспанском уровне и на европейском уровне. Кроме того, эволюция связана с институционализацией регионализма, то есть с возникновением и развитием организаций регионалистского и сепаратистского толка, которые выступают основными элементами системы испанского регионализма. Средой, в которой развивается система, выступает «традиционный регионализм», сформировавшийся еще в XIX в. Также периодизация отражает и смену основных факторов, которые влияют на эволюцию системы.

Литература

1. Soldevia F. Historia de Espana. V.1. Barcelona: Crítica, 1995.
2. Soldevia F. Historia de Espana. V.2. Barcelona: Crítica, 1995.
3. Comellas J. L. Historia de España Contemporánea. Madrid: Rialp, 2002.
4. Волкова Г.И., Дементьева А.В. Политическая история Испании. М.: Высшая школа, 2005.
5. Socialismo es libertad. Escuela de Verano del PSOE. Madrid: Cuadernos Para el diálogo, 2000.
6. Региональная политика стран ЕС /Отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
7. Tusell J. El aznarato. El gobierno del Partido Popular, 1996-2003. Barcelona: Punto de Lectura, 2005.

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ I ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

А. С. Перевойкин

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова
super.lag12@yandex.ru

Война ведётся не только на полях сражений. Она идёт и в информационном пространстве. Стремление человечества оправдать свои действия и очернить противника, имеет давнюю историю.

Чеченский конфликт не стал в этом плане исключением. Кроме того, I и II Чеченские кампании стали первыми конфликтами, во времён Великой Отечественной войны, проходящими на территории России. Поэтому жители нашей страны стали не только непосредственными участниками событий, но и следили за ними с помощью СМИ.

Как известно роль СМИ в современной жизни весьма велика. Недаром её называют четвёртой ветвью власти. Именно поэтому многие деятели используют её для удовлетворения своих или государственных интересов (фабрикация фактов, отбор событий реальности для сообщений, пропаганда и др.).[1] I и II Чеченская кампании полностью соответствовали этому моменту.

По мнению многих исследователей одной из главных причин поражения России в I Чеченской кампании, является проигрыш в информационной войне. Ведь конфликт разделил СМИ на два лагеря.

Первый лагерь представляли официальные издания, такие как «Российская газета». Она полностью поддерживали политику президента и осуждали чеченские власти. Об этом можно судить по заголовкам статей: « Москва даёт Джохару Дудаеву ещё один шанс». [2], «Джохар Дудаев «сжёг мосты» на пути переговоров». [3] и т.д. В то же время отмечалось, что Борис Ельцин оправданно использует военную силу.

Однако это вовсе не означало, что «Российская газета» была за убийство военнослужащих и мирных граждан: «Да, мы скорбим, как и все нормальные люди, скорбим по погибшим на Северном Кавказе.... Газета не раз выступала и выступает с резкой критикой того, как была организована операция. Но мы не можем печатать так называемых правозащитников, которые призывают военных к дезертирству.... зовут натовские самолеты бомбить Москву. Считаем подобную защиту человеческих прав изуверством и патологией».[4]

Другой же лагерь всячески критиковал официальные издания и использовал для освещения чеченских событий материалы боевиков. Так, например, «чеченская тематика занимала в программах НТВ от 10 до 18 минут в одном информационном выпуске (в «Вестях» - 3-7 минут). 80% всех видеосъемок непосредственных боевых действий велось со стороны чеченских боевиков (в «Вестях» - 60%)».[5]

Такая свобода журналистов объясняется отсутствию оцепления в зоне боевых действий. Кроме этого, в штабе федеральных войск не было специального представителя «для контактов с общественностью и СМИ».[6]

Стоит ли удивляться тому, что солдаты российской армии были в буквальном смысле между двух огней. Ведь с одной стороны были чеченские боевики, а с другой собственные журналисты. Более того, некоторые представители СМИ «героизировали» боевиков. В частности известный правозащитник С. Ковалёв назвал Шамиля Басаева «Робин Гудом с гранатомётом».[7. 132]

Подобная поляриность мнений не способствовало успеху, так как имела не одна позиция, а несколько. Это разнообразие, по мнению некоторых исследователей, спонсировали зарубежные организации и заинтересованные лица. Они покупали специальные пиар кампании, направленные на развитие у населения антивоенных настроений. В частности по телевидению показывались репортажи о «бедных солдатах», «несчастных срочниках, которых подставили мерзавцы-командиры» и одновременно о «зверях-контрактыках», уничтожающих мирное население» и т.д.

Таким образом, федеральное правительство проиграло информационную войну. Однако им были сделаны соответствующие выводы и уже во время II Чеченской кампании отношение СМИ к конфликту был совершенно иное.

Литература

1. Жуков, И. В. Война в дискурсе современной прессы (на материалах чеченской войны). Полемика и дискуссии // URL: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=857> (дата обращения: 14.03.2013)
2. Кунин. В. Москва даёт Джохару Дудаеву ещё один шанс // Российская газета. Москва, 1994. 17 декабря (№ 245 (1102)). С.1
3. Джохар Дудаев «сжѐг мосты» на пути переговоров // Российская газета. Москва, 1994. 20 декабря (№246(1103)). С.1

4. Освещение локального конфликта в Чечне как проявление информационной войны в СМИ // URL: http://knowledge.allbest.ru/journalism/2c0a65635b2ad68a5c43b89521206c26_2.html (дата обращения: 24.10.2012)

5. Освещение в СМИ вооруженных конфликтов и гуманитарных проблем. Журналистика // URL: http://jurnalistedu.ru/2012-11-28-18-01-29/216-osveschenie_v_smi_vooruzhennyh_konfliktov_i_gumanitarnyh_problem.html (дата обращения: 14.03.2013)

6. Освещение локального конфликта в Чечне как проявление информационной войны в российских СМИ// URL: <http://evartist.narod.ru/text5/86.htm> (дата обращения: 14.03. 2013)

7. Кива, А.В. Анатомия терроризма// Общественные науки и современность. 2003. №1. С. 130 - 142

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В КРУПНЫХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1914-1917 ГГ.

Э. Е. Шумилова

Институт истории СО РАН

abdidikin@bk.ru

Ни Российская империя, ни другие европейские страны, вовлеченные в Первую мировую войну, по своим материальным ресурсам не были готовы к длительному военному противостоянию. Продовольственная проблема в 1914-1917 гг. стала настоящей "ахиллесовой пятой" империи. Уже в 1915 г. появились и с каждым годом все более усиливались трудности в снабжении мирного населения в городах [1]. Материалы анкетирования, которое проводило "Особое совещание" по продовольствию, дают картину зарождения и развития кризиса снабжения. Так, по результатам опроса местных властей 659 городов империи, проведенного 1 октября 1915 года, о недостатке продовольственных продуктов вообще заявили 500 городов (75,8%), о недостатке ржи и ржаной муки - 348 (52,8%), о недостатке пшеницы и пшеничной муки - 334 (50,7%), о недостатке круп - 322 (48,8%) [2]. Особенно ярко это можно проследить на примере крупных городов Западной Сибири.

Накануне Первой мировой войны экономика Западной Сибири находилась в состоянии подъема. Этому способствовали изменения, происходившие в промышленности и сельском хозяйстве региона, вызванные общими тенденциями экономического развития России. Кроме того, столыпинские реформы ускорили этот процесс. В результате к началу Первой мировой войны Западная Сибирь окончательно превратилась в житницу общероссийского значения, поставлявшую на внешний и внутренний рынок масло, муку, мясо, сало. Накануне Первой мировой войны по вывозу масла регион занимал ведущее место в мире, усиленно конкурируя с Данией [3]. Быстро развивалось винокурение [4].

В годы войны Западная Сибирь испытала негативное воздействие мобилизации, которая изъяла сотни тысяч рабочих рук; расстройство в работе транспорта, инфляцию; возрастание потребления внутри страны (главным образом за счет увеличения численности армии). Особенно это было губительно для крупных городов региона, для которых был характерен наибольший наплыв беженцев, увеличение гарнизонов, расстройство железнодорожного сообщения.

Население Западной Сибири испытывало в годы Первой мировой войны определенные трудности в снабжении продовольственными товарами. В лавках и магазинах исчезли либо сильно подорожали такие продукты питания, как сахар, некоторые сорта мяса, рыбы, чай. По данным городской управы за время войны в Томске цены выросли в среднем на 60%-100%. Так, с июля 1914 до весны 1916 г. мука ржаная подорожала - на 81 %, пшеничная на - 60 %, гречневая крупа - на 151,6, просо - на 128,2, соль крупного помола - на 110, сливочное масло - на 164,3, молоко - на 33,3 [5].

Дефицит товаров и продуктов вел не только к росту цен, но и развитию спекуляции. Схема была такова: скупщики ездили по сёлам и скупали всё, что можно купить, потом ехали в следующую деревню. Из-за этого имеющихся в продаже продуктов не стало хватать всем покупателям. В начале 1916 г. в Томске горожане жаловались на то, что, чтобы купить пуд муки приходилось тратить целый день [6]. По данным Новониколаевской городской думы с июля 1914 по июль 1916 г. цены на пшеничную муку выросли на 158%, говядину - на 87, баранину - на 96, картофель - на 153, сливочное масло - на 45 %, яйца - на 158%, соль - на 108% [7].

Ситуация с дороговизной дошла до того, что, например, в 1916 г. в Омске была введена карточная система отпуска сахара [8]. Чтобы сократить потребления мяса в городах Западной Сибири вводились мясопустные дни. В воскресенье 31 июля в 1916 г. в барнаульских церквях произносились проповеди о пользе мясопустных дней. Всего на неделе должно было быть четыре мясопустных дня - со вторника по пятницу, во время которых запрещалось продавать мясо, мясные консервы и колбасные изделия [9].

Отношение жителей городов западной Сибири к продовольственным трудностям в 1914-1916 гг. проявилось в жалобах властям, а также вылилось в случаи продовольственных погромов лавок, вызванные чаще всего ссорами покупателей и продавцов. Горожане в первое время надеялись, что местные власти смогут как-то ограничить рост цен и спекуляцию горожан. Однако власти не смогли наладить снабжение продуктами. Единственное, что они сделали, это установили таксу. Но в большинстве случаев это не помогало. В августе 1914 г. «Сибирская жизнь» опубликовала впечатление корреспондента о жизни в Новониколаевске: «Городской думой издано обязательное постановление о ценах на продукты первой необходимости. Этим постановлением местные торговцы обязуются держать цены на продукты не выше бывших до мобилизации. В первые дни призыва торговцы произвольно подняли

цены на продукты. Между тем, по мнению Думы, необходимости в поднятии цен нет и не было» [10].

Продавцы или обходили таксу, или просили её повысить, или просто бойкотировали её. Были также случаи, когда торговцы скрывали товар. В омской газете «Степной край» по этому поводу иронизировали: «Мчатся цены, вьются цены, цены бешено растут, а какие-то джентльмены, где-то таксу издают...» [11]. Постепенно самой популярной мыслью среди населения становится мысль, что «борьба с дороговизной при нынешнем режиме в стране не мыслима», она возможна лишь при обновлённом строе русской жизни, когда манифест 17 октября будет проведён во всей своей полноте» [12].

Таким образом, Первая мировая война стала своеобразным моментом истины, проверкой на "прочность" не только политической системы, социально-экономического уклада, но и всего общества в целом. Продовольственный вопрос непосредственно сказался на поведении людей в непростых условиях войны и во многом определил недовольство жителей Российской империи в 1917 г.

Литература

1. Головин, Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне / Н.Н. Головин. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. – С. 246; Шигалин, Г.Н. Военная экономика в первую мировую войну / Г.Н. Шигалин. – М.: Воениздат, 1956. – С. 198-199.
2. Н.Д. Кондратьев, «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». М.: «Наука», 1991. С. 161.
3. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.). Барнаул, 1999. С 111.
4. Мелких А.М. Из экономической жизни Западной Сибири. М., 1912. 116 с.
5. Сибирская жизнь. 1916. 30 марта.
6. Сибирская жизнь. 1916. 2 сентября
7. Горюшкин Л.М., Бочарова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом. Новосибирск, 1978. С. 206, 207.
8. Омский вестник. 1916. 15 апреля.
9. Жизнь Алтая. 1916. 6 июля.
10. Сибирская жизнь. 1914. 2 авг.
11. Степной край. Омск.1916. 17 января.
12. Шишкин С.Ю. Линии конфликта в российской провинции в период Первой мировой войны(на примере Зауралья)// Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов(подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. С.177

Раздел II

Философские исследования

Философия, логика и методология научного знания

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ И ВЕРИФИКАЦИОНИЗМ*

Н. В. Головкин, А. В. Хлебалин, Д. С. Ходяков

Новосибирский государственный университет

Институт философии и права СО РАН

golovko@philosophy.nsc.ru

Что значит быть значением? Это значит выполнять определенную семантическую роль или функцию. Например, утверждая, что значение является частью объяснения, мы заранее отвечаем на вопрос: «с какой целью мы приписываем значение?». И в данном случае, холизм действительно может являться чем-то вроде «непреложной истины», уже потому, что одно «объяснение» (и соответствующие ему семантические роли и функции) может быть ни чем не лучше, чем другое (см., например, [Fodor 1987]). Не нарушая общности рассуждений, зададим следующую структуру обобщенного аргумента в пользу холизма:

(а) Некоторые из семантических свойств, которые мы приписываем данному знаку, термину или выражению, конституируют его значение;

(б) Если некоторые из приписываемых семантических свойств конституируют значение, то тогда все подобные приписываемые или выводимые семантические свойства составляют значение, поскольку

(*) Не существует принципиальных оснований для того, чтобы содержательно различать те свойства, которые напрямую и главным образом составляют значение и всеми остальными свойствами, которые мы можем приписать или вывести для данного знака, термина, выражения и т.д.

В данном случае, (*) – это важный дополнительный аргумент, утверждающий, что у нас нет оснований для того, чтобы различать те свойства,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-03-00228 «Натуралистические основания молекулярной концепции значения в современной философии языка»

которые потенциально могут играть основную роль в молекулярной концепции значения, и всеми основными свойствами, многообразие которых является наилучшим, на первый взгляд, аргументом в пользу холизма. Очевидно, для того, чтобы опровергнуть холизм нужно внимательно рассмотреть аргументы, которые высказываются в пользу (*). Естественно, опровержение аргументов в пользу (*) не означает того, что у нас вдруг появятся основания и аргументы в пользу альтернативной молекулярной концепции значения.

Основная проблема холизма состоит в том, что его очень сложно сформулировать достаточно непротиворечиво именно для того, чтобы опровергать различные элементаристские концепции. Обобщенный аргумент говорит о том, что все без исключения выводимые свойства, например, термина конституируют его значение. Однако, подобные представления сопряжены с рядом «слишком фундаментальных» допущений. В частности, в этом случае необходимо предположить, что не только отдельный человек в любое время обязан являться функциональным дубликатом самого себя, чего будет требовать, скажем, сохранение значения термина «красный», но и все люди в целом должны быть, в этом смысле, функциональными дубликатами друг друга.

Рассмотрим одну из наиболее распространенных интерпретаций аргумента в пользу семантического холизма – аргумент «от обоснования», в нашем случае, содержательно интерпретирующий тезис Дюгема-Куайна. На наш взгляд, работу У. Куайна «Две догмы эмпиризма» [1951] можно назвать одной из наиболее влиятельных и цитируемых работ в современной философии. Среди множества контекстов, намеренно или ненамеренно вычитываемых из ее (работы) содержания, эпистемологический холизм, следующий за множественностью форм подтверждения (и обоснования) теории, является одним из наиболее очевидных. Условно (эпистемологический холизм утверждает, что): обоснование данного предложения зависит и от обоснования всей системы предложений в целом и от обоснования других предложений в отдельности. Верификационизм всегда был одним из наиболее простых способов связать эпистемологическую и семантическую часть любой доктрины. Соответственно, сочетание эпистемологического холизма и семантического верификационизма (Э. Мах, П. Дюгем, отчасти К. Гемпель и Р. Карнап, и более поздние авторы – М. Дамит, Х. Патнэм и др.) дает одну из наиболее сильных и даже респектабельных форм семантического холизма, поскольку, с точки зрения верификационизма, значение непосредственно связано с методом верификации. Если обоснование данного предложения зависит от обоснования всех других, то тоже самое можно сказать и о его (предложения) значении.

Посмотрим, как в этом случае будут переписаны (а), (б) и (*). «Некоторые из выводимых семантических свойств конституируют значение». Да, поскольку с точки зрения верификационизма, эти самые «выводимые свойства» напрямую связаны с тем, как предложение обоснованно. «Если некоторые из выводимых семантических свойств конституируют значение, то и все (лю-

бые) выводимые семантические свойства будут конституировать значение». Да, поскольку с точки зрения верификационизма, у нас нет больших оснований предпочесть какую-либо группу выводимых свойств перед любой другой, точно также как нет оснований считать один набор обосновывающих данных более значимым для обоснования, чем любой другой. В данном случае, аргумент (*) содержательно интерпретируется как принцип отсутствия достаточных оснований.

Что можно противопоставить так понимаемому семантическому холизму? Очевидно, все аргументы против тезиса Дюгема-Куайна могут быть здесь переинтерпретированы. Подтверждение, также как и последовательность выводимых свойств, опирающихся друг на друга, должно где-то «остановиться». Стандартный упрек верификационизму как раз и заключается в том, что верификационизм ничего не говорит о том, как именно на самом деле будет закреплено значение. Значение вещь конкретная и должно быть выражено «конечной пропозицией». В этом смысле, известные аргументы, например, в пользу причинной теории указания или других референциальных теорий значения (Х. Патнэм, М. Девитт и др.) как раз сосредоточены на том, чтобы объяснить, что делает одну группу выводимых свойств «особенной», чем конкретно она (группа свойств) отличается от других и почему именно ее (группу свойств) можно считать «окончательным» значением. Таким образом, то что на уровне эпистемологической трактовки и собственно тезиса Дюгема-Куайна выглядит как аргумент в пользу неизбежности фаллибилизма, что, в общем-то нельзя назвать «отрицательной» характеристикой знания, даже с учетом возможной когерентной трактовки обоснования системы убеждений, на семантическом уровне представляет собой серьезную проблему понимания «конечного характера» значения, которое (значение) должен отвечать главной задаче выбора правильной семантической теории – необходимости соотнесения структуры указания семантике языка (Х. Филд, Дж. Кац и др.). Верификационизм хорошо справляется с решением «дескриптивной» (термин М. Девитта) задачи поиска значения, но не может адекватно воспроизвести решение «нормативной» (см., например, [Devitt 1997]).

По выражению Дж. Фодора: «В современной философии языка холизм является чем-то вроде непреложной истины» [Fodor 1987: 57]. Однако, как и любая хорошая теория, семантический холизм должен иметь ограничения, и особую актуальность, в данном случае, имеет анализ развития элементаристских подходов к заданию значения. При этом, широко известный «атомизм» Дж. Фодора (ни одно из выводимых семантических свойств не в состоянии задать значение) (см., например, [Fodor 1987]) является далеко не единственной альтернативой семантическому холизму. В этом смысле, особого внимания заслуживает «молекулярный» подход (М. Девитт, М. Слоте, С. Стич), согласно которому, при определенных ограничениях некоторые из выводимых семантических свойств, все таки, могут задавать значение адекватно не только с точки зрения решения «дескриптивной», но и с точки зрения решения «нормативной» задач. На наш взгляд, в настоящее время одним из наи-

более перспективных вариантов молекулярной теории значения, которая, кроме всего прочего, также выполняет задачу соотнесения структуры указания выбранной семантике, является вариант семантической теории, предложенной М. Деви́ттом в рамках разработки концепции натуралистической семантики. В частности, наша интерпретация частичной теории указания Х. Филда в рамках натуралистической перспективы дана в работе [Головко, Хлебалин 2013].

В общем случае, верификационизм, как основание для утверждения семантического холизма, не достигает своей цели, – семантический холизм (как и эпистемологический) неявно требует слишком сильных «метафизических» допущений (например, понимание того, какие именно «выводимые свойства» составляют значение, или подтверждение всеми доступными данными) без которых выполнение аргумента (а)–(б)–(*) невозможно.

Литература

1. Головко Н.В., Хлебалин А.В. (2013). Частичная теория указания и молекулярная концепция значения / Материалы Всероссийской научной конференции «Общество знания: Философия. Управление. Образование» (19–21 сентября 2013г.). Томск: Изд-во ТГУ, 2013. С. 228–231.
2. Fodor J. (1987). *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.
3. Quine W. (1951). Two Dogmas of Empiricism // *The Philosophical Review*. 60: 20–43.
4. Devitt M. (1997). *Realism and Truth*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

РОЛЬ «AGORA» В КОНЦЕПЦИИ НАУКИ ВТОРОГО РОДА

Е. А. Рузанкина

Новосибирский государственный технический университет
lizaruz@yandex.ru

Одной из важнейших характеристик концепции науки второго рода (см.: [Nowotny et al, 2001]) является контекстуализация производства знания. *Agora* представляет собой социальное пространство, в котором осуществляется данная контекстуализация. Роль *agora* в концепции науки второго рода заключается, таким образом, в экспликации происходящих во взаимодействии науки и общества трансформаций, в рамках которых контекстуализированное знание принимает более устойчивую форму – форму социально надежного знания.

Концепция науки второго рода представляет собой новый этап содержательной интерпретации науки и научного знания, исходный пункт которого –

критика позитивистской и пост-позитивистской философии науки (Р. Карнап, К. Поппер, Т. Кун и т.д.). В центре внимания – изменения типа производства знания, происходящие параллельно с изменениями в обществе после Второй мировой войны. Наука становится все более контекстуализированной или контекстно зависимой, а это, в частности, предполагает анализ ряда новых явлений, отражающих функционирование науки в новом социальном пространстве, таких как новые формы производства знаний и трансфера технологий, социально обусловленная экспертиза знания и т.д., в терминах отличных от понимания науки как социального института и содержания научного знания, закрепленных в работах Р. Мертона и Т. Куна. Также предполагается, что социальная обусловленность знания и коэволюция науки и общества вносят свои коррективы в понимание достоверности знания.

В рамках концепции науки второго рода научное знание неполно, «поскольку больше не является прерогативой исключительно научного сообщества. Подобное понимание предполагает новую интерпретацию границ научного исследования, которые существенно расширяются, – нельзя судить о достоверности знания, опираясь на нормы обыденно понимаемой науки; научное знание становится социально обусловленным, а значит должно подвергаться анализу с различных социально обусловленных точек зрения. Нормы и практики, которые закрепляют эпистемологический контекст, [теперь] не могут сводиться к единственной методологии и привилегированной культуре собственно научного исследования» [Nowotny et al., 2001. Р. 246]. Данное понимание существенно отличается от классического, – процесс производства знания становится публичным, предполагающим участие не только самих ученых, но и других социальных агентов. Монополия на производство знания больше не принадлежит ученым, а само знание становится все более контекстнозависимым. «Формируется новое социальное пространство – *agora*, в котором “наука встречается с обществом” и общество “говорит с наукой”. Это область (фактически – множество областей) в которой происходит контекстуализация и где закрепляется социальная обусловленность знания. Это область где ставятся проблемы, определяются их значимость и приемлемость решений, что в частности, предполагает способность сторонников формулировать свою позицию, а также мобилизовывать ресурсы для достижения желаемого результата» (курсив автора – *Е. Р.*) [Там же. Р. 247]. Архаизм *agora*, как отмечают авторы, был умышленно выбран, чтобы охватить политическую арену и рынок - и выйти за пределы обоих. *Agora* является генерирующей и решающей проблемы средой, в которой происходит контекстуализация производства знаний. Она населена не только множеством конкурирующих «экспертов», а также организаций и учреждений, посредством которых знания производятся и продаются, но и по самой разнообразной «публикой». Это не просто политическая или коммерческая арена, на которой приоритеты научных исследований определяются и финансируются, или арена, на которой результаты исследований распространяются, продаются, и используются. *Agora* является областью первоначального производства знания, - через кото-

рую люди входят в процесс исследования, и где знание второго рода воплощается в людях и проектах. Научные дискуссии, которые играют важную роль в реализации научного потенциала, также происходят в *agora*.

Контекст, в котором знание производится, может быть очень требовательным к учету различных факторов, в том числе, субъективного опыта, предпочтений и ценностей. Но такая требовательность также обогащает, дифференцирует, расширяет и преобразует это знание. Обращая внимание на уникальные характеристики и особенности конкретной конфигурации знания, найденной в прикладном контексте, мы получаем новые научные результаты. В современной *agora*, следовательно, производится все больше новых форм контекстуализации знаний.

Литература

1. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. Rethinking Science: Knowledge in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2001.

К ВОПРОСУ ОБЪЕДИНЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

А. Ю. Сторожук

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

В рамках позитивизма относительно экспериментального метода были сформулированы две противоположных методологических установки: принцип верификации и принцип фальсификации. Согласно принципу верификации ученые должны стремиться подтвердить свои теории опытом, согласно принципу фальсификации теория опытом может быть только опровергнута.

Каждая из этих установок влечет также эпистемологические следствия и свой взгляд на развитие наук. Принцип верификации предполагает существование истины и то, что наука может доискаться до истины. Развитие науки состоит в накоплении знания, как эмпирического - открытия новых фактов, так и теоретического - выдвижении новых теорий. Относительно верификацизма указывается, что в основании его выводов лежит логическая ошибка: общее положение не может быть подтверждено частным, но только опровергнуто.

С точки зрения фальсификационизма индукция не нужна ни для выдвижения теории, ни для ее обоснования. Основным научным методом является гипотетико-дедуктивный - выдвижение и опровержение гипотез. Поскольку

* Выполнено в рамках работы над проектом РГНФ 13-03-00065

отсутствуют средства установления истины, правильнее говорить лишь о правдоподобности (truthlikeness). Развитие науки не кумулятивно, наше знание погрешимо (фаллибизм) и подлежит пересмотру. Таким образом, сначала наше знание не подтверждено и носит лишь гипотетический характер, а потом должно быть отброшено.

Складывается парадоксальная ситуация, состоящая в том, что в науке эмпирические методы играют очень значительную роль, а философски они не обоснованы. Рассмотрим более внимательно что представляет собой научный метод. После сбора и настройки оборудования, что занимает иногда очень значительное время, производится собственно эксперимент и измерения: сбор данных. Измерения производятся много раз в изменяющихся условиях. Собранные данные подвергаются статистической обработке: находится среднее значение и отклонение от среднего (точнее, ищется квадратичное отклонение от среднего - дисперсия). Подсчитанная величина ошибок используется для определения значения доверительного интервала и погрешности наблюдений.

Но, на наш взгляд, если процедура измерения укладывается в рамки того, что называется верификационизм, то процедура обработки результатов включает именно фальсификацию, то есть попытку опровержения каждого конкретного измерения путем его сличения со средней величиной и указанием на величину ошибки. Таким образом оба принципа - верификации и фальсификации объединены в современном научном методе. Соединение фальсификации и верификации объясняет высокую эффективность научного метода.

Вместе с тем, соединение методологических установок накладывает и определенные эпистемологические ограничения на эмпирические результаты. Прежде всего, чтобы данные были валидны, требуется статистически значимое количество измерений, которое может достигать сотен тысяч, если требуется высокая точность, ибо с ростом числа измерений точнее определяется средняя величина. Включение процедуры фальсификации ограничивает значимость измерений определенной точностью - доверительным интервалом в рамках которого они могут быть признаны правильными. Таким образом, произошел переход от истинности к понятию статистической значимости. Признается также зависимость полученных данных от интерпретирующих и инструментальных теорий, что сообщает им многослойную теоретическую интерпретацию.

Соответственно, можно констатировать что в современном научном эмпирическом методе произошло объединение двух основных эмпирицистских философских установок, что и служит обоснование высокой эффективности научного метода.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО И ОНТОЛОГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ

Г. С. Бакулин

Новосибирский государственный университет

gregrv@mail.ru

В связи с тем, что как эпистемологические, так и онтологические обобщения в философии науки должны основываться на актуальном для нее историческом этапе развития, современная физика, в частности квантовая механика, способна прояснить некоторые философские проблемы, в частности поддерживать или опровергнуть основные положения научного реализма. Вследствие радикального отличия квантовой механики от классической физики возникает необходимость пересмотреть понятие реальности и, следовательно, статус основных утверждений научного реализма. Мы ограничимся рассмотрением взаимосвязи эпистемологического и онтологического реализма, положения каждого из которых, как мы считаем, могут преобладать в отношении другого не только на уровне метафизического реализма, но и в конкретных физических теориях, что будет показано на примере копенгагенской и эвереттовской интерпретаций квантовой механики.

Для начала необходимо отметить основные положения научного реализма, к каковым, как известно, относят положение о существовании независимой реальности и положение о том, что мы ее познаем такой, какая она есть сама по себе. Необходимость различать вопросы существования и вопросы знания, согласно П. Коссо, отражаются в двух формах научного реализма – эпистемологической и метафизической. Но для начала необходимо отметить, что с нашей точки зрения это деление имеет неточность, вернее будет провести это деление на эпистемологическую и онтологическую формы, а они в свою очередь должны входить в состав метафизического реализма, так как метафизика в нашем понимании включает в себя как эпистемологический, так и онтологический аспекты.

Оба эти аспекта реализма имеют между собой определенного рода связь. Как мы считаем, у П. Коссо можно выделить два вида такой связи: однозначной-подчиняющая – связь, на основе которой один из аспектов однозначно подчиняет другой и неоднозначная – связь, на основе которой нельзя сделать однозначного вывода касательно одного аспекта относительно другого. П. Коссо приводит пример второго рода взаимосвязи эпистемологического и онтологического аспектов реализма, делая верное замечание о том, что из эпистемологического антиреализма (мы не можем знать какова действительность сама по себе) не следует онтологический антиреализм (у действительности нет независимого способа существования), то есть агностицизм (как эквивалент понятию эпистемологического антиреализма) не влечет за собой

однозначный вывод об отсутствии действительности (зависимой либо независимой от нас), так как, говоря о невозможности ее познания, мы можем предполагать ее существование. Связь того же рода проявляется и при соотношении онтологического и эпистемологического реализма: из постулирования объективной действительности может следовать как возможность, так и невозможность ее познания.

Таким образом, П. Коссо делает верные выводы относительно неоднозначной связи эпистемологических и онтологических аспектов реализма. Но, с нашей точки зрения выводы, связанные с однозначно-подчиняющей связью таковыми не являются. Это вызвано тем, что П. Коссо использует логику высказываний в отношении утверждений реализма. Положение П. Коссо что «метафизический антиреализм является условием для эпистемологического антиреализма» [Kosso, 1998: 180] (касательно терминологии напомним, что мы метафизический реализм в терминах П. Коссо обозначили как онтологический), выводится из утверждения что если мир не существует, то, следовательно, он и не познаваем. Таким образом, согласно П. Коссо эпистемологический аспект реализма оказывается первичным в отношении онтологического: мы способны к познанию реальности такой, какая она есть сама по себе, следовательно, эта объективная реальность существует. Но наравне с этим положение должно быть справедливо и обратное: если объективный мир существует, то мы имеем возможность его познавать. Таким образом, на наш взгляд положение П. Коссо имеет частный характер. Для подтверждения этого рассмотрим квантовую механику.

Положение П. Коссо хорошо согласуется с общим ограничением на знание, говорящим о том, что мы можем описать только то, что можем выразить в языке и имеющим конкретную реализацию в основном положении копенгагенской интерпретации квантовой механики. Согласно этому положению вследствие полноты квантовой механики имеется окончательный способ описания квантовой реальности, основанный на классических понятиях, но при этом мы ничего не можем знать о способе, которым квантовый мир существует, так как на основе принципа неопределенности квантовые системы не могут иметь определенные классические значения. Здесь явно выделено преобладание эпистемологического аспекта реализма (Н. Бор признавал существование объективной реальности) на фоне отсутствия онтологии квантового мира.

В противоположность этому многомировая интерпретация квантовой механики постулирует некоторые онтологические аспекты, присущие квантовой реальности. Так объективность квантовых объектов заключена в объективном существовании суперпозиций значений их свойств, каждое из которых отражено в отдельном классическом мире и развитие которых обусловлено объективным же законом (выражаемым уравнением Шредингера). В данной интерпретации квантовой механики уже выделен онтологический аспект реализма.

Итак, по нашему мнению нельзя рассматривать связь эпистемологического и онтологического реализма как выражающую однозначное преобладание одного аспекта реализма над другим. Оба они относятся к продукту философской рефлексии, и какой из них будет основным, определяется конкретной проблемой стоящей перед созданием физической картины мира.

Литература

1. Kosso P. *Appearance And Reality: An Introduction to the Philosophy of Physics*. Oxford: Oxford University Press, 1998

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ (ИТОГИ «КОГНИТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»)

Л. Г. Коробков

Институт философии и права СО РАН
dbpvsnr@yahoo.com

Возникновение когнитивной семантики – один из эпизодов общего методологического сдвига, начавшегося в философии с конца в 1950-х годов. Поводом для именования этого направления "революцией" явилась антибихевиористская направленность когнитивистов, стремившихся вернуть мысль (mind) в науки о человеке – после "долгой холодной зимы объективизма" [Bruner 1990, с.1].

К середине 1950-х годов появилась заманчивая перспектива объяснить мыслительные процессы через "правила преобразования *мысленных представлений*", аналогичные трансформационным правилам в первых версиях генеративной грамматики. Эти правила вырисовывались из наблюдений над усвоением языка детьми : складывалось впечатление, что дети каким-то единообразным способом приходят к овладению своим родным языком и что этот универсальный "алгоритм" овладения языком состоит во введении новых правил во внутреннюю грамматику ребенка. Обобщая эти наблюдения, пришли к выводу о том, что эти правила очень похожи на все, что управляет и неречевыми видами деятельности, придает им продуктивность и выглядит иногда как непроизвольное, неконтролируемое поведение, отражаясь на структуре восприятия, памяти и даже на эмоциях [Fodor, Bever, Garrett 1974, с.6-7].

В 1970-е годы ,когда возникло понимание того, что интеллектуальные процессы человека, моделированием которых занимается искусственный интеллект, не могут быть сведены, как первоначально казалось, к «универсальным законам мышления»: большинство интеллектуальных задач решаются человеком не в вакууме и не с чистого листа, а с опорой на имеющиеся *зна-*

ния, когнитивная наука оформилась как комплекс междисциплинарных исследований.

Когнитивная наука основана на следующей фундаментальной идее: «мышление представляет собой манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями типа фреймов, планов, сценариев, моделей и других структур знания.[Петров 1996, С. 5] Исследуются не наблюдаемые действия (т.е. продукты), а их *ментальные репрезентации*, символы, стратегии и другие ненаблюдаемые процессы и способности человека (которые и порождают действия). На протекании этих процессов сказывается конкретное содержание действий и процессов, а не "навык".

В соответствии с традиционными теориями, смысл отдельного предложения может пониматься как условие, при котором информация, содержащаяся в данном предложении, передаётся надлежащим образом. Лексические единицы могут передавать смысл либо за счёт непосредственно вещей, о которых ведётся речь (экстенционал), либо с точки зрения общих свойств этих вещей (интенционал). Интенционал передаёт собеседнику те необходимые и достаточные условия, при которых вещь входит в экстенционал определённой лексической единицы. Таким образом, пропозициональные функции являются теми абстрактными инструкциями, которые позволяют собеседнику правильно заполнить переменные величины в предложении и, следовательно, получить правильную информацию из предложения как единого целого. Между тем, теории в когнитивной семантике, как правило, строятся на доводе о том, что лексический смысл концептуален: смысл не обязательно является ссылкой на некий объект или отношение в реально существующем или потенциально возможном мире. Вместо этого, смысл соотносится с концептами, находящимися в сознании и основанными на личном *понимании*.

В традиционной семантике смысл предложения есть ситуация, которую оно передаёт, и эта ситуация может быть описана с точки зрения соответствующего возможного мира. В когнитивной семантике смысл предложения может быть получен путём анализа «ментальных пространств», имеющих чисто когнитивный статус «области концептуализации». С точки зрения когнитивной семантики, грамматика есть *сумма правил концептуализации*, её подход не связывает структуру предложения со свойствами универсальных синтаксических категорий. Языковые категориальные структуры – это лишь следствие организации наших знаний когнитивными моделями, которые представляют собой узлы в нейронной сети. Возможность использования языка основывается на общих когнитивных ресурсах, а не на специальном языковом модуле.

В когнитивной семантике общепризнанной является теория *концептов* (прототипов, фреймов). Концепт - это абстрактный образ, воплощающий множество сходных форм одного и того же объекта, наиболее репрезентативный пример понятия, фиксирующий его типичные свойства. Когнитивный концепт отличается как от фрегеанского «смысла» - абстрактной сущности, либо представляет собой гипотетический внутренний когнитивный сим-

вол,используемый сознанием для обозначения класса объектов реальности ,так и от классического «понятия»:это ментальная репрезентация , не имеющая предикативной природы, то есть структуры определения .Часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», то есть способы языкового выражения - это ,собственно , и есть концепты как семантически оцениваемые и психически реальные объекты , которые необходимы при категоризации ,принятии решений и т.п., но часть этой информации представляется в психике принципиально иным образом, то есть ментальными репрезентациями другого типа — образами или схемами.

Отмежевавшись от объективистских теорий значения, когнитивисты предприняли попытку моделирования механизмов языкового понимания на основании аналогии между ментальными репрезентациями и структурами компьютерных данных.Когнитивная семантика учитывает фундаментальный факт *значимости* (valeur) языкового знака,открытый Соссюром (между языком и миром не существует прямой, не опосредованной мышлением, связи), но ограничиваясь манипулированием символами, оставляет *интенциональность* за бортом [Н.-Н.Lieb 1987,с.11].Итак:или в когницию следует включить интенциональный акт обозначения,феноменальную волю, – но тогда это не когниция в классическом понимании слова, – либо же признать, что когнитивизму недоступно моделирование интеллекта.

Литература

Петров В.В. Язык и искусственный интеллект: рубеж 90-х годов // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996.

Bruner J.S. Acts of meaning. – Cambr. (Mass.); L.: Harvard UP, 1990.

Fodor J.A., Bever T.G., Garrett M.G. The psychology of language: An introduction to psycholinguistics and generative grammar. – N.Y. etc.: McGraw-Hill, 1974.

Lieb H.-H Sprache und Intentionalität: Der Zusammenbruch des Kognitivismus // R. Wimmer ed. Sprachtheorie: Der Sprachbegriff in Wissenschaft und Alltag. – Düsseldorf: Schwann, 1987. 11-76.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ: ДРЕВНИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОГО КАЛЕНДАРЯ

И. И. Литовка

Институт философии и права СО РАН
proton551@yandex.ru

Для истории и философии науки представляется примечательным тот факт, что старовавилонская астрономия и математика впервые обнаруживают

те методологические приемы фиксации координат, которые, мы и посей день используем в метрологии, и в частности, при исчислении временных координат. Старовавилонский период в истории Месопотамии приходится примерно на 1830–1530 гг. до н.э. Приблизительно в это время здесь появился единый и постоянный календарь. Астрономические и народные методы разделения времени суток различались. В народном календаре день и ночь подразделялись на три «стражи», которые в свою очередь делились на «полустражи» и «четверти стражи». В астрономическом календаре сутки разбивались на 12 частей, которые назывались *béru*. Буквально это означает *двойной час* или вавилонская *путевая миля*, то есть расстояние, которое можно пройти за один двойной час. Одна вавилонская путевая миля составляла около 8 английских миль, т.е. около 12–13 километров. Этим же словом вавилонские астрономы обозначали *небесную милю* равную 54,000 земных миль [Липин, 1957. С. 50–51]. Каждый *béru* состоял из 30 единиц, обозначаемых как USH или так называемые градусы времени. 1 USH соответствовал четырем минутам современного времени. Традиционно считается, что астрономическая система координат досталась нам в наследство от греческой натурфилософии. Здесь возникает ряд вопросов. Почему же на основе греческой десятичной системы счисления возникла система исчисления времени, где все временные параметры содержат в своей основе число 60, а не 10? Иначе выражаясь, почему мы делим часы и минуты на шестьдесят частей, а не на десять или сто? Возможно, ответ следует искать в системе счисления древнего Вавилона, которые, в свою очередь, восприняли ее от Шумерской культуры. В Шумере использовалась совершенно иная величина основания числового ряда – не десять как в Греции и современном мире, а шестьдесят. Видимо, на каком-то историческом этапе шестидесятеричная система счисления, доставшаяся вавилонянам в наследство от культуры Шумера, ассимилировала в себе десятичную, но в так называемых математических текстах на протяжении всей истории развития математики Месопотамии продолжала преобладать шестидесятеричная система. Для восприятия нашего современника вавилонская техника счета имеет феноменальный характер. Единицы всех чисел до шестидесяти фиксировались отдельными знаками, а начиная с шестидесяти счет начинался заново, так же как у нас возобновление счета происходит после десяти. Вместе с тем внутри шестидесятеричного разряда десятка, выполняла роль подразряда, а большие числа, больше десяти тысяч, обычно записывались десятичным способом. «Чистая» шестидесятеричная система счисления происходит из Шумера, как и клинопись, которая, возникнув во времена Шумерского царства, и будучи отражением шумерского языка, впоследствии претерпевала многочисленные преобразования. Она перестраивалась под фонетически чуждые ей языки, сначала аккадский, затем вавилонский и ассирийский. Примерно такой же процесс преобразования происходил и с системой счисления, так как воспринявшие ее народы, вероятно, к тому моменту уже имели более стандартную десятичную. Позже, уже усложненная десятично-шестидесятеричная система счисления, развивалась в свод мето-

дических предписаний и принципов техники вычислений в математике, а затем и в астрономии. Тонкости выполнения всех вычислительных операций в рамках шестидесятеричной системы до сих пор досконально не изучены. Нет однозначного ответа, на вопрос о том, как поступали месопотамские математики в случае с неправильным делителем (например, 7 и 11) для которого не существует конечного выражения в шестидесятеричных дробях. В таблицах эти значения просто пропускались. Возможно, все трудности понимания математических операций в рамках шестидесятеричной системы были бы несущественны, если она продолжала существовать и развиваться, но она исчезла вместе с закатом последних древнемесопотамских государств.

Каким же образом возникла шестидесятеричная система? О. Нейгебауэр выдвинул предположение, что позиционная основа равная 60 происходит от древнего шумерского нормирования системы мер и весов. Шумерская система мер и весов была упорядочена по шестидесятеричному принципу: один талант равнялся шестидесяти минам и т.д. По мнению Нейгебауэра способ обозначения отвлеченных чисел возник как следствие развития системы мер в древнем Шумерском царстве [Нейгебауэр, 1937. С. 114 –125]. Существует и другая точка зрения, впервые изложенная французским ассириологом Ф. Тюро-Данженом. Он настаивал на том, что как раз напротив, отношение единицы к шестидесяти первоначально возникло в области применения отвлеченных чисел и лишь, затем было перенесено в сферу весовых и денежных отношений [Thureau-Dangin, 1932. P. 11].

Как бы там ни было, мы и по сей день разделяем время исходя из шумерских представлений о естественном числовом разряде: минута состоит из шестидесяти секунд, а час из шестидесяти минут. Базовые единицы измерения времени достались нам в наследство от шестидесятеричной системы шумеров. В связи с этим возникает очень интересный путь для гипотетического моделирования, суть которого заключается в следующем: Какова была бы наша современная наука и имела бы она какие-либо качественно иные признаки, если бы в основу ее развития изначально была положена шестидесятеричная система счисления? Изменилось бы наше теоретическое представление о мире, если бы все наше современное естествознание перевело все значения исчислений в рамках своей науки из десятичной системы счисления в шестидесятеричную? Возможно ли, что эти новые числовые значения в своем пропорциональном соотношении и построении, дали бы науке некие информационные ориентиры, указывающие на некую иную научную картину мира?

Литература

1. *Липин Л.А.* Словарь: Аккадский (вавилоно–ассирийский) язык. Вып.2. – Л: ЛГУ, 1957
2. *Нейгебауэр О.* Лекции по истории античных математических наук. Т.1: Догреческая математика. пер. Лурье С. Я. М.Л., 1937

3. *Thureau-Dangin F.* Esquisse d'une histoire du système sexagésimal. Paris: Geuthner, 1932

СВЯЗЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ В ИСТОРИИ ФИЗИКИ

Е. А. Безлепкин

Институт философии и права СО РАН

evgeny-bezlepkin@mail.ru

В общем виде под объяснением понимают «подведение под общий закон, который фиксирует связь изучаемого явления с другим» [Сторожук, 2005: 138], как например, в модели К. Гемпеля; либо указание (установление) причины, внутренней структуры, приводящей к появлению события, к примеру, модель В. Салмона. Ученые-естественники также имеют свои точки зрения на то, что считать объяснением.

И. Ньютон писал: «Вся трудность физики, как будет видно, состоит в том, чтобы по явлениям движения распознать силы природы, а затем по этим силам объяснить остальные явления... Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы, рассуждая подобным же образом, ибо многое заставляет меня предполагать, что все эти явления обуславливаются некоторыми силами, с которыми частицы тел, вследствие причин, покуда неизвестных, или стремятся друг к другу и сцепляются в правильные фигуры, или же взаимно отталкиваются и удаляются друг от друга» [Ньютон, 1989].

Ньютон задает программу редукционизма явлений природы к механическим, т.е. программу объяснения по аналогии с механическими объяснениями, которые представляются ясными и наглядными (если некоторое тело при движении меняет направление, следовательно, на него действует некоторая сила, которая направлена по касательной к линии изменения движения).

Последователи Ньютона восприняли его программу. Так, например, В. Томсон широко использует механические аналогии для построения теории электромагнитных и оптических явлений. По словам Томсона «объяснить явление – значит построить его механическую модель» [Дуков, 1975: 127].

Интересно, что процесс построения аналогий может идти двумя путями. Первый – через гипотетические принципы строить аналогии и пытаться вывести уравнения теории (Ферма и Томсон). То есть сначала гипотеза и аналогия, потом математическое обобщение. Второй – математическая обработка некоторого эмпирически проверяемого принципа и вывод аналогии из математической формы (Гамильтон с оптико-механической аналогией). То есть сначала математическое обобщение опытного принципа, затем аналогия.

Во втором способе объяснение мыслиться иначе: «объяснение физических явлений, по Гамильтону, происходит в процессе математической обработки

данных наблюдения и создания особого мира математических символов, который призван как-то представить нам эти явления» [Карпович, 1990: 51].

Нельзя не упомянуть понимание объяснения создателем электромагнитной теории Дж. Максвелла. В. Карцев писал, что: «Максвелл всегда считал, что механическая модель лишь в самых общих и простых чертах отражает исследуемые процессы и явления природы. Любой механический образ, по Максвеллу, отражает природу отнюдь не тождественно, а с определенной степенью приближения, отражает лишь одну сторону ее свойств. Механические модели играли у Максвелла роль рабочих гипотез, конструкций, помогающих изобразить сложные предметы и явления гораздо проще и наглядней. Механические модели были строительными лесами его теорий» [Карцев, 1974].

Таким образом, на протяжении всей классической физики идеалом объяснения считалось построение наглядной модели изучаемого явления, причем модель могла быть только механической, потому что наглядное объяснение – это объяснение через механические аналогии, напрямую связанные с опытом человека. Как бы далеко наглядные объяснения не уходили от чувственных, повседневных образов, они все равно будут строиться по аналогии с ними. Наглядными являются только движения тел. В этом смысле физическое поле и взаимодействие тел через него – уже отдаление от полной наглядности.

Механическая модель изучаемой действительности есть часть физической картины мира, которая представляет объединение и объяснение изучаемых явлений в качественной форме.

Классический идеал объяснения в физике наиболее отчетливо сформулировал Б. Г. Кузнецов. Он писал: «Идеалом науки будет концепция природы, объясняющая всю совокупность явлений только движениями и взаимодействиями тел» [Кузнецов, 1966: 162].

С появлением позитивизма и неклассической физики классический идеал объяснения постулируется как несбыточный. Крайней точкой зрения становится отказ от понятия объяснения. Например, П. Дюгем: «Физическая теория не есть объяснение. Это система математических положений, выведенных из небольшого числа принципов, имеющих целью выразить возможно проще, полнее и точнее цельную систему экспериментально установленных законов» [Дюгем, 2007: 25].

Современная наука все дальше уходит от классического объяснения. Резюмируем словами Р. Фейнмана: «Интересно, что модели очень часто помогают в работе, и большинство преподавателей физики пытаются учить тому, как пользоваться моделями, чтобы выработать хорошую физическую интуицию. Но всегда выходит так, что величайшие открытия абстрагируются от модели и модель оказывается ненужной. Максвелл создал электродинамику, наполнив пространство массой воображаемых шестеренок и зубчатых колесиков, Но колесики и шестеренки мы отбросили, а теория осталась [Фейнман, 1968]».

Исходя из подобного мнения, можно постулировать существование нескольких видов объяснений в современной науке.

Во-первых, классическое, наглядное объяснение – «объяснение посредством образной «осязаемой» реконструкции объясняемого явления» [Методологические принципы физики, 1975: 30].

Во-вторых, математическое объяснение – «установление регулярных зависимостей между физическими величинами, причем таких зависимостей, которые позволяют предвычислять, предсказывать результаты измерений... Потребность в математическом объяснении возникает в связи с измерением физических величин. Измерение «погружает» физический факт в контекст математической схемы» [Там же: 31].

Физическая картина мира в истории физики – это объяснительная модель, которая объединяет разрозненные объясняемые факты в одно качественное целое. Количественный анализ картины мира позволяет описывать факты как законы на языке математики. На наш взгляд связь объяснение-объединение выражается через объединение исследуемых физических явлений. В этом плане, дополнительность качественного (физическая картина мира) и количественного (математизация и математическая интерпретация физической картины мира) описания только и может породить объяснение.

Литература

1. Дуков В. М. Электродинамика (история и методология макроскопической электродинамики). – М.: Высш. школа, 1975.
2. Дюгем П. Физическая теория. – М.: КомКнига, 2007.
3. Карпович В. Н. Проблема, гипотеза, закон. – Новосибирск: Наука, 1980.
4. Карцев В. П. Максвелл. – М.: Молодая гвардия, 1974.
5. Кузнецов Б. Г. Принципы классической физики. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1958.
6. Методологические принципы физики. – М.: Наука, 1975.
7. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989.
8. Сторожук А. Ю. Пределы науки. – Новосибирск, 2005.
9. Фейнман Р. Характер физических законов. – М.: Мир, 1968.

**«ЗЕТЕТИЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ»:
ФИЛОСОФСКИЙ ПОИСК У ГЕРАКЛИТА И ПАРМЕНИДА***

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
rina.volf@gmail.com

Установление или отыскание принципа наилучшего объяснения мира требовало от философов использования конкретного исследовательского метода, и таким методом, «мета-путём» (*methodos*) – путем поиска истины – стал философский или эпистемический поиск, *зетесис* (*didzeis / zetesis*). Каждый из философов на этом пути стремится выразить свое представление о наилучшем объяснении мира в конкретной концепции, и понятно, что всякое новое или «обновлённое» (скорректированное) объяснение от учения к учению требует также новых, более убедительных и достаточных для его принятия аргументов. Что в свою очередь обуславливает возникновение и эволюцию концепции и практики философско-ориентированной дискуссии, подразумевающей наличие той или иной аргументации, использование тех или иных типов аргументов.

Чтобы осуществить такой философский поиск, необходимо наличие исходных данных: мы уже должны знать то, что ищем. Разумеется, речь не идет о том, чтобы знать искомое в том же отношении, в каком оно будет найдено – это занятие абсурдно и бессмысленно, но ищущий должен быть как-то сориентирован в том, что и где он должен искать. Этому служат знаки – приметы, указания на пути поиска, своего рода дорожные ориентиры, которые ведут в нужном направлении при должном их истолковании.

Разумеется, «путь поиска» – это прежде всего аналогия, и если дорогу «осиливает» идущий, то на пути философского поиска идущим оказывается *нус*, и именно в его задачи входит считывание и истолкование знаков. Но *нус* – это ментальная способность, мышление, а раннегреческие философы все еще вкладывали в значение этого слова архаическую особенность его пони-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00097а «Ранняя греческая философия в поисках объяснительного принципа: метод, концепции, аргументы»).

мания: *нус* еще не дискурсивная способность, это - интуиция, пусть и рациональная, а значит *нус* способен предсказывать. «Предсказательная» способность *нуса* также нацелена на реализацию первого условия поиска - «уже знать, что ищем», а такое условие и обеспечивается, и возникает благодаря культурному контексту архаики. Во-первых, речь идет о предсказательных практиках и представлении, согласно которому все знания люди получают, истолковывая знаки, переданные богами. Привычная практика становится удобной метафорой – *нус* достигает истины посредством истолкования знаков, а гарантом истинности такого истолкования выступает его способность к предвидению результата. Во-вторых, эта способность *нуса* может быть объяснена в контексте гомеровских странствий «Одиссеи». Ментальная «одиссея» *нуса* – это не поиск того, что неизвестно в принципе, а отыскание пути назад, «возвращение» (*nostos*) домой, к тому, что было хорошо известно, но утрачено - к Истине. Поскольку *нус* – все-таки рациональная способность, то и *дидзесис* осуществляется рационально - структура поиска, философского исследования носит демонстративный характер, развертывается как доказательство или рассуждение.

Для всякого поиска нужен первоначальный толчок и для философского поиска таким инициирующим моментом выступает проблема или *апория*. С философским поиском можно связать два вида апорий. *Катартическая апория* подразумевает нахождение противоречивых взглядов у человека, которые он полагает истинными, и только освободившись от которых, он может обратиться к поиску подлинного знания. *Зететическая же апория* как раз и запускает поиск истины в том случае, когда человек отказывается от претензии на истинность своих прежних убеждений и открыт для новых поисков. По сути дела, это - скептическое состояние, сократовское «я знаю, что я ничего не знаю», и любой вывод, любой результат, к которому ищущий приходит, исследуя, оказывается неполным: в любом знании открывается элемент неполноты, недостаточности этого знания. Именно *зететические апории* следует связать с подлинным поиском истины, как специфически характеризующие именно философский поиск.

И наконец, последняя черта философского поиска: он создает условия для принципиально новых принципов достижения знания, и элемент случайности больше не является доминирующим. Прежде на знание можно было только набрести, и по словам Ксенофана (В 34 DK, В 35 DK), даже не узнав, что именно найдено, только догадываться и принимать на веру то, что похоже на правду: ни на ощущения, ни на *логос* (разум) человек опереться не может. Теперь же, вооружившись принципами философского поиска, открытия можно совершать планомерно: исследование - *дидзесис* или *зетесис* - принципиально отлично от случайного открытия (*heuresis*), более того, открытия становятся лучше и продуктивнее, если опираются на исследования, а не на случай. «Люди, исследуя, открывают лучше, чем если полагаются на богов» (В 18 DK) - эту мысль, оптимизм которой непосредственно питается от новой

идеи философского поиска, Ксенофан высказывает, несмотря на тот глубокий скепсис, который он питает в отношении познания.

Выработанные в раннегреческой философии подходы к осуществлению поиска истины не просто подхватываются последующими поколениями, а наступает эра расцвета представлений о поиске, и в классическую и эллинистическую эпохи мы находим уже разнообразные виды *дзетесиса*, примененные к различным областям познания: *дзетесис* практический, диалектический, эпистемический, догматический, скептический, частного и общего, явного и неявного и этот список можно продолжать. Надо думать, что такой принцип поиска обретает популярность только в силу невероятной успешности первых «зететических попыток», наиболее яркие и значимые из которых в раннегреческой философии принадлежат Гераклиту и Пармениду.

Для Гераклита отправной точкой оказывается различие «явного» и «неявного». Если признать за основу тезис Ксенофана, что в явном, феноменальном, истины нет, тогда истину следует искать в «скрытом», «неявном», и именно это и проделывали всегда люди, истолковывая знаки, «выявляя неявное». Эти знаки, по убеждению Гераклита, подают не боги, знаки подает природа, которая «любит скрываться», а значит, нужен универсальный критерий истолкования этих знаков и новый метод выявления скрытого. Смысл достижения истины в том, чтобы различать каждое по природе, объясняя и делая понятным его, «как оно есть». Но любое объяснение и истолкование, любое понимание не будет истинным, если нет общего критерия, если каждый в объяснении вещей опирается на свои личные заблуждения и мнимые убеждения. В качестве такого общего критерия следует принять универсальный *логос*, выражающий универсальные отношения между вещами или словами, выражающими представления о вещах. Выраженное таким *общим* *логосом*, прежнее знание о мире, уже неприемлемое знание-описание, должно стать универсальным, общим для всех и истинным знанием-объяснением мира. Иными словами, поиск Гераклита направлен на отыскание некоего общего принципа, универсальной и общей для всех речи, которая называет все вещи их правильными именами, и демонстрирует подлинные отношения между объектами познания. Люди привыкли выражать представление о мире через противоположные принципы, а надо искать в нем универсальное и общее, структуру правильной речи, которая обеспечит правильное объяснение. Как достичь знания о таком *логосе*, какова процедура его отыскания? Гераклит предлагает модель распределения познавательных принципов, которые могут обеспечить верное обобщение.

Эта процедура в рамках философского поиска от явного к скрытому у Гераклита видится нам следующим образом. От чувственных данных или явного мы переходим к неявному, к определенным рациональным критериям их осмысления, к постижению или *научению* (*mathesis*). Иными словами, от фиксации фактов мира чувствами мы переходим к частным утверждениям о них. На этом шаге имеется только познаваемый объект без его возможного окружения и взаимосвязей. Чтобы обеспечить максимальную количествен-

ную широту объектов познания и установить возможные взаимосвязи познаваемого объекта с другими вещами, требуется вмешательство *нуса*. Именно он предвидит, как поведет себя объект в других условиях, относительно другого объекта. Дальнейшее осмысление полученного с целью отыскания и схватывания общего в вещах обеспечивает понимание (*xynesis*). Именно эта способность судит посредством соединения признаков познаваемых объектов или состояний. Но такое схватывание также невозможно без участия *нуса*, поскольку это общее в вещах также необходимо в каком-то смысле *пред-знать*, уже иметь о нем какое-то исходное представление. А такое предзнание обеспечивает не столько *нус*, сколько *логос*, который необходимо слышать в процессе познания. Такое знание будет оставаться мнением, *доксой*, до тех пор, пока не пройдет еще одной проверки, - здравым смыслом (*phronesis*), состоящей в обращении на самого себя, самопознании (самосознании). Этот способ перевода мнения в истинное знание может показаться странным, но не для Гераклита. На этом этапе происходит сверка сформировавшихся представлений с *логосом* как носителем истины, который мы уже как-то знаем, как-то слышим. Стараться услышать объективное «логическое» содержание нужно внутри себя, а не во внешнем мире, обращаться не к «именам» и образам чувственно данных вещей, к положению дел (*ergon*), а к их «изнанке», *рассуждая* о них или выстраивая *отношения* между ними.

Решение обозначенной Ксенофаном проблематики у Парменида еще более радикально: если для Гераклита истинное знание открывается через универсальные структуры речи, через правильное именование и установление правильных отношений, критерием чего является *логос* о вещах, то для Парменида истина достижима только посредством мышления. Парменида уже не обращает свой интерес на вещи как таковые, как и не признает возможности *говорить* истину или *выражать* истинное знание о чем-либо: единственная операция по отношению к вещи, сопряженная с истиной – это мышление о вещи при условии ее принципиальной мыслимости. Установление истины о вещах происходит посредством мышления их специфических характеристик. Парменид согласен с тезисом, что истина открывается через общее для всех, и в качестве такого наиболее универсального и специфичного общего признает обладание любой мыслимой вещью существованием. Подлинное сущее, на которое направлен философский поиск Парменида, обладает рядом существенных и неприписываемых ничему иному предикатов.

Поскольку подлинность сущего устанавливается мышлением, то говорить о валидности существования за пределами мышления, в феноменальном мире, невозможно, а значит, свойства вещей обыденного мира для описания или объяснения подлинно сущего использовать нельзя. *Дидзесис* как путь познания истины осуществляется *нусом* только с опорой на знаки, и в учении Парменида это - *знаки сущего*, которые представляют собой послылки доказательства, развернутый *эленхос*, довод, подтверждающий истинность того, что исследуется. Иными словами, даже если мы уже знаем, что именно мы ищем, а в данном случае – что же именно (или подлинно) существует, - наше знание

не будет полным до тех пор, пока мы не убедимся, что искомое обладает именно этими характеристиками, и что только эти характеристики в полной мере присущи только этому искомому субъекту. Характерно, что как и его эфесский соратник, Парменид для источника установления знаков сущего использует чувственно воспринимаемый мир, но не для прямого обобщения свойств феноменального мира, а в соответствии с принципом *a contrario*. Знаки в доказательстве, которые должны привести нас к тому, что подлинно существует, таковы, что сущее, на которое они указывают, не должно быть соотносимо с физическим миром, и ни один из предложенных знаков не может быть применен ни к одному феноменальному объекту этого мира: все эти знаки, а по сути дела, – существенные предикаты, специфически приложимы только к такому объекту, который не имеет ни временных, ни пространственных измерений. Таковы изначальные условия для постижения на единственно возможном пути «есть»: полный отказ от привычки опираться в познании на чувства, поскольку то, с чем мы имеем дело, – исключительно умопостигаемый объект.

Когда истина о подлинно сущем установлена, становится видно, что *сказать* истину о таком сущем невозможно, поскольку, всякий раз, сходя на дескриптивный уровень феноменального сущего, мы отказываемся от свойств, установленных для мыслимого сущего. Подлинно *сущее есть*, это – его характерный предикат. Но обозначая в рамках привычного мира одну вещь как существующую, например, сказав, что день существует, мы противоположную ему вещь – ночь – с необходимостью вынуждены назвать несуществующей, что влечет противоречие. И даже не допуская противоречивых высказываний, просто называя вещь существующей в качестве чего-то – «это лошадь», – мы тем самым утверждаем, что «лошадь *не есть* все остальное». Используя отрицательные конструкции, «воды нет» (=«вода не существует»), мы вновь отрицаем очевидное существование привычных вещей, несмотря на то, что доказательство существования для существующего уже проведено. Всякий раз, *говоря* о чем-то существующем, мы его, явно или нет, именуем не существующим, и других способов познать феноменально данные вещи, а также *выразить* или *объяснить* их у нас нет. Мышление же общего для всех позволяет избежать такого противоречия. На наш взгляд, в рассуждениях Парменида критика Гераклита очевидна, но эта критика не уничтожающая, это критика «в развитие» взглядов и «в развитие» метода, *дидзесиса*. Оба философа, опираясь на один и тот же метод, демонстрирует, что истина достижима, только искать ее нужно за пределами феноменального мира и за пределами догматических и *доксических* представлений.

Таковы две главных «зстетических попытки», предпринятые в раннегреческой философии. Их успешность очевидна и сам метод поиска истины действителен. Неудивительно, что в результате проблематика «феномены – речь – мышление» становится одной из главных и популярных в античности, а вопросы о том, насколько выразимо видение мира, что такое речь, язык, и како-

ва их связь с мышлением, уже не оставляли умы философов вплоть до заката эпохи.

ПОНИМАНИЕ ТВОРЧЕСТВА И.Г. ФИХТЕ. ФИХТЕАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОДУКТИВНОГО ВООБРАЖЕНИЯ КАК СПОСОБНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

И. С. Качай

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета
monaco-24-Ilya@mail.ru

В своих воззрениях относительно сущности творческого акта И.Г. Фихте активно полемизирует с И. Кантом, принимая мысль последнего о тождестве процессов творчества и познания в аспекте своей концепции *абсолютного Я* как своеобразного аналога кантовской трансцендентальной апперцепции. При этом стремление к творчеству у Фихте основано на синтетическом единстве *рефлексивного чувства принуждения* и *свободного чувства жажды*.

Однако абсолютное Я в учении Фихте предстаёт не только как единство самосознания, но также как единство воли, деятельности и силы знания. В этом отношении *не-Я*, противостоящее субъекту, является источником творческой деятельности последнего. Недаром Т.И. Ойзерман замечает: «Противоречия, которые у Канта были следствием фатальных заблуждений человеческого разума... превращаются у Фихте в движущую силу познания и творческой деятельности» [1, с. 63].

Стоит обратить внимание на амбивалентную трактовку антропологической природы творчества Фихте. С одной стороны, вечный человеческий дух «вынужден употреблять своё творчество... на землю, которая даёт людям пропитание» [2, с. 170], а с другой – творчество наличествует как искусство, не нуждающееся «в изложении правил, согласно которым оно совершается» [4, с. 375].

В этом отношении содержание творческой деятельности истинного художника, по мысли Фихте, включает в себя такие предикаты, как «высшее наслаждение», «блаженство», «свобода» и «первичность». Немаловажно, что и человек, воспринимающий те или иные произведения, в некоторой степени сам является творцом этих произведений засчёт осуществления интерпретативного акта, сопровождающегося высшим внечувственным наслаждением.

Однако не каждый человек способен в должной мере воспринимать плоды творческой деятельности субъекта, ведь искусство «зовёт лишь немногих к творчеству или хотя бы только к постижению своих тайн» [4, с. 452]. В этой связи только абсолютное мышление обладает подлинной творческой природой, которая у Фихте развёртывается в двух онтологических плоскостях: как сама себя определяющая конечная цель и как цель, свободно созидаящая из ничего.

Под *способностью продуктивного воображения* Фихте подразумевает некое синтетическое единство противопоставленных друг другу понятий «встреча» и «граница», которые объединяются в целостности Я и порождают состояние *созерцания*. Говоря иначе, продуктивное воображение представляет собой некую трансцендентальную силу, которая не просто преобразует познаваемые вещи, но и в прямом смысле заново создаёт действительность.

Ключевой в аспекте независимой деятельности воображения предстаёт категория абсолютной *взаимо-смены* как процесса взаимодействия между входящим в субстанцию и вытесняемым из этой же субстанции материалом. Подобного рода онтологическая неустойчивость полагает одновременный *уход-от-себя* и *возврат-в-себя* таких понятий, как «бытие» и «небытие», «Я» и «не-Я», «объект» и «не-объект».

Более того, сама продуктивная способность воображения, вступая в борьбу с самой собой, одновременно взаимоисключает и образует себя, колеблется «между схватыванием и несхватыванием одного и того же объекта в рассудке» [3, с. 234], что детерминирует её свободную созерцательную деятельность.

По мнению Фихте, творческая сила воображения наличествует абсолютно во всех людях, детерминируя способность формирования идей. В случае угасания этой способности недоступной становится как потенция познания реальности, так и возможность наукоучения, опирающееся ни на рассудок, ни на память, а лишь на продуктивную силу воображения.

В этом смысле творческий акт воображения не имманентен структурам сознания и несёт на себе предикат бессознательного, сливаясь воедино со своим продуктом. Истинную творческую природу имеет лишь *абсолютное продуктивное воображение*, которое двояким образом полагает *мышление* и *созерцание*:

	Мышление	Созерцание
1.	Действительное мышление как созидание образа	Действительное созерцание как созидание протяжённости
2.	Мыслимое мышление как объективное внешнее чувство качества	Созерцание созерцания как сопротивление свободы материальному субстрату

Таким образом, Я в контексте абсолютной продуктивной созидательной силы может осуществиться только посредством неразделённого синтеза внешнего созерцания и продуктивного мышления. По мысли Фихте, «ничто не может проникнуть в рассудок иначе, как через силу воображения», ибо сила воображения транслирует на вещь «своё собственное свободное действие» [5, С. 405, С. 406].

В заключение необходимо отметить, что сила продуктивного воображения является неперменным условием для высвобождения духовной жизни человека, плодотворно рассеивая его внимание с тем, чтобы создать «совсем

иной порядок времени, совершенно свободный от порядка времени, в котором совершается чувственное развитие» [6, С. 634].

Литература

1. Ойзерман, Т.И. Главный труд Канта [Текст] / И. Кант // Соч.: В 6 т. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса и др. – М.: Мысль, 1964. – Т.3. – 1964.
2. Фихте, И.Г. Назначение человека [Текст] / И.Г. Фихте // Соч.: В 2 т. / Сост.: В. Волжский. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т.2. – 1993.
3. Фихте, И.Г. Основа общего наукоучения [Текст] / И.Г. Фихте // Соч.: В 2 т. / Сост.: В. Волжский. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т.1. – 1993.
4. Фихте, И.Г. Основные черты современной эпохи [Текст] / И.Г. Фихте // Соч.: В 2 т. / Сост.: В. Волжский. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т.2. – 1993.
5. Фихте, И.Г. Очерк особенностей наукоучения по отношению к теоретической способности [Текст] / И.Г. Фихте // Соч.: В 2 т. / Сост.: В. Волжский. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т.1. – 1993.
6. Фихте, И.Г. Факты сознания [Текст] / И.Г. Фихте // Соч.: В 2 т. / Сост.: В. Волжский. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т.2. – 1993.

ЭКСПЛИКАЦИЯ СУЩНОСТИ «ЕВРОПЕЙСКОЙ НАЦИИ»

У Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Г. А. Попов

Новосибирский государственный университет

gg.a.ppv@gmail.com

Нашей задачей является экспликация понимания Гегелем «европейской нации» на основе его трактовки духовной ситуации средневековья и связи этой трактовки с его осмыслением субъекта истории и религии. Таким образом, мы хотели бы показать, в чем Гегель видит исток европейской цивилизации, что подразумевает как образ современного состояния Европы, так и цель европейской нации, вытекающей из ее сущности. Поэтому, очевидно, нашу попытку экспликации этого понятия у Гегеля не стоит оценивать с точки зрения историографии, а тем более современной медиевистики. Взгляд Гегеля на Европу — философский. Его «Европа» обозначает ту же взаимосвязь проблем и вопросов, что и Европа Ницше или Гуссерля, ибо ее история становится местом, где формируется будущий духовный образ человечества. Одновременно, мы надеемся, нам удастся прояснить понимание Гегелем христианства и взаимосвязь исторической традиции и современности, ибо все вышеназванные вопросы суть один и тот же.

Как известно, субъектами философии истории Гегеля являются народы, а осуществление ими своего принципа составляет определенную мировую эпоху. Можно сказать, что принцип является общим самосознанием, тради-

цией народа, скрепляющей нацию в потоке времени, давая устойчивую основу, из которой уже возникает единство всей духовной жизни. Поэтому этот принцип определяет также понятие свободы, религии и места в мире для этого народа. Последним народом, вступившим на сцену истории, является германский народ, под которым подразумеваются варвары, занявшие территорию современной Европы во время переселения народов. Именно они начинают последнюю эпоху, а именно: современную христианскую эпоху мировой истории. Гегель, воспринявший в философию истории библейское слово об «исполнении времени», видит в христианстве абсолютную религию, приход к которой делит историю на части: до и после. Эпоха после пришествия в мир христианства имеет своей задачей исполнение его в реальности. Эта задача как раз и возложена на германского варвара, будущего европейца, который обрел в качестве традиции, ведущего духовного источника христианства; именно он должен собственной исторической жизнью выразить в действительность сущность христианства; эта задача является духовным истоком Европы. Однако именно фактический образ осуществления задачи позволяет уяснить смысл этого утверждения.

Эпоху европейской истории открывает Средневековье, время варварских королевств и безусловного господства христианства. Кажется, что эта эпоха как раз символизирует осуществление христианского принципа и сохранение его в традиции, однако Гегель характеризует это время как «раздвоение». В «Феноменологии духа» этап Средневековья назван «миром отчужденного от самого себя духа».

Гегель подразумевает под данной оценкой следующее: германский варвар, являющийся отныне субъектом мировой истории, не имеет за собой ни собственной культуры, ни исторической традиции, ни религии. Мир, которым он обладает в наличности, который он завоевал, совершенно чужд для него. Он сам попал под власть наличной религии христианства и остатков прошлой образованности античности. Для его Gemüt всякая наличность в его исторической ситуации противопоставлена ему как объект, с которым он не имеет никакой природной, укорененной в традиции связи с наличной религией и культурой: он должен мыслить заимствованными категориями, читать книги на другом языке, восхищаться образцами, уже потерявшим свою жизненность; поклоняться тому Богу, который умер и воскрес несколько веков тому назад.

Кроме того сама религия, которая является триумфом субъективности и, следовательно, должна соответствовать свободному Gemüt нового европейца, наоборот, превратилась в нечто двойственное, самоотчужденное, ироничное по отношению к свободе духа: свободное познание должно утверждать уже установленную доктрину; очищение человека от греха может быть совершенно только другим человеком; Священная книга написана на чужом языке; государству, как действительной общности людей, противостоит Церковь, как постулируемая духовная общность; настоящий глава Церкви – Иисус Христос – является для этого мира, как показали Крестовые походы, только

гробом. Европейец средних веков является христианином в том смысле, что его религия, называемая в то время христианством, противоречит сущности христианства, выражение которой в действительность является сущностью его исторической жизни (и сущностью субъекта вообще). И, одновременно, когда он понимает это и, понимая, отказывается от наличного христианства, основываясь только на самостоятельности субъекта, отыскивая и творя из нее свою традицию, свой принцип (свою религию) - он выполняет свою историческую задачу реализации христианства.

Итак, духовным истоком Европы, согласно Гегелю, является совершенное отчуждение субъекта истории от «мира». «Традицией», лежащая в основе Европы, на основании ее истока, можно назвать изначальное отсутствие всяческой данной традиции и религии. Европейец — это чистый лист, на котором не изображена ни одна традиция как извне закрепляющее его историческое существование, сводящая его горизонт к чему-то устойчивому. Следовательно, он является чистой возможностью; так сказать, материалом для духа, создающего эту неограниченность горизонта. И, наконец, задача Европы, как уже было упомянуто, согласно Гегелю, состоит в выражении принципа христианства, религии свободы. Однако это значит только процесс постоянного нахождения своих истоков («подлинного духа» христианства, как и «обращение к грекам»), так как христианство, являющееся духовным фундаментом Европы является не традицией, а, скорее, наследующимся отсутствием традиции, фундирующей современность. Исторический субъект, европеец, берет основания для своего настоящего существования из себя самого, творя из ничего самому себе свое государственное устройство, культуру, нацию и, наконец, религию.

АНТИПЛАТОНИЗМ М. ХАЙДЕГГЕРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПЛАТОНУ

Ю. С. Золотухина

Новосибирский государственный университет

yulia15051988@mail.ru

История философии последних двух столетий рассматривала диалоги Платона в свете двух определяющих тенденций - гегелевской и кантовской. Во многих трудах на тему «От мифа к логосу» творчество Платона занимает центральное место. Для Гегеля и традиционных гегельянцев (Э. Целлер, Э. Гофман) миф и поэзия у Платона - признак «недоразвитости», особая стадия развития рациональности - «архаическая логика» [1]. Для бунтарей против традиционной метафизики (Ницше, Хайдеггер) стремление к систематичности, однозначности, понятийной строгости - признак упадка, деградации. Так, согласно Хайдеггеру, именно Платон положил начало пониманию бытия как идеи, что привело к «забвению бытия», к рождению западной метафизики.

Именно с возникновением теории идей Платона понятие истины как несокрытости сменяется пониманием истины как соответствия правильному представлению (идее) [2]. Платон, по Хайдеггеру, лишь удваивает сущее (бытие у него выступает сущим иного рода – идеями) вместо того, чтобы от сущего пробраться к бытию сущего. Для Хайдеггера бытие – это то, что не является сущим (хотя и делает его таковым), и поэтому оно утрачивается, когда сущее начинает объясняться исходя из другого сущего, а не из его бытия.

Таким образом, то, что считалось самым ценным в учении Платона – теория идей, оказывается роковой ошибкой в познании бытия. Хайдеггер предлагает произвести деструкцию опыта, встать на точку зрения «преодоления метафизики» и осознать, от какого наследства нам следует отказаться. То есть, в самой сути платоновского учения он находит роковой изъян. Прежде всего он проявляется в изменении понимания существа истины в платоновской философии. Основной мотив Платона – понять какую-либо вещь можно лишь в свете ее идеи (познание сущего, не исходящее из идей, не приводит к истине) – Хайдеггер объявляет первым шагом к забвению бытия. Также, по его мнению, с этого момента философия теряет свой реальный предмет.

Оценка хайдеггеровской трактовки греческих мыслителей может быть различна. Так, для Т.В. Васильевой его опыты – образцы «дилетантской несостоятельности», «артистической герменевтики» [3]. Для Г. Гадамера Хайдеггер был тем мыслителем, который стремился передать «внутреннее движение мысли в греческом тексте» [4]. Так или иначе, отношение между Хайдеггером и греками, а соответственно способы прочтения обоих, могут быть рассмотрены следующим образом: «Хайдеггер *вместе* с греками; Хайдеггер *через* греков и греки *через* Хайдеггера; но также и: Хайдеггер *против* греков; и даже: греки *против* Хайдеггера» [5]. Но насколько оправдана интерпретация Хайдеггера платоновского учения как самого значительного шага в сторону забвения бытия (подмена бытия сущим)? Мы полагаем, что здесь как раз требуется апология греков. Можно смело утверждать, что проблема бытия решалась Платоном в самых разных аспектах и на самых разных уровнях постижения. Платон не просто отождествил истинное бытие с идеями, считать так было бы каким-то упрощением и уплощением его взглядов, но и поставил проблему бытия – одного и того же способа существования и вещей, и идей. В диалоге «Софист» Платон дает определение бытию именно как бытию, как способу существования (Soph. 247).

Быть, согласно Платону, значит быть способным воздействовать на иное, либо испытывать воздействие, т.е. в самом общем смысле *быть* – следовательно, *относиться к иному*. После всех рассуждений Хайдеггера о том, что метафизика удалила ничто из бытия, уклонившись от его истины, нелишне вспомнить, что у Платона – в отличие от Парменида – бытие выступает уже не как чистая позитивность, утвердительность, а включает в себя небытие как свой необходимый момент, как основу различий, существование небытия и есть онтологическая основа лжи и заблуждения. Также Хайдеггер не рас-

смачивает генезис теории идей, не пытается понять, какие существовали предпосылки для ее возникновения, какой ход мышления привел к ней. Поэтому мы утверждаем, что великий немецкий мыслитель крайне не диалектичен, в отличие от интерпретируемого им Платона. Для Хайдеггера процесс самосознания (который, фактически, и привел к возникновению теории идей Платона) лежит в основе отхода от подлинного бытия. Но останется ли в философии что-либо от философии, если не позволить ей быть формой самосознания человека? Так от какого наследства нам надо отказаться?

Литература

1. Бородай Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М.: Изд. Савин С. А., 2008, С. 4.
2. Хайдеггер М. Время и бытие // Учение Платона об истине. М., 1993. С. 345–361.
3. Васильева Т.В. Философский лексикон Аристотеля в интерпретации Хайдеггера // Поэтика античной философии. М.: Академический проект, Трикса, 2008. С. 569.
4. Гадамер Г. Хайдеггер и греки // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000223/>
5. Там же.

ОБ ОДНОМ ИЗ АСПЕКТОВ ИГРЫ В ФИЛОСОФИИ ГАДАМЕРА И БАРТА

М. Ю. Темников

Томский государственный университет
kantrast1@mail.ru

В своей работе «Истина и метод»[1] Г. Гадамер раскрывает игру в качестве медиального феномена. Автор говорит, что игра выходит за горизонт субъективности играющего и не зависит от его сознания: «в лучшем случае игра достигает через играющих своего воплощения» [1, с.148]. Иллюстрируя свою мысль, философ приводит примеры употребления слова «игра» в метафорическом смысле. Когда мы говорим об игре света, волн, красок и т.п., мы не подразумеваем никакого субъекта, игра осуществляется как бы сама собой [1, с. 149]. В этом употреблении раскрывается одно из своих ключевых свойств игры: она предстает как движение, не имеющее конечной цели, как «свободная от целеполагания трансформация» [2]. Для Гадамера это означает, прежде всего, свободу от субъекта, ибо без разницы кто это движение осуществляет [1, с. 149]. Таким образом, задаваясь вопросом о субъекте игры, нам стоит его приписать не иначе как ей самой [1, с. 148]. Но в каком положении находится играющий человек, в таком случае? Конечно, было бы на-

ивно полагать, что он полностью лишается своего «я», вступая в игру, однако, будучи вовлеченным в «превосходящую его действительность» [1, с. 155], это «я» конституируется игрой и подчиняется особым законам ее реальности. Это видно из действий актера, который играя определенную роль, отказывается от собственной идентичности. Также стоит отметить непредсказуемое течение игры, неотъемлемый ее признак. В отсутствии четкого плана действий игра лишает человека власти над происходящим, подчеркивая, опять же, свой главенствующий характер. Невозможно продумать игру от и до и следовать заранее подготовленному плану. У игры нет четкой инструкции, у нее есть лишь правила, которыми она ограничивает поведение играющих, но внутри этих границ, отделяющих игровое пространство от мира обыденного, предоставляется полная свобода действий. Итак, вступая в игру, человек должен отступить от собственной субъективности, он должен позволить игре захватить его, дабы та состоялась в полной мере.

Анализ игры нужен Гадамеру для того, чтобы раскрыть суть бытия художественного произведения, которое и есть, собственно, бытие игры [1, с. 151]. Стоит лишь упомянуть, что бытие произведения есть некоторая модифицированная игра. В искусстве игра «поднимается до своей идеальности» [1, с. 156], она в полной мере предстает перед нами как медиальный феномен. Прежде всего, Гадамер связывает это с появлением зрителя, и соответственно такой функцией игры как «презентативность». Такое положение является очевидным, если говорить о спектакле. Отсюда, очень интересное положение зрителя, которое отводит ему Гадамер: именно зритель в полной мере способен уловить медиальный способ бытия игры, ибо только перед ним она являет свое единство, это для него актеры играют, как бы откладывая собственную субъективность, обеспечивая целостность зрелища [1, с. 156]. Таким образом, сознание зрителя становится точкой наивысшего воплощения игры и ее медиального характера.

Справедливо будет отметить, что описанное выше игровое бытие присуще не только театру, но и другим видам искусства. Если обратиться к французскому постмодернисту Ролану Барту и его работе «Смерть автора» [3], то можно увидеть схожие рассуждения. Зритель Гадамера вполне может сойти за бартовского читателя, сознание которого является точкой сборки текста [3, с. 390]. Иными словами, читатель является создателем текста, в том смысле, что текст обретает свое бытие благодаря читателю. Через чтение происходит актуализация литературного произведения: смыслы, присутствующие в очерченном автором семиотическом пространстве, высвобождаются и становятся доступными для понимания. На наш взгляд это есть не что иное, как механизм бытия художественного произведения как игры, описанного выше. Однако смыслы, предстающие перед читателем, не являются чем-то перманентным. Любой текст в постмодернизме это интертекст. Другими словами любой текст состоит из скрытых цитат, ссылок на иные произведения и т.д. и т.п. [3, с. 390]. Этим мы хотим сказать, что смыслы, вплетенные в структуру художественного произведения, постоянно трансформируются. У текста нет

тайны, т.е. конечного смысла [3, с. 390], пишет Барт. Таким образом, текст являет нам свою игровую природу, представляя из себя бесконечное свободное движение смыслов, их постоянное порождение и «улетучивание». Здесь явно видно как игра реализуется в качестве свободного от целеполагания движения независимого от субъекта.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что игра как медиальный феномен в постмодернизме принимает новый размах. Художественное произведение не просто предстает перед зрителем/читателем в своей целостности как «превосходящая» игровая реальность, но и, существуя посредством текста, который содержит скрытые ссылки, обращается к иному опыту, вовлекая субъекта в новую игру, разворачивающуюся за счет свободной трансформации смыслов. Текст, вписанный в более обширную структуру, позволяет игре выйти за пределы единого художественного произведения, являясь как бы отправной площадкой для игры, имеющей неограниченный потенциал, поскольку она завязана на языке, у которого нет исходной точки [3, с. 388].

Литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1989. С. 147-156
2. Катаев С. Праздник методологии: постмодернистские игры в новые смыслы [Электронный ресурс]: Энциклопедия интересных статей портала «Excelion.ru» - Информационный портал – 2006-2007. URL: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/65621102.html> (дата обращения 22.04.13)
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1994 - С. 384-391

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ЭТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФИИ Ф. ДОСТОЕВСКОГО

И. В. Жигло

Новосибирский государственный университет

giglo_inna@mail.ru

Христиански ориентированными этические взгляды Ф. Достоевского становятся под влиянием двух факторов – воспитание в патриархально-патриотических традициях и глубокое влияние Библии, детально проштудированной писателем за время пребывания в Омском остроге.

Проблема свободы характерна для христианского мировоззрения. В чем суть свободы и нужна ли она вообще человеку? – сквозные вопросы в творчестве Ф. Достоевского.

Многих исследователей, говоря о теме свободы в творчестве писателя, ограничиваются, ставшей хрестоматийной, ссылкой на образ Великого Инквизитора в романе «Братья Карамазовы». При этом подчеркивают, что для Ф. Достоевского это воплощенный символ католического мировоззрения и мироощущения, отрицающего возможность существования свободы для человека. Однако, на наш взгляд, такой пример демонстрирует одностороннее понимание Ф. Достоевского. Действительно, позиция католической традиции в этом вопросе писатель категорически не принимал. Но попытка решить проблему свободы не ограничивалась спором со Св. Августином. Скорее, как нам кажется, главное принципиальное несогласие с Отцом Католической Церкви - неверие в человека, в его способность вернуться в состояние до грехопадения, несогласие с определением сущности человека как рабской, находящейся в полной зависимости от Бога, - начальный этап в решении проблемы.

Итак, Ф. Достоевский обнаружил в религиозно-философском мировоззрении Св. Августина логическую несовместимость: Человек создан по образу и подобию Бога, и по природе своей, человек замышлялся Создателем как существо свободное, он, по определению, не может быть не свободным и полностью зависеть от воли Бога. Все гораздо сложнее, ибо «Свобода для него есть антроподицея и теодицея» (см. [1]).

Ф. Достоевский впервые проблему свободы актуализирует не в романе «Братья Карамазовы», как многие считают, а гораздо раньше, в романе «Преступление и наказание». Тема красной нитью проходит через «пятикнижье», и, в результате, выстраивается следующий вариант решения проблемы. Для Ф. Достоевского, «...существует две свободы: первая – изначальная свобода; вторая – конечная свобода» (см. [1]). Первая свобода - со свободой выбора между Злом и Добром, для того, чтобы потом прийти к «истинной» (второй) свободе – во Христе. Т. Касаткина определяет такой двойной выбор, как исторически сложившийся – ветхозаветный пример отношений Адама с Богом (первая свобода), переходящий в новозаветный вариант отношений Христа - человека с Богом (вторая свобода) (см. [2]).

Итак, свобода нужна человеку - это суть его существования. Важно как человек распорядится своим правом на свободу. Начальный этап един для всех – выбор между Злом и Добром. Опасность таится в следующем – придет ли человек ко второму этапу, а в конечном итоге - к Христу.

Литература

1. Бердяев Н.А. Мировоззрение Достоевского. – М.: Книга по Требованию, 2011.
2. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. М.: «Наследие», 1996.

«БЫТИЕ-К-СМЕРТИ» М. ХАЙДЕГГЕРА В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКОВ «ЧАСТЬ РЕЧИ» И «КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ»)

С. И. Постникова

Сибирский федеральный университет

fir_cone@mail.ru

Цель настоящей работы – наметить точки сближения в осмыслении смерти у И. Бродского и М. Хайдеггера. Материалом послужили сборники стихов «Часть речи» и «Конец прекрасной эпохи», трактат «Бытие и время» и цикл лекций «Прологомены к истории понятия времени».

Смерть в лирике И. Бродского – физиологический акт, не равный Небытию. Антиномии Жизнь – Смерть, Бытие – Небытие перестают существовать [1; 2], но эти мнимые оппозиции не отождествляются. Более того, Небытие и Бытие взаимосвязаны, граница между ними неабсолютна, они открыты человеку, и только присутствие (Dasein, бытие-здесь) способно решиться на осознание Бытия и Небытия в себе.

По мнению философа, обывателям свойственно «несобственное бытие к смерти» [3, с. 259], т.е. уклонение бытия-вот от себя самого, склонность заглушать в себе сознание своей конечности [4, с. 299]. Люди убеждают себя в том, что смерть – всего лишь «происшествие» [3, с. 240]. Это мнимое уклонение от мыслей о кончине имеет «характер отчуждения, поскольку вот бытие озабочено тем, чтобы не думать о смерти» [4, с. 333].

Присутствие человека изначально определено как бытие-к-смерти, и последняя требует экзистенциального понимания [3, с. 254]. Смерть оказывается феноменом жизни, ибо постоянно предстоит бытию-здесь, «конструирует целостность бытия» [4, с. 329]. Человек должен «"объективно" характеризовать собственное бытие к смерти» [3, с. 260], принимать ее как бытийную возможность присутствия. «У смерти всегда есть свидетель / – он же и жертва», – вторит лирический герой одного из стихотворений поэта.

Тексты И. Бродского обнаруживают разный опыт восприятия смерти. В стихотворении «Песня невинности, она же – опыта» встречается типичное обывательское дистанцирование. В первой части граждане Страны Советов живут будущим, научены не думать о смерти: «Мы не будем думать о смерти чаще, / чем ворона в виду огородных пугал». Сила самовнушения так велика, что обывателям удастся убедить себя: смерть не несет угрозы, любую болезнь можно «победить йодом». Во второй части идиллия рушится: слышен крик людей, оставшихся без иллюзии: «Мы боимся смерти, посмертной казни». Первый шаг на пути к познанию собственного бытия-к-смерти сделан: истинное отношение к смерти – глубинный, животный страх.

«Никто не может перенять у Другого его смерть» [4, с. 327], но присутствие, по мысли Хайдеггера, имеет опыт смерти, и это возможность преодолеть

обывательское и выйти в пространство чистой объективности по отношению к своему существованию и его концу [3, с. 237]. Экзистенциальное осмысление смерти в лирике И. Бродского представлено в трех вариантах.

Во-первых, это ситуация чужой смерти, когда герой видит мертвое тело, испытывает ужас, растерянность, нежелание поверить в случившееся. Для лирического героя стихотворения «Памяти Т.Б.» смерть другого «я» – «загадка», «тайна». Герой акцентирует внимание на том, что душа и тело не есть одно: «<...> пока оболочка твоя, – вернее, / прощанье с ней для меня большее, чем расставанье с твоей душою». Он не верит в то, что с кончиной уходит все, что было в человеке: «Оттого и плачу, / что неглубоко надежду прячу, / будто слышишь меня и видишь». Лирическая героиня, уйдя из жизни, забрала с собой частичку героя, тем самым приобщив его к пространству Небытия, стала проводником. Подобный опыт прикосновения к Небытию через чужую смерть осмысливается и в стихотворениях «Одному тирану», «Письмо генералу Z», «Бабочка». По мнению И. И. Плехановой, в последнем слышится диалог лирического героя с Небытием, и мертвая бабочка – посредник в этой беседе [2]. Она оказывается «лучше, чем Ничто», «ближе и зримей». Ничто же – воплощенное отсутствие. Но внутренняя идентичность их подтверждена: «<...> на все сто / ты родственна ему». Смерть является границей между жизнью и пустотой, но этот «рубеж вполне проницаем для мысли и воображения» [2, с. 229].

Третий опыт – ощущение собственной «грядущей трупности» («Письма римскому другу», «Разговор с небожителем»). Это чувство также позволяет прозреть Небытие в себе. Так, героя стихотворения «Натюрморт» раздражают и вещи, и люди: первые изначально мертвы и служат постоянным напоминанием о смерти. Вторые живы той жизнью, которую герой вскоре покинет. «Лучше жить в темноте»: ты можешь быть собой, ни от кого не таясь и не видя очевидных знаков грядущего разложения. «Я неподвижен. Два бедра / холодны, как лед», – еще одно подтверждение распада. Герой не может двинуться, ибо околеваает, костенеет, синеет: «Венозная синева / Мрамором отдаёт». Герой физически приобщается к смерти, умирает, хотя сознание его хладнокровно фиксирует происходящее. Это состояние названо им «небытие на свету», ибо испытание смертью открывает ему тайну мироздания. Преодолевается «чувство ужаса», поскольку уже не обыватель оказывается на пороге смерти, но человек, феноменологически осмысливающий ее.

Герой И. Бродского следует требованиям М. Хайдеггера, экзистенциально осмысливая смерть, ибо живет потребностью в постижении трансцендентного. На наш взгляд, поэзия И. Бродского представляет собой реализацию обобщенной философии М. Хайдеггера в действительности, хоть и поэтической. И поэт, и философ последовательно доказывают: человек, обладающий способностью встать лицом к лицу со страшными загадками жизни, открыть их для себя и открыться им, способен найти ответы.

Литература

1. Карпичева Н. Л. Витальное и мортальное в концептосфере поэзии И.А. Бродского. Концепт «Смерть». Симптомы «Болезни-к-смерти» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 71. С. 51 – 55.
2. Плеханова И. И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Поэт времени. 2-е изд., перераб. и. доп. – Томск: ИД СК-С, 2012.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. 3-е изд., испр. – СПб: Наука, 2006.
4. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: Издательство «Водолей», 1998.

Социально-философские исследования

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

Е. И. Заседателева

Новосибирский государственный медицинский университет
e.zasedatel@mail.ru

Несмотря на то, что российский утопический социализм как модель общественного развития концептуально оформился лишь к 40-м гг. XIX в., его истоки можно найти в более далеком прошлом. Однако, и в настоящее время тема утопического социализма весьма актуальна. Российское общество постоянно изменяется, находится в поисках своего пути развития, а политический строй современной Швеции, Китая, некоторых стран Латинской Америки представляет собой видоизмененный социализм.

Корни революционных и утопических социалистических идей уходят в так называемый «кризис крепостничества». Конфликт между развивавшимися производительными силами и устаревшими производственными отношениями наиболее тяжело сказывался на положении крестьян. Усиление крепостного права в условиях активизации хозяйственной деятельности трудящихся в связи с развитием товарно-денежных и капиталистических отношений вызывало нарастание классовой борьбы.

В Сибири протесты крестьян выражались в выступлениях государственных и приписных крестьян, мастеровых на казенных и кабинетских заводах и

рудниках против эксплуатации и произвола со стороны чиновников, горнозаводских управителей, купечества. На золотых приисках Сибири начинались первые волнения наемных рабочих. Значительное место в социальных движениях занимали выступления коренных народов Сибири.

В конце 80—начале 90-х годов XVIII в. рабочие Нерчинских заводов и рудников жаловались на недостаток выдаваемых им продуктов питания. Заводская администрация была вынуждена пойти на некоторые уступки, так как опасалась за свое спокойствие. Но в некоторых случаях ненависть рабочих выливалась в расправы с наиболее ненавистными лицами из заводской администрации. Например, в 1828 г. произошло выступление рабочих Петровского железодельного завода [1].

Бедственное положение трудящихся, и прежде всего крестьянства, будило освободительную мысль передовых кругов общества. Активизация экономических, политических и культурных отношений с наиболее развитыми странами способствовала усвоению первыми социалистами России опыта исторического развития зарубежных народов и достижений прогрессивной мысли Запада.

В России социалистическая мысль появляется как результат критического осмысления итогов Французской революции и идей К. Сен-Симона, Ш.Фурье, Р.Оуэна. Одним из первых трудов этого направления считается «Русская правда» П.И. Пестеля, программный документ Южного общества декабристов. С начала 1830-х годов начинается новый этап русского просвещения. Первоначальные представления у основоположников «русского социализма» о грядущем социальном переустройстве были весьма неопределенны и религиозно окрашены. Но уже в начале 1840-х годов социалистические воззрения оформляются концептуально и из писем и дневников переходят в философскую публицистику, становясь фактом общественного сознания.

Н.Г. Чернышевский в конце 50-х гг. XIX в. разработал теорию «крестьянского или общинного социализма». Свой идеал собственности он связывал с государственной собственностью и общинным владением земель, которые, по его мнению, были гораздо лучше частной собственности. Им соответствовало освобождение личности, заключавшегося в соединении работника и хозяина в одном лице. В 60-70-е годы XIX века внутри русского социализма и революционного движения возникли различные течения, господствующим направлением среди которых стало «действенное народничество», идеологами которого были М.А.Бакунин, П.Л.Лавров, П.Н.Ткачев. Концепции Герцена и Чернышевского сменились теориями, в которых общетеоретические основы конкретизировались в программы социального действия, ориентирующие на массовый «выход в народ» [2].

В это время в социалистическом движении все острее проявляются разногласия, возникающие по вопросам тактики и формы действий.

В 1876 г. уцелевшие участники «хождения в народ» образовали новую тайную организацию, с 1878 г. принявшую название «Земля и воля». Её про-

грамма предусматривала осуществление социалистической революции путём свержения самодержавия, передачу всей земли крестьянам и введение «мирского самоуправления» в деревне и городах. Возглавляли организацию Г.В. Плеханов, А.Д. Михайлов, В.Н. Фингер и другие. В это время было осуществлено второе «хождение в народ» с целью длительной агитации среди крестьян, проведена агитация рабочих и солдат, проведены стачки. В 1876 г. при участии «Земли и воли» в Петербурге на площади перед Казанским собором была проведена первая в России политическая демонстрация, которая была разогнана полицией, а участники были арестованы и приговорены к каторге или ссылке. Споры по тактическим и программным вопросам привели к расколу «Земли и воли» на «Черный передел» под руководством Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и др. и «Народную волю» под руководством А.И. Желябова, С.Л. Перовской, В.Н. Фигнер и др.

Члены «Черного передела» сохранили верность основным программным принципам «Земли и воли» и вели агитационно-пропагандистскую деятельность. Они придавали большое положительное значение крестьянской общине и видели в ней исходную точку социалистического развития. По мнению чернопеределъцев, благодаря общине индивидуальное владение сменится коллективным. Конституция обеспечила бы только торжество буржуазии, к террору чернопеределъцы относились крайне отрицательно и осуждали его.

Участники «Народной воли» считали своей главной задачей борьбу с государством, подготовку политического переворота и свержение самодержавия. В противоположность «Земле и воле» они выделяли политическую борьбу как средство завоевания социалистического строя. Был осуществлен ряд покушений на Александра II, последнее из которых 1 марта 1881 г. было успешным и привело к смерти царя. Меньше, чем через две недели участники и организаторы покушения были арестованы и 3 апреля 1881 г. казнены.

Духовное завещание Герцена как бы закрывало последнюю страницу крестьянского социализма и ставило точку в эволюции русской утопической мысли. Но она не ушла в небытие, хотя у нее появился сильный и более жизнестойкий соперник в лице марксизма, его теории социализма, постепенно завоевывавший позиции в общественной мысли. Идеи и методы народников, после их разгрома во второй половине 80-х начале 90-х гг. XIX в., были восстановлены в 1902 г. партией социалистов-революционеров, идеологией которой было народничество.

Литература

1. Максимов С.В. Сибирь и каторга, ч. III. / С.В. Максимов. - СПб., 1871.
2. Мирошниченко П.Я. Возникновение утопического социализма в России / П.Я. Мирошниченко. - ДГУ: Издательское объединение «Вища школа», 1976

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕПЦИЯХ К. МАРКСА, Дж. КЕЙНСА, Т. ВЕБЛЕНА

А. В. Самарцева

Новосибирский государственный университет

a.v.samartseva@gmail.com

Глобальная экономика на современном этапе переживает глубокий кризис, который отражается как на развитых, так и развивающихся странах, в том числе, остро он сказывается и на России. Это проявляется и в падении уровня жизни [1], увеличении внутренних цен на услуги государственных монополий и т.п. Надо признать, что все эти проблемы связаны с меняющейся ролью государственного регулирования, реформированием различных государственных систем, инвестиционной привлекательностью экономики страны и гражданской активностью населения. На мой взгляд, сложившаяся ситуация обусловлена не только сугубо экономическими, политическими, но и, во многом, методологическими причинами в виду изменения общепринятого субъекта, принимающего решения о потреблении.

В различных концепциях, затрагивающих экономические отношения, активный субъект наделяется различными качествами и рассматривается в различных условиях. Так, например, в рамках марксистской теории рассматривался некий коллективный субъект, что обусловлено стремлением Маркса обобщить некоторый накопленный опыт в области не только экономики, но и политики, философии, социологии. Важными также представляются идеологические воззрения автора, что повлияло на его отказ от индивидуальной субъектности, т.е. личности. Обратим внимание и на то, что поскольку внимание Маркса было обращено на борьбу буржуазии и пролетариата, то субъектная тематика стала носить негативный характер и свелась к отрицанию субъектности буржуазного общества и его ценностей [2]. Традиция отказа от индивидуализированного субъекта сохранилась и в других современных экономических концепциях.

Так, например, в классическом варианте институциональной теории можно обратить внимание на отказ от изучения «личных интересов» субъектов экономических отношений. Важным для этой теории становятся общественные мотивы в поведении людей, критикуются концепции автоматического регулирования экономики и обращается внимание на необходимость государственного регулирования. В своей книге «Теория праздного класса» (1899) Веблен раскрывает связь расточительного и демонстративного потребления с интересами бизнеса, с мотивами максимизации прибыли. Коллективные же интересы, писал Веблен, непосредственно совпадают с интересами беспрепятственного повышения производительности труда, его эффективности [3]. При этом носителями общественных интересов выступают инженеры, специалисты, квалифицированные рабочие, занятые в промышлен-

ности: однородный класс, социальное сознание которого проявляется в нетерпимом отношении к расточительству, ограниченному и уродливому использованию возможностей современной техники. Веблен утверждает, что будущее не связано с чаяниями бизнеса, а целиком принадлежит специалистам, инженерам и индустрии.

С Веблена начинается институционалистская традиция тяготения к социологическим методам анализа, к объяснению поведения человека в соответствии с правилами. Этот ученый считал, что задача экономистов – изучение норм, обычаев, привычек, а также их эволюции с тем, чтобы объяснять решения, которые принимают экономические агенты в разное время и в разных обстоятельствах [3]. Но именно в этом пункте обнаруживается и некоторая слабость институционализма: исследователи, придерживавшиеся этого направления, так и не смогли объяснить поведение человека, нарушающего правила. А это обстоятельство – важный аспект экономической действительности, особенно в наше время в России.

Другую точку зрения на субъект можно встретить у Дж. Кейнса. В методологии этого исследования затрагивается индивидуализированный субъект, отдается должное влиянию на экономический рост неэкономических факторов: государства (стимулирующего потребительский спрос на средства производства и новые инвестиции) и психологии людей (предопределяющей степень осознанных взаимоотношений хозяйствующих субъектов) [4]. В рамках поставленной задачи целесообразно, на наш взгляд, выделить идею Кейнса о том, что в условиях кризиса следует учитывать интересы не конкретных субъектов общества, а как можно большего количества его слоев. Отсюда следует кейнсианское предпочтение макроэкономическому анализу.

Выбранные нами примеры экономической теории иллюстрируют наше предположение о том, что субъект экономических отношений является важнейшей предпосылкой для любой экономической теории, формируя дальнейшее направление исследования. Понятно, что любая концепция создается исследователем, находящимся во власти независимых от него факторов, таких как, например, социально-экономическое или политическое состояние в стране. С нашей точки зрения, это можно считать в большей степени положительным, нежели отрицательным, моментом развития теорий, поскольку в таком случае концепция отражает текущее состояние и обобщает некоторый накопленный опыт автора, который так или иначе остается субъективным.

Перспективным, на наш взгляд, видится некоторый синтез представлений о субъекте, поскольку современные реалии требуют активных действий по созданию новой экономической концепции, позволяющей эффективнее осуществлять не только государственное, экономическое и политическое регулирование, но и совершенствовать имеющуюся систему, сводя к минимуму возможные негативные последствия. Таким образом, утверждается необходимость качественно нового подхода к субъекту в рамках перехода стран от концепции социального государства к государству эффективному.

Литература

1. Росстат. Динамика основных макроэкономических показателей в 2007–2012 гг., в % к предыдущему году. – [Электронный ресурс.] – URL: <http://www.iep.ru/files/text/trends/2012/04.pdf>, http://www.gks.ru/free_doc/doc_2013/rus13.pdf
2. Фурсов А. И. «Биг Чарли», или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория. Часть 3. Теория. – [Электронный ресурс.] – URL: <http://www.razumei.ru/lib/article/1733>
3. Гусейнов Р. М. История экономических учений. – М.: ИНФРА-М, 2000.
4. Современные направления и школы экономической теории. – [Электронный ресурс.] – URL: <http://www.be5.biz/ekonomika/e010/07.htm>

ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ П. БЕРГЕРА И Т. ЛУКМАНА В СВЕТЕ КРИТИКИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

С. Е. Ильин

Новосибирский государственный технический университет
escariador@yandex.ru

К сегодняшнему дню учеными и философами выработано значительное количество подходов к рассмотрению такого аспекта социальной реальности, как социализация. Важное место среди прочих способов теоретического осмысления природы социализации занимает социальный конструктивизм, в рамках которого уже П. Бергер и Т. Лукман уделяли указанной теме непосредственное внимание [1]. Предложенная этими авторами интерпретация сущности социализации и сегодня остается востребованной в научной среде, однако, в то же самое время, многие положения социального конструктивизма в целом были на протяжении его существования неоднократно подвергнуты критике со стороны других теоретических подходов. По этой причине представляет интерес анализ концептуальных проблем, которые, возможно, присутствуют в теории социализации Бергера и Лукмана как сторонников социального конструктивизма.

Основной тезис критиков данного методологического направления, переходящий из работы в работу, состоит в том, что конструктивисты с самого начала сконцентрировали внимание на проблеме «произвольного» создания людьми особой, социальной, реальности, оставив в результате неосвещенными в достаточной степени вопросы, затрагивающие проблему онтологического статуса прочих сторон реальности как таковой, т. е. реальности, в которой «конструируется» реальность социальная. В частности, некоторые из авто-

ров, указывающих на необходимость реформации социального конструктивизма, подчеркивают, что современный его вариант не учитывает (в достаточной степени) таких значимых аспектов реальности, как телесность людей; «объективная», несводимая к специфике (лингвистических и пр.) репрезентаций в процессе коммуникации, материальность предметов физического мира и т. д. [2].

Кроме того, поскольку приведенный выше тезис социальных конструктивистов понимался многими из них как говорящий о «необязательности», «недетерминированности», в определенном смысле – «случайности» результата конструирования социальной реальности, достаточно быстро произошло сближение некоторых сторонников этого подхода с постмодернизмом. Конкретнее, часть из них приняла близкие к постмодернизму положения о необходимости избегать наделения тех или иных вариантов картины мира (например, научной) особым онтологическим статусом, отличающим ее от прочих подобных вариантов. Этот эпистемологический ход конструктивистов неизбежно корректирует направленность их работы и очерчивает поле возможных результатов исследования. В контексте же значимой сегодня для науки дискуссии вокруг выбора между релятивизмом и реализмом во взгляде на мир, данный тезис позволяет охарактеризовать точку зрения конструктивистов как релятивистскую, ожидаемо актуализируя критику конструктивизма сторонниками реализма [3].

Анализ теории социализации П. Бергера и Т. Лукмана в контексте приведенных замечаний со стороны противников социального конструктивизма в его нынешнем варианте дает основания для следующих выводов.

Во-первых, рассматриваемая теория не игнорирует проблему несводимости реальности в целом к той ее части, которая конструируется в процессе социального взаимодействия. Например, Бергер и Лукман подчеркивают, говоря о ресоциализации, что она может характеризоваться альтернативой, т. е. кардинальной сменой системы субъективных критериев оценки индивидом социальной ситуации, – происходящей, однако, – и это оговорено особо, – «на фоне» по-прежнему тождественных себе вселенной и биологического организма человека, переживающего альтернативу. Тем не менее, судя по всему, вопрос о способе взаимодействия социального и прочих компонентов реальности не получает в данном случае последовательного ответа. Неоднократно встречающееся в тексте Бергера и Лукмана определение «повседневной» социальной реальности как intersubjectивной, а потому (и именно в таком значении) «объективной», не позволяет до конца понять, как именно осуществляется на онтологическом уровне взаимодействие социальной (под-)реальности с прочими сторонами реальности.

Во-вторых, нельзя не отметить, что рассматриваемая теория социализации с самого начала не претендовала на «всеохватность». В определенном смысле, поэтому, она апеллирует как к прочим научно-философским построениям, способным ее дополнить, так и к описанному выше тезису постмодернистов, допускающих альтернативные точки зрения на интересующий авторов пред-

мет исследования, поскольку те, возможно, открывают путь дальнейшего улучшения предложенной Бергером и Лукманом концепции. Тем не менее, из их работы следует, что, в отличие от «радикального» постмодернизма, целью Бергера и Лукмана было приращение научного знания, т. е. внесение непосредственного вклада в уточнение соответствующих аспектов научной картины мира.

Итак, можно заключить, что тенденции, за которые часто критикуется социальный конструктивизм, обнаруживаются и в теории социализации П. Бергера и Т. Лукмана, однако здесь они имеют рациональное обоснование и не нивелируют значения рассматриваемой теории для продвижения в понимании сущности социализации.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. – С. 210 и далее.
2. Cromby J., Nightingale D. What's wrong with social constructionism? // Social constructionist psychology: a critical analysis of theory and practice / ed. by D. Nightingale and J. Cromby. – Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 1999. – 236 pp. – P. 1-13.
3. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с. – С. 94.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ: Р. КОЛЛИНГВУД И П. РИКЕР

А. Б. Аникина

Институт философии и права СО РАН
lieda27@gmail.com

О роли воображения в науке вообще и в истории в частности написано уже много и отрицать его необходимость для познания реального мира, настоящего и прошлого, было бы сложно. Но со времени обнаружения Хайдеггером Уайтом воображения даже в глубинной структуре исторического повествования, выстроенного, по его мнению, на основе фигур речи, постоянно возникает вопрос о том, имеет ли история вообще какую-либо связь с реальностью. Последние пятьдесят лет эта проблема активно обсуждается теоретиками истории.

Представляется, однако, что драматизм этого спора излишне обострен упрощенным пониманием феномена воображения вообще: как будто воображаемое автоматически обозначает вымышленное. Однако уже со времен Платона и Аристотеля воображение понималось как особая познавательная способность: как посредник между чувственным ощущением и рациональ-

ным дискурсивным мышлением. В последующем Плотин считал, что воображение с одной стороны, собирает данные чувственного восприятия воедино, а с другой – отражает акты умственной деятельности, представленные в дискурсивном мышлении.

В Новое время Кант существенно развил представления о воображении. Согласно Канту, воображение как способность созерцать предмет даже при отсутствии самого предмета делится на продуктивное и репродуктивное. Репродуктивное воображение позволяет мысленно воспроизвести, что уже было увиденно, и подчинено эмпирическим законам ассоциации. На этой способности человека основана в частности возможность индивидуальных воспоминаний и свидетельских показаний. Продуктивное воображение – чистое воображение, – как полагал Кант, есть «основная способность человеческой души, лежащая в основании всех априорных знаний» [Кант 145]. Продуктивное воображение доставляет рассудку схемы, которые лежат в основе чистых чувственных понятий, благодаря которым (схемам) становится возможным представить образы.

Таким образом, практически с самого начала своего появления в поле зрения философии, понятие воображения воспринималась как основа познавательных способностей человека. В современной философии, однако, существует большой разброс мнений относительно роли воображения в познании. Но мы будем опираться на философскую традицию, хотя бы потому, что история имеет дело с явлениями, уже недоступными созерцанию, и именно постулирование возможности воображения явить отсутствующую вещь делает труд историка не совсем безнадежным. Об этом писал Коллингвуд: «Воображение ... способность, без которой, как показал Кант, мы никогда не смогли бы воспринимать мир вокруг нас, необходимо в том же самом смысле и для истории. Именно оно, действуя не произвольно, как фантазия, а в своей априорной форме, осуществляет всю конструктивную работу в историческом познании» [Коллингвуд 230].

Коллингвуд предлагает критерии, руководствуясь которыми историк сможет оставаться в рамках «априорного воображения», не проваливаясь в область произвольной фантазии: 1) локализация во времени и пространстве создаваемой историком картины прошлых событий; 2) она должна быть непротиворечивой; 3) эта картина должна соотноситься со свидетельствами. Не обсуждая операциональность этих критериев, отметим лишь, что они касаются организации повествования внутри исторического дискурса. Если же пытаться разрешить актуальный сегодня вопрос о референциальной связи исторического дискурса и событий, о которых он повествует, данные критерии помочь нам не смогут. Данный вопрос Коллингвуд разрешал в кантианском духе: априорное воображение и есть то, что позволяет историку отсеивать истинное от неистинного, так как оно создает исторические конструкции и «несет с собой средства исторической критики» [Коллингвуд 233].

Поль Рикер, утверждая необходимость воображения в процедурах исторического объяснения и понимания, считал, что проблема различения исто-

рического повествования и вымышленного (литературного) излишне обострена вследствие теоретической ошибки. Эта ошибка закралась в результате всеобщего распространения сосюрговской модели знака как единства означающего и означаемого, с уровня отдельных знаков и слов на уровень фраз и целых текстов. Означаемое и референт сливаются в роли смысла, придаваемого знаку [см. Рикер 350-352]. Модель, пригодная в семиотике для анализа взаимоотношений между знаком и смыслом и исключая референт, сомнительна уже в применении к рассказу-вымыслу, в случае же исторического повествования она просто губительна (О референциальном измерении начиная с уровня фразы, как первой единицы дискурса Рикер пишет в работе «Живая метафора»). Именно референциальный импульс составляет суть исторического повествования как репрезентации прошлого, поскольку основное свойство исторического повествования сообщить что-то **о чем-то** [Рикер 247].

Подробно исследуя вопрос о связи исторического дискурса с его референциальным объектом – человеческой реальностью в ее временном измерении, Рикер выдвигает тезис, что специфика референциальности, присущей историческому повествованию состоит в том, что она «проходит через документальное доказательство, причинно-целевое объяснение и литературное оформление» [Рикер 352]. Следует отметить, что Рикер считает эти три составляющие не этапами исследования, а исследовательскими операциями, которые всегда неразрывно переплетены в работе историка (подробнее см Аникина 2012). Специфически историческое воображение в этой схеме присутствует в операциях причинно-целевого объяснения и литературного оформления. Первая представляет собой построение моделей возможных причинных взаимосвязей. Такое моделирование, вслед за Коллингвудом, Рикер называет «детисем научного воображаемого». Чтобы избыток воображения не увлек исследование в область вымысла, как раз необходимо сохранять направленность на определенные референтные объекты. Для Рикера предельным референтом исторического дискурса является «социальное действие в его способности создавать социальную связь и идентичности» [Рикер 536].

Историческое воображение необходимо и при осуществлении третьей историографической операции – литературного оформления, которое неразрывно связано с построением интриги и использованием тех литературных приемов, которые придают исчезнувшему прошлому «зримость» в глазах читателя. Конечно, именно эта литературность и усилила обвинения против истории. И разбирая аргументы, утверждающие оторванность исторического повествования от реальности, Рикер только еще раз напоминает о том, что в случае истории нарратив организован на основе объясняющих моделей и соединяется с документальными свидетельствами. Подобное соединение возможно только при помощи исторического воображения. Иными словами, «увидеть» прошлое мы можем только в силу воображения как той способности, которая «показывает, дает увидеть и заставляет увидеть» [Рикер 85].

Литература

Кант И. Критика чистого разума. М., «Наука», 1999.

Коллингвуд Р. Идея истории. М., «Наука» 1980.

Рикер П. «Память, история, забвение», М., «Издательство гуманитарной литературы», 2004.

Аникина А. История как репрезентация прошлого (П. Рикер «Память, история, забвение») // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы X научной конференции молодых ученых Сибири. Новосибирск, 2012, с 123-125.

ВРЕМЕННАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ, ЭНТРОПИЯ И ГЕНЕТИЧЕСКИЙ «ПОВОДОК»(GENETIC LEASH)

Д. Ю. Шабанов

Институт философии и права СО РАН

shabanovnsk@gmail.com

Считается, что первым заговорил об истории большой длительности (*longue duree*) Ф. Бродель. Он полагал что длинная история – это развертывание исторических паттернов на протяжении очень больших периодов времени. Наибольшее влияние идеи Ф. Броделя оказали на социолога И. Валлерстайна, который расширил не только временную, но и пространственную перспективу изучения истории, создав миросистемный анализ (*world-systems analysis*). Однако впоследствии предложенная им 500 летняя система, долгий XVI век была существенно расширена Д. Шнайдером. Он утверждал, что перспектива Валлерстайна не обладает достаточной длительностью, указав на существование докапиталистических мировых систем (*world systems*). Затем Временная перспектива была удлинена до 5000 лет такими учеными как Ч. Данн, Т. Холл, А. Франк, Б. Гиллс (и, хотя их концепции были принципиально различны в трактовке мировых систем, в данном контексте нас скорее интересует временная перспектива и критерии ее выделения, которые были схожи – эволюция цивилизации и государства). С. Сандерс предложил Неолитическую революцию в качестве «точки отсчета» длиной истории. Но и это не было пределом: Г. Снукс считает что большая история (*big history*) началась вместе с возникновением органической жизни (около 3.8 миллиарда лет назад), а Ф. Спир был первым, кто предположил, что большой историей можно всю историю вселенной начиная от большого взрыва и до наших дней (около 20 миллиардов лет). Мы не будем рассматривать эту точку зрения, поскольку, несмотря на то, что такой подход к истории, вне всякого сомнения, может стать основой универсального знания, ещё слишком мало сделано

в этой направленности сегодня, и современный уровень развития естественных наук не позволяет обнаружить какие-либо устойчивые и универсальные паттерны развития вселенной.

Все рассмотренные точки зрения по своей природе являются эволюционистскими и при определении нижнего рубежа хронологической перспективы используют принцип «революций», принципиальных изменений: начиная от перехода феодализм-капитализм И. Валлерстайна, заканчивая прокарпийской революцией Г. Снукса. И, если сам принцип доказал свою пригодность для определения контекста, то основания для выделения этих революций остаются дискуссионными.

Тезис работы заключается в том, что используя закон энтропии, как универсальный для известной нам вселенной, как показал Э. Шредингер, возможно освободиться от проблемы генетического поводка (genetic leash) (генетическая детерминанта в социальной жизни) в социологических исследованиях, тем самым уменьшая объект исследования до собственно истории человеческого общества.

В свете трактовки энтропии, как универсального закона для вселенной, жизнь определяется как материя, сопротивляющаяся энтропии, или питающаяся отрицательной энтропией. Исходя из этого, основным признаком жизни является ее сопротивление энтропии. Важно отметить, что, как замечает Г. Снукс ни один физический закон (в том числе энтропии) не объясняет общественные изменения. И, в этом смысле энтропия полезна нам не более чем закон всемирного тяготения, однако, в данном случае речь идет об определении живого, о том, чтобы задать работающий контекст и хронологическую перспективу на основе дробления первоначального объекта: 20 миллиардов лет, вся вселенная – 3,8 миллиарда лет, планета Земля. Если продолжить рассуждения, то человеческое общество, несмотря на очевидную принадлежность к «живому» (сопротивление энтропии), существенно отличается по способу хранения и передачи информации от известной нам биологической жизни, проявляя свойства жизни исключительно в контексте биологического человека.

Такая трактовка человеческого общества позволяет считать генетическую детерминанту не более важной, чем химико-физическую определенность для генетической жизни. В более широком смысле, как значение используемого алфавита для смыслового содержания текста. Таким образом, генетика отдельно взятого индивида остается принципиально не важной для паттернов Большой истории.

Исходя из логики рассуждений, для этой предложенной модели Большой истории, крайне важным является появление новой формы жизни (человеческого общества), имеющей принципиально отличные от биологической средства хранения и передачи информации и связанный с этим способ существования. Нижний порог хронологической перспективы исследования, таким образом, остается на рубеже возникновения общества и языка, как способа передачи и хранения информации (от 2,3 миллиона до 100000 лет назад).

Определение временно пространственной перспективы как появление языка – территория расселения человека важна, прежде всего, потому, что она позволит выявить и использовать более точные, собственно макросоциологические паттерны развития, и соответственно строить более точные модели развития человеческих обществ. Также она позволяет исключить из рассмотрения не вполне освоенный современной наукой «вселенский» контекст и масштаб, для построения таких моделей и основанных на них предсказаний.

Изложенное выше не умаляет значения общебиологических паттернов развития для изучения Большой истории, однако принципиально важным является для нас разграничение жизни биологической и небиологической исходя из важности понимания огромного количества уникальных особенностей существования небиологической жизни (наиболее ярким является отсутствие смерти).

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ: ДИСЦИПЛИНАРНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ СПЕЦИФИКА

О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН

olga_alekseevna@mail.ru

Вопрос изучения культур разных стран и народов был важным во все времена, но особенно актуальным он стал в условиях современной глобализации. Она оказывает унифицирующее воздействие на многие явления и процессы в развитии социокультурных сообществ. Одновременно под ее влиянием усиливается внутрикультурная идентификация, выражающаяся в стремлении сохранить свои традиции, ценности, нормы.

Понять особенности развития социокультурных сообществ сегодня невозможно без знания характера и степени их включенности в систему межкультурных взаимодействий. В последнее время комплекс исследований, сосредоточенных на анализе сходства и различий культур и механизме их взаимодействия, выделились в отдельный класс в социально-гуманитарных науках, получивших общее название кросскультурных. Кросскультурный анализ предполагает сравнение и типологизацию культур на основе признаков или категорий анализа, выступающих предметом исследования.

Как правило, в справочной литературе кросскультурный анализ относят к области социальной психологии, хотя значимые практические и теоретические выводы зафиксированы также в социологических и антропологических кросскультурных исследованиях. В зависимости от дисциплинарной принадлежности, существуют различия в предметной области кросскультурных исследований, их целях, задачах, методиках. В то же время, вне зависимости от дисциплинарной области, в таких исследованиях очевидны общие вектора.

Один из них – это тема ценностей в кросскультурном анализе: на нее выходят социологи, психологи и антропологи, заключая, что ценности являются фундаментом культуры, а их понимание необходимо для познания ее сути. Поэтому рассмотрение истории развития кросскультурных исследований в разных дисциплинарных областях с фиксацией их магистральных направлений и основных выводов представляется актуальным как для осмысления современных тенденций в развитии гуманитарных наук и поиска основ для междисциплинарного диалога в области кросскультурного анализа, так и для улучшения взаимопонимания между представителями разных народов на основе знания о культурно обусловленных различиях в системах ценностей.

Как правило, кросскультурные исследования в психологии объединяют в отдельную дисциплинарную область – кросскультурную или этническую психологию. В ней изучается механизм влияния культуры на психику и поведение индивида. Психологи стремятся подходить к культуре как к системе регуляции, действие которой основано на существовании общей системы ценностей и связано с общественными представлениями, образцами действий, установками, формирующими культурно-психологический портрет общности. Предметом исследования часто выступает связь конкретной культуры с психическими особенностями восприятия, эмоциями, поведением, интеллектом; рассматриваются зависящие от культуры особенности психических расстройств.

Развитие этнической и кросскультурной психологии началась с зародившегося в XIX веке интереса к культурным различиям, когда возникли многочисленные этнографические описания других культур с элементами психологических особенностей их представителей. В прошлом веке стали развиваться прикладные исследования культур, в том числе появилось большое количество исследований на основе психологической теории ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стротбек и ее интерпретациях. Сейчас актуально практическое направление: знания о культурных различиях становятся основой для создания программ обучения и тренингов, готовящих людей к жизни в инокультурной среде, прививающих навыки толерантного поведения и уменьшающих последствия культурного шока.

В области антропологии существует ряд дисциплин, где предметом исследования является исследование и сравнение разных культур. В России к ним относятся этнология, антропология и культурология, за рубежом – науки о культуре или *Cultural studies*. В их рамках реконструкция картины мира представителей социально-культурных общностей разных эпох проводится на основе разнообразных духовных и материальных составляющих. Развитие науки в этой области двигалось от описания малых обществ, таких как племена или вождества, к изучению закономерностей развития и особенностей функционирования сложных систем (например, цивилизаций). Особую значимость для развития кросскультурного направления в антропологии представляют вклад Дж.П. Мердока, чьи базы данных о культурах позволили привнести в антропологию методы статистического анализа, и М. Херскови-

ца, чей принцип культурного релятивизма установил самоценность каждой из культур.

В социологии ценности обеспечивают целостность культуры и адаптацию социально-культурной общности к окружающей среде. По убеждению классиков социологии М. Вебера и П.А. Сорокина, ценности наполняют явления культуры смыслом и представляют собой ее внутренний стержень.

В прикладных кросскультурных социологических исследованиях наиболее часто используется форма мониторинговых кросснациональных обследований, проводящихся методом массового опроса на основе многонациональных выборок с использованием единого инструментария. Их выводы позволяют судить о длительных тенденциях в трансформации мирового сообщества и составляющих его культурах. Изучается связь изменения ценностей с динамикой политических, экономических и культурных процессов. Важное направление связано со сравнительным изучением ценностного портрета нации. Такие исследования дают яркое представление о мире, позволяя получить срезы информации по разным параметрам на материалах, репрезентирующих обширную часть населения Земли.

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕНЕЖНЫХ ФОРМ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАДЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

А. П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

pavlen-abakan@mail.ru

Проблема надэтнической идентичности в современных социально-гуманитарных исследованиях приобретает большое значение в связи с постановкой вопроса об эффективности межэтнического взаимодействия и межкультурной коммуникации. Рассмотрение денег в контексте данной проблемы не является оригинальным нововведением автора, более того, оно имеет достаточно устойчивую традицию. В рамках данной работы нам бы хотелось представить опыт обобщения некоторых концепций, указав, в частности, на значимость изменения исторических форм денег при их влиянии на объект идентичности людей.

Традиционно выделяют четыре исторических форм денег: товарные деньги, монеты, бумажные деньги, электронные деньги. Нельзя сказать, что с возникновением одной формы исчезала другая, даже если предположить для этого достаточно долгий срок. В России, по крайней мере, до сих пор в оби-

* Работа осуществлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», № 14.В37.21.0511

ходе все четыре формы, и хоть первая из них и не имеет официального признания, но эквивалент «пол-литра чистого» (к примеру) до сих пор достаточно широко распространен. Тем не менее, такое выделение обеспечивает представление о доминирующих формах денег на определенных этапах исторического развития, пусть и с оговоркой на национальную специфику, которая, безусловно, существует.

Товарные или примитивные деньги представляют собой предметы, которые используются не только по своему непосредственному предназначению, но и как эквивалент стоимости других вещей и услуг. Возникновение подобного рода денег с позиции экономического рационализма можно объяснить следующим образом: у субъекта хозяйственной деятельности *A*, производящего товар *a*, возникает необходимость приобрести товар *b*, производимый субъектом *B*, однако, у последнего вовсе не обязательно должно возникнуть желание менять *b* на *a*, поскольку, возможно, в последнем он не нуждается; встает вопрос о том, чтобы предложить *B* такой товар *c*, который можно было бы купить за *a* и продать за *b*, а такой поиск предполагает операцию по установлению эквивалентности обмена, в результате чего *c* (или *d*, *e*,...) становится деньгами.

С другой стороны, возможно и институциональное объяснение, в соответствии с которым товарные деньги возникли в результате необходимости для молодых государственных образований привести систему поборов, собираемых с разных народов, занимающихся различными видами хозяйственной деятельности, к единому знаменателю, будь то весовая мера зерна либо фиксированный объем металла, либо что-то иное. В этом случае роль денег в процессе установления надэтнической (государственной) идентичности становится очевидной, поскольку принятый за деньги товар вторгается в частную жизнь граждан как символ государственной власти.

Дальнейшая эволюция денежных форм демонстрирует нам тенденцию увеличения их мобильности и информационной насыщенности за счет уменьшения материальной ценности носителя денежного знака. Переход к монетам был вызван интенсивным ростом товарооборота, который требовал гораздо более быстрого перемещения денежных масс, которые бы, при этом, оставались ликвидными, а с гурами зерна, или с любыми другими товарными деньгами, такое было трудноосуществимо.

Между тем переход к монетам знаменовал собой возникновение нового способа, с которым государство постоянно стало напоминать о себе. Значимость изображения на монете осознали еще древние цари, и через данный символ народам сообщалось о самом ценном, что объединяет государственное образование. Наидревнейшая монета из всех обнаруженных – лидийский статер (VI в. до н.э.), на котором изображена голова рычащего льва, символ правящей тогда династии. На эгинских монетах была изображена черепаха, символ самого острова Эгины. Если говорить о ситуации в России, то на первых монетах – златниках с одной стороны изображался Иисус Христос, а на другой стороне князь Владимир Святославович с родовым знаком Рюрикови-

чей трезубцем. Приводить примеры можно довольно долго, но в принципе, это общеизвестные факты.

У древней монеты есть одна особенность – она представляла интерес не только как носитель денежной информации, но и сама по себе как ценный предмет, поскольку делалась либо из золота, либо из серебра, либо из того и другого вместе. Возникновение монет из менее ценных металлов, а затем бумажных денег стало следствием ограниченного количества и серебра, и золота, а товарооборот требовал все большего и большего количества денег. При этом необходимо различать обеспеченные бумажные деньги и фидуциарные или фиатные деньги. Если первые можно обменять на фиксированное количество золота, то вторые обращаются за счет одного фактора – государственной гарантии и признании этой гарантии населением. Изображения на банкнотах играют ту же роль в установлении надэтнической идентичности, что и выполняли изображения на монетах. Однако введение в оборот фидуциарных денег предполагает и наличие другого фактора: «Поскольку государство начинает извлекать из производства бумажных денег колоссальный доход и с помощью печатного станка контролировать обращение денег на своей территории, оно начинает бороться за жизненное пространство, которое новым социокультурным менталитетом воспринимается не только как природное пространство материальных ресурсов, но и как социальное пространство денежного обращения. Собственно говоря, государственная политика начинает строиться как подчиненность граждан суверенитету своего государства, а государственный суверенитет выступает как некая рамка, граница, окольцовывающая пространство того самого денежного обращения, от которого государство получает доход» [2, с. 75].

Растущий рост потоков виртуальных денег в современном обществе однозначно ослабляет значение денег как проводника в деле установления надэтнической идентичности. Специфика современной социокультурной ситуации заключается в том, что реальный мир превращается в игру, освобождённую от каких-то нормативов. Причастность к глобальной экономике виртуальных денег откладывает специфический отпечаток на все культурные и социальные отношения. Происходит утрата определённости и нормативности, по выражению З. Баумана, современность становится «текучей», в ней отсутствуют признаки каузальности и универсальной перспективы [1].

Убыстряющийся оборот виртуальных денег обостряет непредсказуемость общественных изменений и процессов понимания. В условиях «текучей современности» и «играизации» хозяйственной деятельности усиливается дезинтеграция социальных групп и структур, а также личностных идентичностей. В наше время, как подчеркивает З. Бауман, начинают доминировать краткосрочные социальные взаимодействия, в которых никто надолго не задерживается и никто никому ничем не обязан, здесь способность меняться, менять окружающее и уходить от прошлого становится залогом успеха. Большинство транснациональных корпораций уже давно не имеют «ни флага, ни Родины», современному бизнесмену больше приходится думать о том,

где меньше возьмут налогов, а не о том, насколько трепетно он относится к своему Отечеству. С другой стороны, если в таком обществе вопрос об отношении себя к социальной общности будет снят, то он будет снят не только по отношению к надэтнической общности, но и по отношению к самому этносу, а это путь к космополитизму, построенному по принципу индивидуализма.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
2. Суриков К.Ю. Смысл денег. М.: Научная книга, 2009.

ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: К ВЫРАБОТКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

М. В. Семеникова

Институт философии и права СО РАН
ahna2004@mail.ru

Военные действия существовали на протяжении всей истории развития человеческого сообщества, в процессе которых происходило зарождение новых государств и цивилизаций, их развитие, расцвет и распад.

В процессе осмысления этих процессов в социальных науках складывались различные подходы к исследованию причин возникновения войны (социологические, экономические, рационалистические и другие теории), ее целей и типов. Но прежде чем заниматься более глубоким исследованием этого социального феномена, необходимо сформулировать определение войны.

Понимание войны как особого состояния общества можно найти уже в трудах древних мыслителей: Сунь-цзы, Гомера, Гераклита, Платона, Аристотеля, Цицерона и других. Война рассматривалась ими как вполне естественное общественное явление, одно из состояний общественного бытия наряду с миром. Сунь-цзы рассматривал войну как инструмент, при помощи которого государство и его правитель обретают могущество и власть.

Особое место в философии войны занимает концепция итальянского мыслителя и политического деятеля 16 века Никколо Макиавелли, который считал, что война представляет собой эффективное средство для укрепления зарождающегося государства. Для него государство являлось субъектом военного насилия, которое может применять силу для удовлетворения своих собственных политико-экономических интересов.

Еще одним теоретиком, исследовавшим природу и характер военных действий, является голландский юрист и политический мыслитель Гуго Гроций. В своей работе «О праве войны и мира», изданной в 1625 году, он подробно описал не только что такое война, но и указал, какие войны можно считать

справедливыми, а какие нет, а также показал связь войны и права. Для своего исследования Гуго Гроций использовал определение войны в широком смысле, а именно как вооруженное столкновение государств.

Дальнейшее исследование сущности войны пришлось на период становления индустриального общества, в котором акцент делается на роли государства как политического института и субъекта военного насилия. Основоположником данного подхода в понимании войны, можно считать военного теоретика и историка 19 века Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица. Он утверждал, война представляет собой «продолжением политики иными, насильственными средствами». Основным средством ведения войны при этом служит организованная вооружённая борьба, а также экономические, дипломатические, информационные и другие средства борьбы. Таким образом, он указал на то, что возможно ведение войны и с использованием невооруженных средств.

Другой взгляд на природу войны представлен в марксизме, где война рассматривается как общественно-политическое явление, присущее только классовым общественно-экономическим формациям. Так, в первобытнообщинном строе не было частной собственности, деления на классы, соответственно, не было и войн. Вооружённые столкновения между родами и племенами, несмотря на некоторое их внешнее сходство с войной классового общества, отличаются по социальному содержанию. Причины таких столкновений коренились в способе производства, основанном на использовании примитивных орудий, которое не могло обеспечить удовлетворение минимальных потребностей людей. С точки зрения марксизма, войны ведутся ради укрепления власти господствующих классов и ради раскола мирового пролетариата посредством апелляции к религиозным или националистическим идеалам.

Современные теоретические исследования войны характеризуются многоплановостью и неоднозначностью восприятия этого явления. Это связано с развитием средств ведения военных действий, изменением их цели и масштаба, что привело к значительной трансформации войны как таковой. Несмотря на многообразие определений войны, ее определяющим признаком является военное насилие, то есть применение технических (а также экономических, информационных, идеологических и других) средств для физического подавления врага, подчинения его своей воле.

Проанализировав некоторые позиции к определению войны, ее природы и характерных черт, попытаемся сформулировать определение войны, позволяющее перейти к исследованию различных типов войн и их особенностей в современных условиях.

Война – это вооруженное столкновение двух и более сторон для достижения определенных целей насильственным путем, которое проявляется в массовости и широкомасштабности, несущего за собой человеческие жертвы и потери.

АНАРХИЯ VERSUS ИМПЕРИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ*

М. С. Глатко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

glatko@rambler.ru

В современной ситуации тотального кризиса, актуальным становится дискурс государственности и контр-государственности. Так, государственники в качестве своего идеала видят сильное и большое государство – империя, а те, кто выступают против государства, в качестве идеала видят такую управленческую стратегию как анархия.

Считаем уместным здесь раскрыть упомянутые выше категории. Так, империя - высшая государственная власть, которая принадлежит народу, проявлявшему ее в законодательстве, верховном суде, в решении вопроса о войне и мире, также империя как категория тождественна территории, на которую простирается верховная власть императора.

Однако, в качестве основной претензии к подобной управленческой стратегии выдвигаются следующие доводы: 1. государственные институты способствует уходу от ответственности. Указанный процесс обнаруживается нами в следующей ситуации: при необходимости разрешения конкретной, частной проблемы индивидум, во-первых, снимает с себя самого ответственность, обращаясь за её разрешением в госорган, а во-вторых, госорган, являясь, по сути, коллективным образованием не может и не заинтересован в разрешении указанной выше проблемы. 2. в своей деятельности госорган заинтересован в получении человеческого ресурса-энергии и ему безразличны потребности нужды отдельного человека. Так, индивидум автоматически лишает себя онтологической свободы, которая заключается как раз в возможности самостоятельного взаимодействия с Миром, самостоятельного проживания в Мире. В результате этого в социальном теле появляется ничем не заполняемая онтологическая пустота, продуцируемая излишней ленью и страхом.

Анархия может быть квалифицирована по следующим принципам: это безгосударственность (или тип государственности, воспринятый не извне и не сверху, а изнутри социального тела); это договор, как основа взаимодействия между людьми; это свобода труда и союзов, община, как основная форма объединения людей; это общность идей и целей; это имущественное равенство.

* Работа выполнена в рамках проекта гранта РГНФ № 13-33-01287/13 от 02 июля 2013 г. (Г-287).

Категория «анархия» происходит от др.-греч. □ *varχia* «безвластие», от прил. α□ *varχος* «не имеющий начальника», из av- (a-) «без-» – □ *ρχη* «начало, начальство». В ряде европейских языков слово заимствовано через латынь «anarchia». Русская «анархия» заимствована через франц. *anarchie* или нем. *Anarchie*. Там есть такой корень, а вернее структура *ana-archia*, так же как в ряде слов – *ana-gramma* – «другое/иное письмо», *ana-tema* – «другая/иная тема» (еще «аналогия» и подобные конструкции), и тогда *ana-archia* может быть понята как «другой/иной тип управления». В данном случае, если мы будем подходить к слову через такую этимологию, то получается – это просто альтернатива, это иная власть, другая власть, какая власть – еще непонятно совершенно, но это другая власть, которая ни есть *monos*, ни есть *polis*. Это что-то иное, что концентрирует социальное и концентрируется в социальном.

Анархисты полагают, что власть должна распределяться на низовом уровне, что ассоциации людей должны расти снизу вверх, а не наоборот. В качестве более крупных форм организации (вплоть до всемирных) анархисты предлагают создание федераций свободных коллективов, которые могут брать на себя управление сбором и утилизацией отходов, развитием компьютерных технологий, использованием природных ресурсов, самообороной или промышленным производством. Федерации основываются на тех же базовых принципах, но действуют через представительство от коллективов. Представители (делегаты), в анархическом понимании, являются не профессиональными политиками, а членами своих коллективов, выбираемыми лишь на время, чтобы представлять свой коллектив в определённых вопросах на уровне федерации.

Взаимопомощь – синоним сотрудничества. Когда люди работают вместе, они в ряде случаев могут достичь гораздо больших результатов. Разнообразие — ключ к выживанию в будущем. Стремление власти нормировать всё и применить принцип конвейера ко всем сторонам общественной жизни отчуждает и разобщает людей. Это стремление также во многом является причиной разрушения окружающей среды. Разнообразие является более экологичной формой организации. Отказываясь от того, чтобы загонять реальность в государственно-бюрократические рамки понятий о порядке, навязываемые верховной властью, анархисты полагают, что общественные организации более эффективно удовлетворяют интересы своих участников, когда те имеют возможность формировать их по своему усмотрению. Когда люди живут разнообразно, они взаимодействуют более естественно и непосредственно. Кроме того, разнообразие людей приводит к тому, что их становится сложнее контролировать.

Анархизм возможен лишь при так называемой «пространственной неопределенности», то есть когда невозможен никак тотальный контроль «сверху». К сожалению развитие современных технологий лишь усиливают данный контроль, как бы, не давая возможности такому строю, как анархизм. Между тем, в сообществе свободных технологий есть другая неопределен-

ность: между заказчиком и потребителем товара. Так что в этом смысле, как строй, анархизм в современном обществе возможен.

Именно через переосмысление архаических основ построения бытия нами могут быть найдены принципы, которые возможно станут фундаментом в переобустройстве современного «больного» общества. При этом некоторые «здоровые» основания архаико-анархических обществ могут быть использованы нами в современности.

КОНТРОЛЬ КАК RAISON D'ÊTRE ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

С. А. Косинов

Государственная финансовая инспекция Украины в Харьковской области
abdidikin@bk.ru

Современная концепция государства предполагает существование института эффективной публичной власти, осуществляющего надлежащее управление. Реализация этого задания невозможна, в частности, без осуществления контроля над публичной властью, что порождает запрос на разработку соответствующих научных доктрин. В этом плане определенный интерес представляет концепция Дж. Кина, в рамках которой предложено выделять три эпохи в историческом развитии демократии: демократия собраний, представительная демократия и контролирующая демократия.

Первая эпоха – демократия собраний – берет свое начало около 2500 г. до н.э. в землях современного Ирана, Ирака и Сирии, что подчеркивает ошибочность известного тезиса о рождении демократии в Афинах.

Вторая эпоха демократии – представительная демократия. Она начинается в Средние века в Западной Европе с введением института парламентского собрания. Данная разновидность демократии становится классической в XVIII веке и сегодня официально считается ее нормативной моделью.

Третья эпоха – эпоха контролирующей демократии. Это понятие введено Дж. Кином для того, чтобы «демократизировать наши представления о демократии». По его мнению, указанный вид демократии возникает после Второй мировой войны с появлением более 100 различных контролирующих власть механизмов, которые до того момента никогда не существовали (антикоррупционные комиссии, общественные советы, саммиты, объединения по защите прав человека, демократический аудит, мониторинг выборов и т.д.). Это усилило возможность граждан осуществлять контроль над государством, основанного на принципах представительной демократии.

Одной из особенностей контролирующей демократии является тот факт, что полномочия по осуществлению контроля получают субъекты, которые далеко не всегда избраны народом как его представители. Их задача – реагировать на выход властью за пределы своих полномочий. Тем самым контро-

лирующая демократия является средством, предупреждающим тиранию большинства.

Контроль в демократическом обществе предполагает преобладание в социальной системе «гибких», «косвенных» методов контроля, наличие реальной возможности реализации «обратной контрольной связи»; примат самоконтроля над «внешней» социальной регуляцией; реализацию принципа ответственности всех субъектов социального взаимодействия и наличие высокой гражданской активности, связанной с полноценным функционированием институтов гражданского общества. Важными факторами реализации социального контроля в демократическом государстве выступают такие институты, как выборы, референдумы, общественные движения и организации, политические партии, независимые СМИ, общественное мнение, различные формы социального протеста. Социальный контроль в рамках современного демократического общества может быть представлен как взаимный контроль, как контроль со стороны всех участников социального процесса. Это – контроль как со стороны правового демократического государства, так и со стороны гражданского общества.

Демократия содействует динамическому социальному развитию и воплощению важных социальных ценностей – свободы, равенства, справедливости и др. Их реализация возможна лишь тогда, когда будет существовать надежный механизм контроля над властью. Ведь аппарат власти, не подконтрольный обществу, не может быть надежным гарантом правовой свободы.

Выдвигая требование участия общественности в процессах решения общественных вопросов и подотчетности органов публичной власти, демократия повышает вероятность легитимности таких процессов и самой публичной власти в глазах самой общественности. Только участвуя в процессах выработки общественно важных решений, отдельные лица и их объединения могут получить уверенность в том, что их потребности будут учтены. Тем самым вовлеченность повышает жизнеспособность властных публичных инициатив, увеличивает шансы на их успешную реализацию. Там, где отдельные индивиды и их объединения вовлечены в процессы публичной выработки решений, и существует наибольшая вероятность того, что они будут воспринимать такие процессы как легитимные. Кроме того, подконтрольность публичной власти является критически важной, поскольку она предоставляет гарантии того, что субъекты, наделенные властными полномочиями, реализация которых может иметь негативные последствия для жизненно важных интересов граждан, будут нести ответственность за их осуществление. Подотчетность означает такие отношения между наделенными властью и теми, кто такую власть им предоставил, в рамках которых последние имеют право удерживать первых в пределах определенного набора стандартов, оценивать, насколько полно они выполняют свои обязанности в свете этих стандартов, применять санкции и т.д.

Механизмы подотчетности позволяют убедиться в том, что власть осуществляется честно и справедливо. Именно поэтому демократия во многих ас-

пектах – это, прежде всего, контроль над реализацией публичной властью в обществе.

РОЛЬ И МЕСТО СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Д. М. Рыманов

Государственный медицинский университет (Казахстан, Семей)

rymanov_d@ngs.ru

Не будет большим преувеличением, если справедливость определить как самую распространенную и популярную этическую категорию. Именно «популярную», поскольку она имеет место в разных социальных институтах, возрастных группах, экономических системах, психологии индивида и общества. Человечество уверено, что только справедливые поступки, слова, действия, законы, герои, правители могут привести к «идеальному обществу». Однако, справедливость как понятие или как философская категория не имеет однозначного определения, наоборот, вокруг него во все времена возникали споры. Более того, некоторые мыслители преднамеренно избегали какого-либо суждения относительно справедливости.

В управлении действие принципов справедливости часто усматривается в теории потребностей и соответственно мотивационной теории. На первый взгляд схема достаточно проста: участники управленческого процесса претендуют на некоторые блага (будь то повышение заработной платы или карьерный рост), достижение которых, по мнению претендующего, есть справедливое вознаграждение за выполненную работу. Со стороны руководства, в свою очередь, будет справедливым своевременно и в полной мере удовлетворять потребности работника. Однако, не смотря на кажущуюся простоту схемы, все далеко не просто.

В трудах классиков по теории управления можно встретить упоминания о справедливости. Так, Анри Файоль в работе «Общее и промышленное управление» выделяет 11-й принцип - справедливость. Где приводит следующие рассуждения: Почему *справедливость*, а не *правосудие*? Правосудие есть реализация установленных конвенций. Но конвенции не могут всего предвидеть; часто приходится их истолковывать или дополнять то, чего в них нет.

Для того чтобы поощрить персонал к исполнению своих обязанностей с полным рвением и преданностью, надо относиться к нему благожелательно; справедливость есть результат сочетания благожелательности с правосудием.

Справедливость не исключает ни энергичных действий, ни суровости. Она лишь при практическом ее осуществлении нуждается в здравом смысле, большом опыте и доброте.

Требование справедливости и равенства — это такие запросы, с которыми надо очень считаться в обращении с персоналом. Дабы дать этим запросам возможно большее удовлетворение, не нарушая никаких принципов и не те-

пря из виду общего интереса, глава предприятия часто должен напрягать все свои лучшие способности. Он должен стремиться укоренить чувство справедливости на всех ступенях иерархии. (Анри Файоль «Общее и промышленное управление»)

В работе Эмерсона «Двенадцать принципов производительности» так же говорится о справедливости но в духе тейлоризма. «Справедливость заключается не в том, чтобы устанавливать определенное равновесие между работой и оплатой, равновесие это также необходимо, как точные и проверенные весы необходимы в торговле, - но в том, чтобы не держать человека на той работе, к которой он не приспособлен». Так же справедливым должны быть условия труда и оплата труда (Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности).

Следует отметить и теорию справедливости Дж. Стейси Адемса где её действие сводится к удовлетворенности заработной платой, а точнее сочетанием вознаграждения с затраченными усилиями (Adams J. Inequity in social exchange).

Таким образом, принципы справедливости присутствуют на разных уровнях и этапах управления. Они необходимы в работе с персоналом, в подборке кадрового состава, при создании условий труда, а так же при распределении вознаграждения за выполненную работу. С одной стороны такое утверждение видится закономерным и не требующим доказательств. Однако, на современном этапе развития теории управления, справедливость остается за пределами исследовательского поля многих теорий в данной области.

Литература

1. Файоль А. Общее и промышленное управление. М, 1916.
2. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности. М, 1992.
3. Adams J. Inequity in social exchange // Berkowitz L. (ed.). Advances in experimental social psychology. N. Y., 1965. P. 267–299

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК СУЩНОСТНЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Н. В. Кокорина

Институт философии и права СО РАН

nataliaorion@mail.ru

Выбранный правительством и россиянами курс на модернизацию общества предъявляет особые требования к каждому из нас. Отметим, что, инновационные изменения в сфере технологий имеют вторичное значение. Трансформации касаются наших взглядов, привычек и даже убеждений. Следует

понимать, что инновации начинаются, прежде всего, в наших головах. Привычные паттерны поведения не меняются в одночасье. Поведение отдельного человека и целых организаций зависит от ценностей, которым следует каждый. Пока в обществе существует конфликт ценностей (традиционных и инновационных) рано говорить о какой-либо консолидации сил, как в политике, так и экономике.

Понятие «инновации» имеет множественное значение, и вряд ли стоит сейчас анализировать все существующие его определения. В самом широком смысле инновации – это любые решения и технологии, приводящие к совершенствованию производственных и социальных процессов, предложенные их субъектами и до этого неизвестные остальным участникам этих процессов. По сути, инновации – это любое создание чего-то нового, что гипотетически может быть внедрено в общественные практики.

Исследуя столь сложное явление как корпоративная культура мы принимаем во внимание тот факт, что она является субкультурой определенного культурного контекста, который в свою очередь испытывает определенное влияние со стороны процессов глобализации, и, безусловно, других культур мирового сообщества. Человек и его сознание также эволюционируют. Следовательно, у нас в наличии имеются четыре пласта взаимосвязанных, взаимопроницающих систем: – социальные системы: аграрный, индустриальный, постиндустриальный, информационный; – культура: мифический порядок, научно-рациональный, плюралистический, холистический, интегральный; – сознание: мифическая самость, самость, стремящаяся к успеху, чувствительная самость, холистическая самость, интегральная самость; – мозг человека: рептильный, лимбическая система млекопитающих, новая кора (неокортекс). Не вдаваясь в подробности того, как эволюционировал мозг человека за последние столетия, следует отметить, что переход от постиндустриального общества к обществу знаний, сопровождается изменениями в сфере культуры, в том числе корпоративной культуры.

Следует понимать, что заимствование – это сложный и творческий процесс, и сразу ничего не получится: надо не просто воспроизвести и адаптировать механизмы и процедуры, необходимо также погрузиться в проблему конструирования образца, и при этом, возможно, удастся усовершенствовать заимствованный образец. По мере перехода от модернизации к фазе инновационного роста требуется сделать акцент на собственные исследования и ориентироваться следует на самые передовые мировые достижения. Говоря о ценностно-ориентированной корпоративной культуре в рамках российского контекста, правомерно полагать, что российские теории и практики заимствуя феномен корпоративной культуры, дорабатывают его в рамках своих исследований, чтобы в дальнейшем было его удобно использовать руководителями как коммерческих, так и некоммерческих организаций.

Следует также осознавать, что инновационные процессы также меняются. Более того, изменения в самих инновационных процессах инициируют новые характеристики инноваций. С одной стороны, новые методы применяются

для того, чтобы улучшить технологическое и экономическое развитие и повысить эффективность инноваций. С другой стороны, нам не следует пренебрегать концепциями способствующими измерению технических и социальных инноваций. [1]

Точно так же как инновации в сфере производства товаров и услуг создают материальное благополучие, так социальные инновации создают новые ценности в сфере социального благополучия. Поэтому социальные инновации и понятие и стратегия для достижения баланса и устойчивого развития.

К ресурсам социальных инноваций относятся: - политическая воля; - политические рамки;- финансовые ресурсы; - человеческие ресурсы;

Согласно Джозефу Хошгернеру (Центр социальных инноваций, Вена) существует восемь типов инноваций: -инновации продуктов; - процессов; - маркетинговой политики; - организационные; - ролевые; - в сфере отношений; - норм; - ценностей. [2]

Причем инновации в сфере ценностей существенным образом влияют на экономическую сферу. По сути это самый глубокий уровень из всех восьми вышеуказанных инноваций. Поэтому воздействуя на него, мы имеем возможность непосредственным образом влиять как на экономическую, так и на политическую, правовую и культурную сферы общества.

В нашем случае ценностно-ориентированная корпоративная культура является не чем иным как социальной инновацией в сфере бизнеса, экономики. Разъяснение людям системы ценностей и воплощение ее в жизнь – самое большое, что может сделать лидер для своей организации. Более того, по-видимому, именно об этом больше всего заботятся высшие руководители каждой из успешных компаний. Формирование и прививание работникам определенной системы ценностей – непростое дело. К тому же каждой конкретной компании подходят лишь некоторые из огромного множества возможных систем ценностей, а воплощение в жизнь выбранной системы ценностей – это поистине каторжный труд. Вместе с тем, инновации в системе ценностей компании, в конечном счете, приводят к созданию более адаптируемой к внешней среде организации, в которой сотрудники в полной мере реализуют свой творческий потенциал.

Литература

1. Castells, M., The Information Age. Economy, Society and Culture. Vol.3. End of Millennium. Malden, MA: Blackwell, 1998
2. Hochgerner, J. Social and cultural dimensions of innovation in knowledge societies // Filosofia – Prague, 2011

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАК КОМПЛЕКС СТРАТЕГИЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

Е. Ю. Немкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

eva1986@mail.ru

Бизнес – неотъемлемая часть любого государства, как в экономической, так и социальной сферах жизнедеятельности. Развитие науки и техники, создание новых рабочих мест, ориентация на успех и многое другое возможно только с развитием структуры бизнеса. Основами его являются малый и средний бизнесы, которые называют самыми мобильными секторами экономики [1]. В настоящее время политика государства направлена на всестороннюю поддержку и развитие этого сектора. Путем внедрения различных государственных и муниципальных программ по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства власти пытаются расширить возможности и горизонты владельцев бизнеса. Но нельзя не обращать внимания на условия жесткой конкурентной борьбы, которая возникает вследствие выхода на арену новых деятелей представленной сферы. Каждый из них должен по особому выстраивать политику своей работы, чтобы быть конкурентоспособным, чтобы укрепить и удержать позиции. Поэтому, вопрос о наличии стратегии управления на предприятии в настоящее время является весьма актуальным.

В переводе с греческого «стратегия» означает «военное искусство», с древнегреческого — «искусство полководца» [4]. Согласно экономическому словарю, это план действий в условиях неопределенности. Это набор правил, согласно которым предпринимаемые действия должны зависеть от обстоятельств, включая естественные события и действия других людей [2]. Экономическая стратегия выражается в планах и намерениях правительства, администрации регионов, руководства предприятий в отношении производства, доходов и расходов, бюджета, налогов, капиталовложений, цен, социальной защиты.

Стратегия предприятия является комплексом действий и намерений руководящего органа по развитию и продвижению фирмы в экономическом пространстве. Теоретики и практики социологии управления, такие как И.Ансофф, Э.Боумен, А.Градов, П.Друкер, Г.Минцберг, А.Портер, Г.Хэмел и др. выделяют несколько стратегий предприятия, которые соединяют в подобный комплекс, а именно товарно-рыночная стратегия, ресурсно-рыночная стратегия, технологическая стратегия, интеграционная стратегия, финансово-инвестиционная стратегия, социальная стратегия, стратегия управления [3]. Ключевой, на наш взгляд, является последняя, так как именно управление является основой всякого предприятия. Следовательно, мы можем, акцентируя внимание на каждой стратегии по-отдельности, включить ее в комплекс под названием «стратегия управления».

Под товарно-рыночной стратегией понимают комплекс решений, которые определяют ассортимент и объемы производства, а также способы продвижения и реализации товаров или услуг. Товарно-рыночная стратегия, включает в себя решения, касающиеся непосредственно товара, который производит либо собирается производить компания, и решения, связанные с комплексом действий предприятия по реализации этого товара.

Ресурсно-рыночная стратегия, определяет взаимоотношения предприятия с рынком ресурсов, аналогична структуре товарно-рыночной стратегии. Так же как и в случае предыдущей, речь здесь идет о двух сферах стратегических решений: решений, определяющих поведение предприятия на рынках материальных факторов производства, и решений о номенклатуре, объемах и качестве приобретаемых и используемых внутри предприятия ресурсов.

Под технологической или технико-технологической стратегией предприятия понимается комплекс стратегических решений, определяющих, технологический тип предприятия и тип технологической динамики предприятия.

Интеграционная стратегия предприятия. Повседневная деятельность практически любого предприятия протекает в условиях взаимодействия с множеством рыночных и институциональных социально-экономических агентов, от действий которых в значительной степени зависит успех работы предприятия. К таким агентам относятся: предприятия – поставщики сырья и материалов, предприятия – поставщики оборудования. Задача любого предприятия в данной области состоит в том, чтобы оказывать эффективное влияние на процессы принятия решений всеми указанными экономическими агентами в своих интересах. Это означает, что руководящий орган предприятия должен планировать взаимодействие своей компании с поставщиками в течение продолжительного времени на условиях взаимовыгодного сотрудничества.

Под финансово-инвестиционной стратегией предприятия понимается совокупность решений, «охватывающих выбор, приоритеты и размеры использования возможных источников привлечения и расходования финансовых средств. В зависимости от сферы принятия стратегических решений они различаются на технические, маркетинговые, социальные и управленческие» [3].

Как следует из общего определения стратегии предприятия, социальная стратегия – это система стратегических решений, затрагивающих состав коллектива, содержание и условия работы его членов.

Стратегию управления источники выделяют отдельной стратегией предприятия. Но это не совсем так. С одной стороны, имеются определенные виды стратегии управления, связанные с типом управления (стратегический, тактический, оперативный), с другой стороны мы не можем говорить об успехе предприятия, если не будут реализованы такие стратегии как товарно-рыночная, интеграционная, финансово-инвестиционная и другие. Непосредственно разработками и отслеживанием вышеперечисленных стратегий занимается руководящий орган предприятия. Следовательно, все эти стратегии мы можем включить в стратегию управленческую.

Литература

1. Грант Р.М. Современный стратегический анализ. СПб.: Питер, 2008.
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999.
3. Стратегии бизнеса: аналитический справочник. Москва, «КОНСЭКО», 1998.
4. Экономика. Толковый словарь. М.: "ИНФРА-М", 2000.

КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

А. П. Сапегин

Сибирский университет потребительской кооперации
Институт рекламы и связи с общественностью Новосибирского
государственного педагогического университета
vertebro@bk.ru

Цель статьи – обосновать важность коммуникационной деятельности для предприятий промышленности и показать графически процесс формирования коммуникативного комплекса предприятия, в условиях ограниченных целевых аудиторий характеризующихся когнитивным характером принятия покупочного решения.

На современном этапе развития рыночных отношений в РФ наблюдается неравномерное понимание его субъектами значения коммуникаций в формировании конкурентоспособности. Наиболее явно это проявляется, если сравнить такие сегменты рынка, как рынок ТНП и ПП, и рынок промышленной продукции. На рынке ТНП и ПП осознание важности коммуникаций для предприятия проявляется во всех коммуникативных аспектах деятельности – от маркетинговых коммуникаций до деловых и неформальных. Коммуникативная активность и целостность информационных сообщений генерируемых участниками этого рынка находится на достаточно высоком уровне, чего нельзя сказать о рынке товаров промышленного спроса.

Эта сфера бизнеса характеризуется не только более низкой динамикой развития маркетинга, но и меньшим вниманием к формированию коммуникационной политики. Такое положение обусловлено, прежде всего, тем, что с точки зрения участников этого рынка, активная коммуникативная деятельность не эффективна в связи с ограниченным числом потенциальных потребителей и высокой степенью влияния личных связей на продвижение продукции и формирование имиджа организации. В то же время менеджмент промышленных предприятий уделяет большое внимание производственным

процессам и НИОКР связанных с модернизацией выпускаемой продукции. При этом и усилия по модернизации продукции так же носят чаще всего производственно-оптимизационных характер, то есть направлены, прежде всего, на оптимизацию процесса производства и снижение затрат. Необходимо заметить, что такие НИОКР в настоящее время не могут служить источником информационных поводов ни для средств массовой информации, ни для рекламной коммуникации. Таким образом, сформировавшееся заблуждение малой значимости цельной коммуникативной политики для предприятий промышленной сферы ведет к формированию информационного поля отрицательного или, в лучшем случае, нейтрального характера. Разнородность информации, ее качество и окраска приводят к тому, что значимые контактные аудитории получают противоречивые сигналы от компании. Отсутствие целостного образа компании, и ее продуктов у потенциальных потребителей, а так же у групп влияния, негативно влияет на скорость принятия положительного решения о покупке или заключения договора о сотрудничестве. Высокий уровень неуверенности обуславливает повышенные требования к гарантии исполнения договорных обязательств и ценовых ожиданий. Повышенные требования потребителей к компании и ее продукту проявляются в виде ожидания предпочтений при заключении контрактов, что снижает темпы коммерческой деятельности и повышает операционные риски для предприятия.

В Российской Федерации рынок промышленной продукции по уровню развития маркетинга и коммуникативной культуры весьма не однороден и, все сказанное выше, не может быть отнесено ко всем без исключения игрокам этого рынка. Условно их можно разделить на несколько страт:

1. Крупные системообразующие предприятия-лидеры рынка;
2. Крупные предприятия, ведущие активную экспортную деятельность;
3. Крупные предприятия регионального значения;
4. Средние предприятия, ведущие активную экспортную деятельность;
5. Средние предприятия-производители высокотехнологичной и инновационной продукции;
6. Средние региональные предприятия традиционных отраслей промышленности;
7. Малые предприятия-производители, ведущие активную экспортную деятельность;
8. Малые предприятия-производители высокотехнологичной и инновационной продукции, в том числе start-up;
9. Малые предприятия-производители традиционных отраслей промышленности;
10. Микробизнес.

Обозначенная проблема наиболее остро стоит перед предприятиями относящимся к следующим стратам: 3; 6; 9 и 10. Для этих предприятий характерен акцент на деятельности связанной непосредственно со сбытом продукции, ценовой и товарной политикой. При этом в случае товарной политики основные усилия сосредотачиваются на модернизации имеющейся продук-

ции или созданием аналогов наиболее успешным на рынке образцам. Ценовая политика сосредотачивается на покрытии издержек производства, часто с минимальной фактической выгодой для предприятия. Безусловно, предприятия, относящиеся к этим стратам, вынуждены наибольшие усилия сосредотачивать на этих аспектах своей деятельности, так как именно от них зависит выживание в краткосрочном периоде. С точки зрения стратегических позиций компании, такое коммуникационное поведение ведет к негативному тренду развития конкурентоспособности предприятия.

Рассматриваемый в монографии А.П. Маркова «Проектирование маркетинговых коммуникаций» подход можно принципиально считать наиболее приемлемым для рынка промышленных предприятий, так как он соответствует общим принципам их деятельности. В то же время использование проектного подхода к маркетинговым коммуникациям требует высокой степени осознания значимости проблемы и готовности менеджмента организации к планомерному осуществлению всех процедур и связанных с ними затрат. Именно по причине неготовности менеджмента к проектному подходу к маркетинговым коммуникациям и вообще к планомерной деятельности в этом направлении, необходимо обратить внимание прежде всего на те аспекты, которые позволяют явно показать значимость маркетинговых коммуникаций на конкурентоспособность предприятия и, одновременно, дадут простой и понятный алгоритм действий.

Оценка влияния коммуникационной политики на общий уровень конкурентоспособности промышленного предприятия не может быть ограничена традиционным инструментарием используемым специалистами в области рекламы и связей с общественностью. На практике необходимо, прежде всего, оценить общие показатели системы планирования коммуникативной деятельности. Для этого предлагается следующий алгоритм оценки системы планирования (Рисунок 1).

Сравнение используемого алгоритма формирования, и планирования коммуникативного комплекса действующих предприятий промышленной сферы, и той схемы, которая предлагается, позволяет определить, что же является действительно важным с точки зрения менеджмента компании и, на сколько глубоко понимаема технология коммуникаций, ее значение для стратегического развития, и формирование конкурентоспособности.

В чем же причина такого акцента со стороны автора на алгоритм формирования и планирования коммуникативной деятельности?

Еще раз обратимся к одной из важнейших характеристик рынка промышленных предприятий – относительно малому количеству потенциальных клиентов, а так же к собственному характеру этих клиентов, а именно профессиональному подходу к принятию покупочного решения и его коллегиальности. В отличие от рынка товаров народного потребления и продуктов питания, где потребитель массовый и коммуникация должна, прежде всего, охватить наибольшую аудиторию и проинформировать о продукте и его на-

личии, на промышленном рынке требования к содержанию и направленности коммуникации гораздо выше.

Рисунок 1. Алгоритм формирования и планирования комплекса маркетинговых коммуникаций

Таким образом, при оценке соответствия коммуникаций предприятия порядок этой оценки должен соответствовать порядку формирования коммуникационного комплекса представленного на схеме. В случае положительной оценки каждого из этапов можно говорить о положительном влиянии коммуникационного комплекса на формирование конкурентоспособности предприятия. Отрицательная оценка любого из этапов в формировании коммуникационного комплекса ведет к резкому снижению конкурентоспособности предприятия. В данном случае имеет место эффект «минимального ресурса».

Литература

1. Бескаравайный М. «Прямые продажи - один из основных коммуникационных каналов сбыта инструментов промышленного назначения»: - «Управление продажами», №6, 2004.
2. Дмитриева И. «Некоторые характеристики рекламной кампании Business-to-business, влияющие на ее эффективность»: - М.; Журнал «Рекламодатель» №1 2004.
3. Саакян С. «Критерии и методы формирования рекламного бюджета в компаниях, работающих на рынке b-2-b»: - «Реклама. Теория и практика», №6, 2005.

4. Особенности PR-инструментария на рынке b-2-b Кудрявцева Юлия
Журнал: "Индустриальный и b2b маркетинг", #4, 2009 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ

С. В. Братюшенко

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
bsv775@yandex.ru

Концепция социальной ответственности бизнеса рассматривает любые действия компании, направленные на её работников, местное сообщество и заинтересованные стороны, как стратегическое стремление к созданию благоприятных условий для существования бизнеса. В этом есть сходство с инвестированием: вкладываем деньги (усилия) сейчас и надеемся получить "прибыль" (экономическую или социальную) в будущем. Питер Друкер в 1984 году выдвинул идею "обязательной конвертации" социальной ответственности в новые возможности бизнеса, "превращения социальных проблем в экономическую возможность и экономическую выгоду, в производственные мощности, компетентность персонала, хорошо оплачиваемую работу и, наконец, богатство" [1]. В концепции П. Бурдые аргументируется свойство любой формы капитала к конвертации [2]: социальный и человеческий капитал может трансформироваться в экономический и наоборот. Поэтому корпоративная социальная ответственность безусловно является неотъемлемой частью стратегического менеджмента организации.

Социальные инвестиции мы будем рассматривать как материальные, технологические, управленческие или иные ресурсы, направляемые на реализацию социальных программ, разработанных с учетом интересов основных внутренних и внешних заинтересованных сторон [3]. Полезный или "бизнес-эффект" социальных инвестиций – это доход или другие результаты, которые положительно влияют на деятельность инвестора, но оценку которых трудно или невозможно произвести в денежной форме. К объектам инвестирования, вложения в которые, не подразумевает непосредственного дохода, относятся объекты здравоохранения, охраны окружающей среды, улучшения санитарно-гигиенических условий и техники безопасности [4]. Если эффект от инвестиций в "традиционном", экономическом, понимании получает только бизнес-организация, то эффект от "социальных инвестиций" распространяется как на саму организацию, так и на общество (в той или иной мере) [5].

Исследователи поведения российского бизнеса [6] отмечают слабость системного подхода к корпоративной социальной деятельности, приверженность компаний-респондентов идеологии "реагирующей КСО" (в терминах модели М. Портера и М. Креймера), позиционирования социальной отчетности не как экспертной и системно-стратегической функции, а как пиара. Интересно, что оценку эффективности корпоративных социальных программ

проводили лишь 56% компаний-респондентов, а 17% компаний вообще не проводили оценку эффективности, хотя и трактовали социальные программы как инвестиции. Отмечается тенденция преобладания "внутренних" направлений корпоративных социальных инвестиций над "внешними". Доля вложений в развитие персонала занимает первое место в общей структуре социальных инвестиций, демонстрирует небольшой рост и приближается к 50% от общего объема вложений в корпоративные социальные программы. В период кризиса 2008-2009 гг. сокращение расходов на "внутренние" программы (программы, направленные на работников) был меньше, чем на "внешние" (программы, реализуемые во внешнем сообществе) [7].

Однако, данные анализа надзорно-контрольной деятельности гострудинспекций свидетельствуют о более сложном процессе реализации корпоративной социальной ответственности для персонала компаний: нарушения наблюдаются, но имеют склонность к снижению. Условия труда, гарантии и компенсации за работу в опасных условиях труда, обеспеченность средствами защиты продолжают для работников оставаться проблемными.

Эмпирические данные (база данных РМЭЗ) показали, что социальные инвестиции работодателя в работника, заключающиеся, в том числе, и в оплате услуг в медицинских учреждениях (полная или частичная оплата), оплате путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря (полная или частичная), обучении за счет предприятия, способствуют удовлетворенности в жизни и работе работника, влияют на его профессиональное развитие и закреплению на данном рабочем месте.

Самыми эффективными можно назвать инвестиции работодателя в профессиональное развитие работника (предоставления оплаты за обучения). В этом случае, у работника формируется максимальная удовлетворенность жизнью и работой в целом, перспективами карьерного роста. Работник в большей степени развивает свои профессиональные навыки и знания, востребованные на данном месте работы, планирует делать это и дальше, и главное для работодателя, закрепляется на рабочем месте.

Наличие социальных инвестиций влияет на комплексную оценку работодателя как надежного, ответственного перед работником. Наши исследования показали, что вероятность сменить место работы у работников социально ответственных предприятий, которые не нарушают трудовое законодательство ниже, чем у работников социально не ответственных предприятий. А дополнительно к соблюдению трудового законодательства социальное инвестирование в виде предоставления социальных льгот также способствует снижению вероятности ухода работника.

Литература

1. Drucker P.F. The new meanings of corporate social responsibility // California Managment Review. 26 (2), 1984, 53-63. Приводится по: Благов Ю.Е. Кор-

поративная социальная ответственность: эволюция концепции. СПб.: Изд-во "Высшая школа менеджмента", 2011. 272с., с.152.

2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3. №5. с.60-74.

3. Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 год / Под общей ред. С.Е. Литовченко – М.: Ассоциация Менеджеров, 2004 г., с.26.

4. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект. М.: КНОРУС, 2008., с.179.

5. Там же, с.183.

6. Доклад о социальных инвестициях в России – 2008 / Ю. Е. Благов (и др.); под общ. ред. Ю. Е. Благова, С. Е. Литовченко, Е. А. Ивановой. – М.: Ассоциация Менеджеров, 2008. – 92 с.

7. Исследование: Социальные аспекты проявлений глобального экономического кризиса в России: (сентябрь 2008 – май 2009). Российский союз промышленников и предпринимателей. Доступ через: < <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/simplepage/150>>.

Биоэтика и философские вопросы медицины и психологии

ВИЧ (СПИД) КАК НАУЧНАЯ И/ИЛИ МОРАЛЬНАЯ ПРОЛЕМА

Д. В. Шаньшин

Алтайский государственный технический университет

Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор»

linaba@mail.ru

Проблема ВИЧ (СПИД) относится к наиболее распространённым (и активно распространяющимся проблемам) в масштабах всего человечества. По оценкам всемирной организации здравоохранения, в 2010 году ВИЧ - инфекцию приобрело 2,7 миллиона человек в мире. Из них 390000 детей, то есть на 30% меньше чем в 2002 и 2003 годах, когда число ежегодных новых инфекций среди детей достигало пика 560000. С 2001 года ежегодная заболеваемость ВИЧ снизилась в 33 странах, 22 из которых находилась в Африке к югу от Сахары. Однако в Восточной Европе и Средней Азии заболеваемость вновь начала возрастать после снижения в начале 2000-х годов. На Ближнем Востоке и в северной Африке число новых инфекций также возрастает. В

конце 2011 года в мире насчитывалось 34,2 миллиона людей с ВИЧ. В том же году около 2,5 миллиона человек приобрели инфекцию, а 1,7 миллиона человек, в том числе 230000 детей, умерли от СПИДа. Вышеприведенные цифры убедительно показывают значимость и необходимость решения или минимизации проблемы распространения ВИЧ (СПИД).

Конечно принимаются меры для того, чтобы во-первых, остановить распространение ВИЧ (СПИД). Во-вторых, минимизировать негативные последствия для людей с ВИЧ (СПИД). ВОЗ определило ряд направлений, конкретизированных в программах, которые могут привести к победе над ВИЧ/СПИД:

- расширение и максимальный доступ к лечению;
- обеспечение наилучшей помощи людям с ВИЧ/СПИДом и их семьям;
- расширение доступа и участие в тестировании и консультировании в отношении ВИЧ, для того, чтобы люди могли узнать свой ВИЧ-статус;
- усиление системы здравоохранения, для того, чтобы они могли доставлять качественные и устойчивые программы и услуги в области ВИЧ/СПИДа;
- улучшение информационных систем в области ВИЧ/СПИДа, включая эпиднадзор, мониторинг, оценку и оперативные исследования.

Кроме того, финансируются многомиллионные исследования, к в области создания новых лекарств, мониторинга так и создания экспериментальных вакцин.

Однако смогут ли эти меры привести к полной победе над ВИЧ/СПИД? Вопрос можно переформулировать Является ли СПИД(ВИЧ) исключительно медицинской и научной проблемой? Ведь она скорее социальная, морально-этическая проблема. Передача ВИЧ может происходить только через разные жидкости организма, такие как кровь, грудное молоко, семенная жидкость и вагинальные выделения. Люди не могут заразиться при обычных повседневных контактах, такими как поцелуи, объятия и пожатие рук, или совместном пользовании личными предметами и употреблении продуктов питания или воды. Это означает что если человек ведет «правильный» образ жизни, не изменяет своему супругу (отсутствуют случайные половые контакты), не употребляет наркотики и.д., то вероятность заражения ВИЧ-1 становится исчезающе малой. Только такой путь, путь когда люди осознают полную ответственность за свое поведение может привести к решению проблемы ВИЧ/СПИД.

А меры, которые принимает сегодня мировое здравоохранение только мешают этому. Многочисленные антиретровирусные препараты не излечивают полностью, однако снимают психологический тормоз в поведении ВИЧ-1 позитивных людей и тех кто с ними общается. Получается что заражение ВИЧ-1 это не так уж и страшно ведь у нас есть лекарства. Подобным образом влияет и разработка вакцины против ВИЧ-1. Люди думают раз у нас скоро будет вакцина против ВИЧ-1, мы будем использовать ее и нам ничего не грозит. Отрицательно влияют различные программы помощи наркозави-

симым. Работа с наркоманами дает остальным сигнал, что наркоманы - это больные, они ни в чем не виноваты. Тем самым молодежь не видя в этом пороке угрозы, ведь в случае чего помогут и спасут. Таким образом наука и медицина не могут решить эту проблему, они раздувают ее и усложняют.

Кардинальное решение проблемы - это изменение мировоззрения. Смена ориентиров. Традиционные ценности не допускающие половых отношений до брака и вне брака. Отказ от гедонизма и поиска развлечения в наркотических веществах. Ориентация на здоровый образ жизни. Только это может привести к перелому в сознании человека в целом, в осознании проблемы ВИЧ (СПИДа), в формировании общезначимых человеческих ценностей, но не как не наука и не медицина.

АСПЕКТЫ БИМЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ В ОТНОШЕНИИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ

А. Г. Фомичев

Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор»
lordgdenadich@mail.ru

Точное происхождение первых ВИЧ-инфицированных не известно. Среди первых ВИЧ-инфицированных в начале 80-х гг. в США и Западной Европе оказались гомосексуалисты и потребители инъекционных наркотиков. Поэтому и в России диагноз ВИЧ-инфекция ассоциировался с изгоями общества, ВИЧ-позитивные люди – с асоциальными группами, а естественной реакцией общества было стремление исключить этих людей из социума, впрочем как и саму проблему. Отношение общества к людям, живущим с ВИЧ, до сих пор остается негативным, основанным на стереотипах, страхах и предвзятых суждениях, сформированных в течение десятилетий («СПИД – чума 20 века»). Однако для ВИЧ-инфекции не существует традиционных границ и преград, таких как национальность, возраст, пол и т.д. ВИЧ-позитивными, могут оказаться родственники, друзья, соседи и другие близкие люди. Проблема ВИЧ/СПИДа давно перестала быть только медицинской и перешла в область социально-этических взаимоотношений.

Основными социально-этическими вопросами, обсуждаемыми в связи с ВИЧ/СПИДом являются следующие. 1. Социальная интеграция и помощь людям, живущим с ВИЧ/СПИД. 2. Ответственное поведение людей, живущих с ВИЧ/СПИДом. 3. Адекватное отношение людей, в чью жизнь ВИЧ не вошел как собственная болезнь или болезнь близких. 4. Роль медицинского персонала. С одной стороны, медики призваны оказывать медицинскую помощь ВИЧ-инфицированным людям, а с другой – снижать психологическое напряжение, связанное с ВИЧ-статусом, помочь интегрировать ВИЧ-позитивных людей в общество. 5. Профилактика и формирование в обществе стереотипов безопасного поведения. Особое внимание следует обратить на

особенности этико-психологической работы специалистов, работающих с ВИЧ-позитивными людьми. Многие из них вынуждены жить в условиях стигматизации и дискриминации. Поэтому лица, осуществляющие лечение и уход, должны соблюдать конфиденциальность, хранить врачебную тайну, чтобы не раскрыть окружающим ВИЧ-статус пациента. В противном случае врачебная ошибка может дорого обойтись пациенту: не только сломать его карьеру, разрушить семью, но иногда и способствовать суицидальным попыткам.

Грубейшим нарушением профессиональной медицинской этики является разглашение соответствующего диагноза. Имеется огромное множество примеров, когда такого рода неэтичное и противозаконное поведение медицинских работников инициировало дискриминацию, а то и прямое насилие по отношению к вирусоносителям или больным СПИДом. Этические нормы гласят: там, где идентифицирующие признаки не требуются формой проведения исследования, они не должны включаться в записи. Если они включаются в записи, то должны быть по возможности изолированы от остальных данных и храниться в надёжном месте, причём восстановление их связи с данными исследования возможно только в случае необходимости для проведения контроля исследования. Списки лиц, отказавшихся от участия в исследовании, не подлежат сохранению. Участникам исследования должны быть даны чёткие и правдивые объяснения о порядке хранения и использования, касающейся их персональной информации.

Наряду с разглашением диагноза, отказы врачей и других представителей медицинской профессии оказывать помощь ВИЧ-инфицированным - едва ли не самая напряженная с точки зрения медицинской этики проблема. Врачи ссылаются на недостаточную специальную подготовку, страх перед инфицированием, отвращение к гомосексуалистам, наркоманам или другим представителям «групп повышенного риска», а также на опасения отпугнуть других пациентов. Между тем подобный отказ не отвечает не только нормам медицинской этики и этики вообще, но и требованиям Закона РФ "О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)".

Принцип добровольного информированного согласия, являющийся аксиомой для всех видов биомедицинских исследований с участием человека, равным образом действует и в отношении исследований в области ВИЧ/СПИДа. Специальными обстоятельствами является необходимость учёта всего комплекса проблем, связанных со спецификой контингента участников. Информация, предоставляемая потенциальному участнику исследования в области ВИЧ/СПИДа должна учитывать социальную уязвимость контингента (возможность факторов страха, давления и других элементов непрямого влияния на принятие решения), стадию процесса (например, тот факт, что при осложнениях, связанных с поздними стадиями СПИДа может развиваться слабоумие, ограничивающее способность испытуемых к принятию осознанных решений и требующих соблюдения условий получения согласия, преду-

смотренных для данной категории уязвимых контингентов). Исследовательские Протоколы должны учитывать эту возможность, а Комитет по Этике должен гарантировать адекватную оценку полноты и доступности информационного обеспечения и защиту испытуемых от неадекватных условий процесса получения информации и принятия решения.

Особого внимания в исследованиях в области ВИЧ/СПИДа имеет соблюдение этического принципа баланса пользы/риска и их справедливого распределения среди участников исследования. Исследование вакцин и различного вида лечебных средств, ставит трудные вопросы об уровне приемлемого для испытуемых риска в условиях отсутствия эффективной терапии и неизбежности на современном этапе развития медицины, фатального исхода заболевания.

Эти обстоятельства выдвигают следующие значимые вопросы, требующие решения и рассмотрения во время этической экспертизы: Могут ли ВИЧ-инфицированные пациенты включаться в группу плацебо, не получающую потенциальных выгод от исследуемого средства? Каким образом должны отбираться испытуемые для получения исследуемого средства (метод селекции и решения конфликта исключения лиц, не проходящих под критерии включения)? Этично ли, и при каких обстоятельствах можно включать здоровых людей, хотя и находящихся в группе риска, но ещё не ВИЧ-инфицированных, участвовать в испытании вакцин против ВИЧ?

В медицинских кругах высказывается мнение, что для успешной борьбы с эпидемией СПИДа необходимо соблюдение четырех этических принципов: уважение пациента, не нанесение ему вреда, милосердие и справедливость. Уважение предполагает отношение к пациенту как автономной личности, которая имеет право осуществлять контроль над своей собственной судьбой. Оно включает право на тайну личной жизни и соблюдение принципа «информированного согласия». Принцип не нанесения вреда налагает определенные ограничения на свободу выбора индивидом норм поведения, если его действия могут нанести вред другим людям. Милосердие требует, чтобы все действия лиц медицинской профессии совершались во имя интересов и ради благополучия пациентов. Принципы уважения и милосердия предполагают, что врачи обязаны информировать людей до тестирования и сообщать им результаты проверки крови с соответствующими рекомендациями медицинского и психологического характера. Эти принципы, наряду с принципом не нанесения вреда требуют, чтобы лицо, ведущее рискованный образ жизни, несло моральную ответственность перед другими лицами, которых оно может подвергнуть риску заражения. Принцип справедливости требует, чтобы все блага и тяготы конкретных действий справедливо распределялись между личностью и обществом. Он воспрещает применение к пациентам каких-либо мер дискриминации. Принцип справедливости требует такого распределения издержек здравоохранения, чтобы они не ложились тяжким бременем только на больницы, но и не обрекали бы пациентов лишь на общественную благотворительность.

Изолировать следует инфекцию, а не пациента. Поскольку известны всего три пути передачи ВИЧ – половой, через кровь и от матери к ребенку – нет оснований применять по отношению к инфицированным людям карантинные или другие ограничительные санитарные меры. Детальное изучение болезни специалистами позволило прийти к заключению об отсутствии острой контагиозности при СПИДе. Чрезвычайные меры, какими бы благими намерениями они не объяснялись, могут привести к остракизму больных. Задачей медицинских работников в такой ситуации должна быть профессиональная и моральная поддержка своих пациентов.

Предложенные и рассмотренные аспекты проблемы могут послужить основой для совершенствования этических подходов в медицине по отношению к контингенту ВИЧ/СПИДа.

ПРИНЦИП «ДЕЛАЙ БЛАГО» В БИОЭТИКЕ

Н. В. Цепелева

Новосибирский государственный медицинский университет
cepelevanv@mail.ru

В биоэтике идея блага (добра) находит оформление в биоэтическом принципе и требовании «делай благо». «Делай благо» означает «твори добро». Принцип «делай благо» акцентирует необходимость не просто избегать нанесения вреда, но активных действий по его предотвращению или исправления. Принцип «делай благо» в биоэтике в отличие от этики вообще понимается как моральный идеал, а не моральное обязательство, поскольку никто не требует от человека самопожертвования и альтруизма в ущерб своему здоровью (например, предложить для пересадки незнакомому человеку собственную почку).

Мы полагаем, биоэтическая проблема «Что есть благо пациента?», проблема, касающаяся содержательного наполнения категории блага, является не только узловой биоэтической проблемой, но и фундаментальной проблемой этического знания. В свою очередь последняя выводит нас на весь комплекс мировоззренческих проблем, касающихся онтологических и антропологических оснований этики. Не случайно этика – последний раздел философского знания, названный И. Кантом «практическая философия».

Добро в этике – этическая категория, обозначающая совокупность положительно оцениваемых нравственных действий, принципов, норм поведения, условий жизни. Добро есть то, что позволяет человеку и обществу жить, развиваться, благоденствовать, достигать гармонии и совершенства. В понятии добра люди выражают свои наиболее общие интересы, устремления и пожелания на будущее, которые выступают здесь в виде абстрактной моральной идеи о том, что должно быть и заслуживает одобрения. С помощью идеи добра люди оценивают все происходящее вокруг них, общественные явления и

действия отдельных лиц. В зависимости от того, что именно подвергается оценке (поступок, моральное качество личности, взаимоотношения людей или состояние общества в целом), понятие добра приобретает форму более конкретных понятий – добродейания (благодейание), добродетели, справедливости и др.

К понятию добра очень близко по содержанию понятие блага. Благо – общее понятие, употребляемое для обозначения положительной ценности предметов и явлений окружающего человека мира. Различают материальные и духовные блага, утилитарные, эстетические и др. Одна из разновидностей блага – моральная ценность, добро. Добро – в широком смысле слова, как благо, означает, во-первых, ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоторому стандарту, во-вторых, сам этот стандарт.

В биоэтике, казалось бы, этот момент преломляется в представлении, что благо – здоровье пациента, это ценность жизни, которая требует заботы и сохранения. Соответственно, все, что способствует сохранению здоровья оценивается, естественно, как благо. Однако не все так просто и очевидно. В этике ценность жизни, ценность здоровья человека в аксиологической иерархии многих этических учений стоит гораздо ниже абсолютных духовных ценностей. Поэтому в этике (и прежде всего в религиозно окрашенной этической системе) возможно существование идеи самопожертвования как нравственного требования. Следующая концептуальная особенность трактовки блага в этике и биоэтике связана с различием абсолютного и относительного добра. Понятие добра, ассоциированное с благами, И. Кант считал «эмпирическим», а безусловное добро – «понятием разума». Сведение понятия добра к отдельным положительным качествам, сопровождающим события и явления, которые люди воспринимают как добро, другой философ Дж. Э. Мур обозначал как натуралистическую ошибку. Последняя, по свидетельству Р. Хэура, заключается в том, что в определении конкретных событий, явлений и характеров как «добрых» (good) и «хороших» (good) смешиваются их дескриптивные и прескриптивные (нормативные) характеристики. Различие между натуралистическим (в муровском понимании этого слова) и этическим пониманием добра соответствует различению добра в относительном и абсолютном смысле. При одном понимании «доброе» – это значит хорошее, то есть приятное, полезное, важное, а значит ценное ради чего-то другого. При этом здесь возможны два плана рассмотрения добра:

- как характеристики, соотношенной с некой потребностью или интересом человека (родового или частного);
- как искусственное и надуманное представление [7].

Такое понимание добра высказали софисты и позднее Ницше. При другом понимании «доброе» есть выражение добра как такового, то есть ценного само по себе, не обусловленного внеморальными качествами. В феноменологической теории ценностей, например М. Шелера, эта идея выражена в положении о том, что предметом этики являются не суждения о добре, истори-

чески и культурно вариативные, а то, чем добро является само по себе. Это и есть представление об абсолютном добре.

Беоэтические представления о благе, связанные с либеральной методологической позицией, в полной мере укладываются в представления об относительном добре. Но мы обращаемся к сфере медицинских услуг, чтобы сохранить, вернуть свой определенный уровень здоровья, необходимый нам для других целей (материальных и духовных в том числе). При этом здоровье для нас не является абсолютной самоценностью, поскольку существуют высшие, абсолютные самоценности, например понятие о Боге, жизнь с Богом и многие другие. Отсюда идея автономии пациента, его свободного самоопределения в жизни, ответственности за свою судьбу и здоровье в том числе, отказ от лечения, аборт, запрет на аборт, самопожертвование, если человек сознательно, взвесив все «за» и «против», делая нравственные и духовные, а может и правовые выводы, из принятого решения, осуществляет свой выбор. Автономия и есть форма личной свободы, при которой индивид совершает поступки в соответствии со свободно выбранным им решением. Врач не вправе решать за пациента или занимать позицию человека, свысока оценивающего выбор пациента. Нравственная ценность автономии столь высока, что благодеяние врача вопреки воле и желанию пациента является недопустимым.

Проблема статуса добра в этике имеет не только аксиологический, но и структурно-нравственный аспект – в особенности в отношении с долгом. Суть этико-теоретической антитезы добра и долга заключается в вопросе о приоритете в морали ценностного или императивного начала. В ее решении в истории философии прослеживаются две тенденции: 1) согласно одной, которую можно назвать «этикой блага», понятие «добра» является основополагающим в морали; 2) согласно другой тенденции, которую условно можно назвать «этикой долга», определяющим понятием является понятие должного [7].

При втором подходе характер добра оказывается абсолютным лишь в аксиологическом и содержательном отношениях, но относительным в функциональном отношении. Так, например, по Канту, поступок, сообразный с предопределенной волей, есть «сам по себе доброе», однако максима воли, определяющим основанием которой является закон, есть высшее условие всего доброго. В этом контексте представление о добре самом по себе отчасти лишается смысла, на что обратил внимание Г.В.Ф. Гегель, писавший, что в той мере, в какой содержание добра определяется законами и нравами государства, добра ради добра не может быть. Впрочем, в рамках самого морального сознания ценностные и императивные суждения взаимооборачиваемы: поскольку моральные требования императивно значимы не сами по себе, а в отношении несовершенной человеческой воли, должное обусловлено добром как ценностью; и, наоборот, действительное добро возможно как добродетель, то есть как практическое и деятельное исполнение человеком долга.

Эта проблема фигурирует в биоэтике как методологическая проблема поиска оснований в решении биотических проблем. Биоэтика возникает как

составная часть теории морали. Призванная быть регулятором нравственного отношения к живому, она оформляется как социальный институт, обслуживающий интересы медицины и здравоохранения. В результате деонтологическая составляющая в ней становится доминирующей, а аксиологическая утрачивает свое ценностнообразующее значение. Разработка принципов нравственного отношения к живому постепенно уступает место формализованному регулированию поведения людей в данной сфере, вытесняя собственное этическое содержание. Это приводит к тому, что биоэтика утрачивает функцию нравственного фильтра в биомедицинской сфере. Как отмечается во многих исследованиях, препятствовать дегуманизации биоэтики можно, вернув ей предписанную роль феномена культуры [1,4,6]. В этом случае статус биоэтики как культурного комплекса в наибольшей степени удовлетворяет потребностям общества в ее гармоничном развитии, позволяет сохранить связь биоэтики с общечеловеческими ценностями культуры в контексте ее национальных особенностей. Позитивизм, прагматизм, утилитаризм, постмодернизм в попытках методологического конструирования биоэтики, напротив, приходят к одному и тому же результату – к ее деаксиологизации.

Отечественная философия и этика никогда не занималась специально исследованием проблем биоэтики, поскольку предмет ее интереса – добро, зло, свобода, совесть – поглощали данную тематику. Решение вопросов нравственного отношения к жизни, смерти и здоровью находилось в русле философского дискурса о свободе в целом, целостности личности и ее духовности. Но именно такой подход, как это ни парадоксально, способен сохранить аксиологический потенциал современной биоэтики и, что самое важное, резче очертить предмет биоэтического исследования и изучения в отличие от предмета исследования биомедицинской этики.

Литература

1. Засухина В.Н. Биоэтика как аксиология жизни в современной России. – М.: ЛЕНАНД, 2012.
2. Корженьянц Б. Парацельс // Мир огненный. - 1994. - №5. - С. 86-87.
3. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра / Н.О. Лосский. – М.: Республика, 1991.
4. Основы биоэтики: учебное пособие / под ред. Я.С. Яскевич, С.Д. Денисова. – Минск: Высш.шк., 2009.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 09.03.2013).
6. Седова Н.Н., Сергеева Н.В. Биоэтика в пространстве культуры: монография. - М.: Триумф, 2010.
7. Этика: Энциклопедический словарь / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.Р. Апресян. – М.: Гардарики, 2001.

ПРОБЛЕМА ПРИЛОЖЕНИЯ ПРИНЦИПОВ БИОЭТИКИ К РАБОТЕ ПСИХОТЕРАПЕВТА И КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА: ПРИНЦИП «НЕ НАВРЕДИ»

И. С. Кудряшов

Новосибирский государственный медицинский университет

Новосибирский государственный университет

legat1983@gmail.com

1. Биоэтика как отдельная сфера знания, несмотря на относительную молодость, в наши дни претендует на роль определяющей в любой деятельности, связанной со здоровьем. Принципы биоэтики позволяют прояснить этические следствия, вытекающие из фигуры и долга врача. Проблема в том, что вопросы здоровья затрагивают не только врачей и медицинских работников. Психотерапевты и психоаналитики работают на стыке медицины и психологии, поэтому прямой перенос моделей общения врача и пациента на их деятельность вряд ли уместен. В системе российского образования уже взят курс на изучение биоэтики всеми специалистами, работающими в сфере здравоохранения. Этот фактор позволяет выявить две серьезных проблемы, связанных с психотерапией и клинической психологией.

2. Во-первых, это проблема конкретизации понятия «психическое здоровье» в принципах биоэтики. Ключевой биоэтический принцип «Не навреди» наглядно очевиден для вопросов физического состояния организма, но в плане психики остается крайне двусмысленным. Соответствие биоэтическим принципам деятельности врача может быть подтверждено эмпирическими исследованиями (с опорой на физиологические нормы), а в работе клинического психолога или психотерапевта любые эффекты будут описываться лишь в рамках методологии и теории, которым он следует. Это означает, что правило «Не навреди» для физического вреда может быть установлено объективно, а для психологического – обусловлено выбранной теорией. Проблема в том, что принципы биоэтики слабо конкретизированы для психологического здоровья.

3. Во-вторых, биоэтические принципы не совпадают, а иногда и вступают в противоречие с методологическими основаниями некоторых школ и подходов в психотерапии. И если психолог принадлежит к такой методологии, то он оказывается перед выбором: отклоняться от принципов биоэтики, отклоняться от методов (теории которую он разделяет) или эклектически сочетать их. Эта проблема вытекает из того, что биоэтические принципы ориентируются на фигуру врача. Врач – не только профессия, но и определенная речевая и социально-психологическая позиция. С конца 19 века в психотерапии настойчиво был поставлен вопрос об ограничениях во взаимодействии с клиентом/пациентом, которые накладывает на терапевта идентификация с позицией врача. В 20 веке ряд течений и направлений в психологии (психоанализ,

гуманистическая психология, антипсихиатрия и др.) создавали методологические подходы, базирующиеся на отказе от позиции врача. К концу 20 века мы получили ситуацию, в которой методологические основания ряда психологических теорий просто не могут быть согласованы с биоэтическими принципами, эксплицированными из фигуры врача.

4. Анализируя эти две проблемы, мы приходим к выводу, что существует две альтернативы: либо биоэтические представления нуждаются в серьезной разработке (для применения к психотерапии без потери специфики), либо биоэтика должна ограничиться врачебной деятельностью, оставив психотерапии самой разрабатывать собственную этически обоснованную методологию. Чтобы обосновать выбор того или иного подхода следует подробно рассмотреть примеры такой несхожести и противоречия. Рассмотрев ключевые принципы биоэтики, мы отметим проблемы, которые возникают с ними в области психотерапии и клинической психологии. В качестве базовых принципов обычно выделяют четыре: «не навреди», «делай благо», «уважай автономии пациента» и «будь справедлив». Необходимо рассмотреть все, но для начала остановимся на ключевом принципе «не навреди».

5. Принцип «Не навреди». Для врача этот принцип всегда четко конкретизирован. Вред может происходить от бездействия, от ошибки или некомпетентности, а также быть результатом сознательного умысла. В то же время вред допустим, если он обоснован как форма лечения и не превышает полученного от такого лечения блага. У врачей всегда остается возможность четко определить, что считать вредом (экспертизы и консилиумы).

Вред, нанесенный психическому здоровью, четких критериев и форм удостоверения пока не имеет. В крайних случаях есть очевидность вреда (например, при «развязывании психоза» или явных антисоциальных действиях), но даже в них доказательства причинно-следственной связи (это случилось по причине воздействия психотерапевта) проблематичны. Школы психотерапии вырабатывают свои критерии удачи-неудачи лечения, но их многообразие не позволяет вывести единое представление о психическом здоровье.

Возникает ряд вопросов. Должен ли нести ответственность психотерапевт за ущерб, который возникает из-за ошибки, допущенной в теории, согласно которой он лечит? Эта проблема не тривиальна, т.к. теории часто подвергаются критике, что может дискредитировать практикующих психологов. Выбор теории в конечном счете определяется не только результативностью (а ни один метод не дает 100% успехов), но и мировоззрением терапевта. Поэтому с одной стороны, если он ответственен за подобный вред, то это открывает путь для манипуляций (иски о моральной компенсации, осуждение личности психолога и т.д.). С другой стороны, безответственность в выборе методов и подходов в конечном счете поощряет и безответственность в отношении пациента, хода лечения. Психотерапевт должен подтверждать свою компетенцию среди коллег по методологии, равно как и ошибки могут быть определены только исходя из нее, но не из другой методологически несхожей теории. Подобный плюрализм имеет свои плюсы и минусы. Например, то,

что для одной теории «вред», в другой может рассматриваться как «побочный эффект», «симптом, говорящей о стадии лечения» или даже «необходимая составляющая лечения».

Также в анализе этики врачебной деятельности игнорируется существование бессознательных мотивов. В психотерапии с проекциями и трансферами приходится иметь дело довольно часто. Поэтому в рассмотрении возможности вреда, следует отдельно выделить еще и бессознательный умысел. Нужно детально рассмотреть бессознательный умысел (контртрансфер) – как причину удачного и неудачного лечения.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Е. О. Илюхина

Новосибирский государственный медицинский университет

Ilyukhina95@mail.ru

Психология в России как практическая деятельность достаточно отчётливо разделена на два сообщества: психологов-исследователей и психологов-консультантов. Исследователи работают в модели «чистой науки», при этом парадигмально исходят из «методологического анархизма» по Фейрабенду, впрочем, зачастую не подозревая, в какие глубины философии науки погружена их деятельность [2]. Консультанты формируют рынок психологических услуг, при этом, не особенно вникая в теоретические и методологические основания своей профессии.

Рынок психологии в России еще не так насыщен профессиональными психологами, как в некоторых других странах нашей планеты. Но всё же есть много «профессионалов», которые стараются заполнить этот пробел. В результате возникают большие проблемы. Причина этого является некомпетентность и неграмотность многих людей, называющие себя специалистами в области психологии и психотерапии, которые лечат все психические болезни и решают все проблемы. Настоящих специалистов в России, по отношению ко всем (кто себя считает) специалистам, достаточно мало, и поэтому большинство обычных людей могут попасть к этим самым «специалистам», которые, в большинстве случаев, далеко некомпетентны в своей деятельности. Более того, многие изучают разные концепции решения проблем людей, например концепция Фрейда, его последователей, Маслоу, Айзенка и других, глубоко не вникая в суть этих концепций. Они просто «выучивают их», принимают как за правду, замечают, что они работают, и просто пользуются ими. На остальное просто не обращают внимание. Но ведь кто сказал, что эти концепции могут быть верными на сто процентов? Они могут иметь больше субъективное значения создателя этой самой концепции. И проблема состоит в том, что эти самые психологи - «специалисты» не желают зайти в самую

суть, посмотреть в основу, в начальную ступень внутренней части души человека. Они смотрят только на поверхность своих клиентов/пациентов. А ведь эта самая поверхность обусловлена социальным влиянием, влиянием СМИ, религии и других структур, которые задают темп жизни и мыслительную деятельность людей [1]. Если заглянуть в эту самую основу человеческой сущности, то можно найти верный корень решения многих проблем.

Эта неосмотрительность влияет так же на желание людей ходить к психологам, многие просто не желают идти к ним, считая психологов ненормальными, шизофрениками, людьми, которым самим пора в психотерапевтическое отделение (психоневрологический диспансер). Самое опасное в этом плане, когда психолог наносит моральный вред людям, которые к нему обращаются. Психолог – это хирург психики, и его операции могут быть также нелицеприятны для непосвящённых. А при недостаточном профессионализме это может привести к серьёзным последствиям, вплоть до летального исхода. Но не только этот момент влияет на нежелание многих людей обращаться за психологической помощью. У нас в России не сформировалось понимание роли психолога. Большинство людей думают, что в психологах просто нет смысла, ведь можно обратиться к знакомым, друзьям, близким, алкогольным и наркотическим средствам за моральной помощью. А потом получается, что наша страна по мировым показателям одна из пьющих в мире. Хотя на самом деле в настоящее динамическое время психологическая диагностика и помощь нужны везде: в садах, школах, университетах и других образовательных учреждениях, а так же заводах, предприятиях, судах, больницах и многих других учреждениях.

Еще одна не менее важная проблема в работе психолога, это противоречия между правами человека и потребностью психологической помощи, требованиями профессионального психолога эту помощь оказывать. Как же быть, когда нужна помощь, а «билль» о правах человека не позволяют вмешиваться в личное пространство человека? Ведь бывают такие критические ситуации, когда просто необходимо нарушить границу, поставленную психологам в их правилах, подействовать в условиях, когда клиент не знает о манипуляции психолога, чтобы сохранить целостность психики и жизни клиента, это в таких случаях, когда клиент сам не знает, как принять верное для него решение. Но тут назревает другая проблема: какова вероятность того, что психолог сам не ошибётся? Возникает возможность нанесения вреда, которого психолог не предусмотрел. Да, есть случаи, где этот «тонкий» метод решения проблемы может дать положительный результат, но есть и такие, где психолог сам может недостаточно знать, чтобы точно вынести решение проблемы [4]. Еще больше усложняется эта проблема, когда задумываешься над тем, что когда клиент сам приходит к психологу, он невербально дает согласие на нарушение своих прав, причем сознательно зная, что психолог «зайдет», в глубины его (клиента) души, глубины переживаний, мечтаний, о которых он родным сказать боится, а в данном случае, он пришел к человеку, которого совсем не знает.

Однако проблема, описанная выше о некомпетентности многих психологов, несёт в себе опасность того, что в случае нарушения человеческих прав, эти психологи сами не знают, зачем нарушают права людей. Это как раз про то, что большинство психологов просто используют концепции «в слепую», не заглядывая в их суть [3].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что все вышеперечисленные проблемы связаны между собой, взаимодополняют друг друга, создавая серьёзную «запутанную нить», которая может понести, и во многих случаях такого небрежного отношения психологов, несёт широкомасштабный ущерб морального, физического и даже материального характера людям, обращающимся к малограмотным специалистам.

Эти злободневные проблемы в психологической сфере требуют незамедлительного и тщательного поиска решения.

Литература

1. Гор А. Атака на разум. СПб., Амфора, 2008. 479 с.
2. Глебов Е.В. Современная нейрогносеология: проблемы и перспективы. // Материалы Четырнадцатой международной ежегодной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов «Наука. Университет. 2013». Новосибирск: Изд-во Сибпринт, 2013. С. 15 – 19
3. Ramachandran, Vilayanur S., *Phantoms in the Brain*. Harper Perennial, N.Y., 1991
4. Е. О. Илюхина. Проблемы в работе психолога с точки зрения философии // Материалы IV Российской (итоговой) научно-практической конкурс-конференции студентов и молодых ученых «Авиценна–2013»: в 2 т. — Новосибирск: Сибмедиздат НГМУ, 2013. — Т. 2. — 301 – 302 с.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСАДКИ ОРГАНОВ

Ю. С. Бахарева
НИИ терапии СО РАМН
linaba@mail.ru

Применение различных технологий трансплантации органов и тканей имеет ряд ограничения, как медицинского, так и этико-правового характера. Они связаны в первую очередь с ключевыми этапами технологии трансплантации — констатацией смерти человека, изъятием (забором) органов и/или тканей, распределением органов и/или тканей между реципиентами, коммерциализацией трансплантологии.

В настоящее время в мире в области донорства органов и тканей человека действуют три основных вида забора органов у трупа: рутинное изъятие, изъятие в соответствии с принципом презумпции согласия и изъятие в

соответствии с принципом презумпции несогласия человека на изъятие органов из его тела после его смерти.

Самый распространенный в настоящее время вид донорства — это изъятие органов и/или тканей у мертвого человека. Данный вид донорства связан с рядом этико-правовых и религиозных проблем: констатации смерти человека, добровольного волеизъявления о пожертвовании собственных органов после смерти для трансплантации, допустимость использования тела человека в качестве источника органов и тканей для трансплантации с позиций религии. Решения этих проблем отражены в ряде этико-правовых документов международного, национального и конфессионального уровня.

Девиз современной трансплантологии: «Уходя из этой жизни, не забирай с собой органы. Они нужны нам здесь». Однако при жизни люди сравнительно редко оставляют распоряжения об использовании своих органов для трансплантации после своей смерти. Это связано, с одной стороны, с действующими в конкретной стране правовыми нормами забора донорских органов, а с другой стороны — с субъективными ограничительными причинами этического, религиозного, морально-психологического характера.

Почти в 40 странах мира приняты законы или разделы в Конституции, регулирующие основные этапы национальных трансплантационных программ, основывающихся на учете и признании международных норм в области прав личности, ее свободы и защиты. В ряде стран Европы (Австрия, Бельгия, Испания, Венгрия, Чехия) правовые нормы ориентированы на принцип презумпции согласия; в США, Германии, Канаде, Франции, Италии действует принцип презумпции несогласия («испрошенного согласия»), в соответствии с которым использование органов и тканей человека без юридически оформленного его согласия недопустимо.

В Российской Федерации действует специальный закон «О трансплантации органов и/или тканей человека». Согласно статье 1 «Трансплантация органов и/или тканей от живого донора или трупа может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья. Изъятие органов и/или тканей у живого донора допустимо только в случае, если его здоровью, по заключению консилиума врачей-специалистов, не будет причинен значительный вред» [4, с. 32] В основу закона РФ «О трансплантации органов и /или тканей человека» положен принцип презумпции согласия.

Несмотря на большие перспективы в области оказания медицинской помощи людям, трансплантология остается в значительной степени областью научных исследований и экспериментов. Причиной этого является неготовность общества к восприятию самих идей трансплантации и донорства, что во многом спровоцировано «насаждением» и внедрением с помощью СМИ в сознание обывателя непроверенных и непрофессионально освещенных фактов негативного характера.

С позиции этики, донорство должно быть добровольной, осознанно совершаемой и бескорыстной жертвой. Добровольность возможна при отсут-

ствии принуждения к донорству, опирающегося на родовую, административную, финансовую или иную зависимость, предполагает исключение коммерческой сделки (купли-продажи, в отношениях между донором и реципиентом). Обязательным этическим условием является предоставление врачом полной информации о возможном риске в отношении здоровья и социального благополучия (трудоспособности) потенциального донора, а так же о шансах на успех для предполагаемого реципиента. Общество должно дать гарантии правовой и экономической защищенности донора как хотя бы минимальную плату за высочайшую гуманность его поступка: гарантировать все расходы, связанные с операцией эксплантации органа или его части и с возможными последствиями этого вмешательства.

Современная клиническая трансплантология, в основе которой лежит хирургический метод, - это десятки тысяч пациентов, получивших вторую жизнь после пересадки органов; это сотни тысяч пациентов, получивших высокое качество жизни после трансплантации им различных тканей. Качество жизни (КЖ) пациентов в течение 10 лет после операции пересадки сердца нередко превосходит таковое у больных после реконструктивных операций на сердце.

Оптимальным способом решения биоэтических проблем трансплантации является терапевтическое клонирование органов и тканей — создание донорских органов с использованием генетических технологий. В настоящее время активно проводятся эксперименты по получению хрящевой, мышечной и других тканей. Данный способ не требует вторжения в какой-либо организм (живой или мертвый) с целью забора из него органов, является наиболее эффективным в восстановлении утраченного здоровья и улучшения качества жизни пациентов. Однако пока только речь идет именно об экспериментальной стадии. Именно поэтому очень важна разъяснительная, пропагандистская, просветительская работа, ориентированная на изменение этических основ восприятия самого процесса трансплантации, с одной стороны. И, с другой, четкое разработанное законодательство в этой области.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ЭТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ АНТИТЕЛ

А. П. Рудометов

Алтайский государственный технический университет
Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор»
linaba@mail.ru

«Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» (Альберт Швейцер)

Одной из актуальных и обсуждаемых биоэтических проблем современности, сравнительно мало изученных в современной России, является проблема

использования жестокого обращения с животными в целом, и вопросы, связанные с опытами над животными в частности. Если до середины XX годов данная сфера практически не проблематизировалась на теоретическом уровне (хотя первые законы о защите животных появились в начале XIX века), то в последние сорок лет активно идут споры относительно этической позволительности опытов над животными. И даже если они проводятся во благо человека и человечества. Аргументация противников опытов над животными, если убрать эмоциональную составляющую, сводится к следующему: отсутствие права человека на жизнь животных; животные аналогично людям являются субъектами (агентами) жизни и их жизнь бесценна, отсутствие обоснованной необходимости в опытах над животными.

Вариантом борьбы против опытов над животными являются принципы сокращения количества участников эксперимента, минимизация боли, усовершенствование методов исследования, улучшение условий содержания. Более позитивным вектором решения проблема, на наш взгляд, является развитие новых технологий.

Традиционным способом получения антител является иммунизация животных. Суть данного метода заключается во введении в организм животного антигена, в ответ на это организм животного начинает вырабатывать специфические антитела к данному антигену. После того как прошла ответная реакция организма, из животного забирается кровь, из которой в дальнейшем готовится препарат, после этого животное погибает или его усыпляют. Получается, что животное обречено на гибель, причем болезненную. Данный способ получения антител является негуманным и жестоким по отношению к животным.

В 1893 году Ф. Клемперер впервые описал феномен передачи специфических антител против столбнячного токсина из сыворотки иммунизированных кур в яичный желток. По современным данным в одном курином желтке содержится более 100 мг иммуноглобулинов (IgY). Использование куриных антител вместо антител млекопитающих имеет, кроме этических аспектов, ряд экономических преимуществ: за один год из яиц одной курицы можно получить 30–40 г IgY, а с одного кролика, за это же время – 2 г; разнообразие птичьих антител выше, чем у млекопитающих; для иммунизации требуется значительно меньше антигена; по биохимическим свойствам IgY значительно отличается от IgG. Данный метод является этически приемлемым по сравнению с традиционным и позволяет полностью отказаться от использования животных, как реакторов получения специфических антител, так как этот способ не соответствует этике современного общества, от болезненного и жестокого обращения с животными.

IgY технология является ярким примером того, что современные технологии в области микробиологии не стоят на месте, что ученые постепенно отходят от традиционных опытов над животными и стремятся к более этическим методам работы с животными.

Литература

1. Almeida CM, Kanashiro MM, Rangel Filho FB, Mata MF, Kipnis TL, Da Silva WD (1998) Development of snake antivenom antibodies in chickens and their purification from yolk. *Vet Record* 143:579-584
2. Carlander D, Stalberg J, Larsson A (1999) Chicken antibodies. A clinical chemistry perspective. *Upps J Med Sc* 104:179-190
3. Carlander D, Wilhelmson M, Larsson A (2001) Limited day to day variation of IgY levels in eggs from individual laying hens. *Food Agric Immunol* 13:87-92
4. Carlander D (2002) Avian IgY Antibody. *In vitro* and *In vivo*. *Acta Universitatis Upsaliensis, Comprehensive Summaries of Uppsala Dissertations from the Faculty of Medicine* 1119, Uppsala Sweden, University of Uppsala, pp1-153
5. Calzado EG, Marino EC, Chavez TS, Vazquez EL, Ochoa ZC, Schade R (2003) Extraction of a monospecific Coombs-reagent from chicken eggs. *ALTEX* 20:21-25

РОЛЬ БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ТРАВМАТОЛОГИИ-ОРТОПЕДИИ

Т. А. Мыльникова, И. А. Кирилина, В. Т. Подорожная

Новосибирский научно-исследовательский институт травматологии
и ортопедии Минздрава России

tmylnikova@niito.ru

Биоэтику можно назвать новым направлением современной науки. Биоэтика рассматривает моральные и нравственные проблемы в новейших областях медицины, выходящие за рамки традиционной медицинской этики. Современный этап развития определяется стремительным развитием биотехнологий, которые одновременно приносят и новые возможности, и новые опасности для человечества, оказывая влияние на самого человека и изменяя его здоровье [2, 4, 5].

Биоэтика охватывает широкий круг вопросов, рассматриваемых с позиций морали и нравственности, в том числе, связанных с отношением общества к исследованиям, проводимым на биоматериалах человеческого происхождения.

Лаборатория консервации биотканей в Новосибирской области была создана на базе Новосибирского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии в 1959 г.

Более 50 лет в лаборатории разрабатываются и проводятся научные исследования по фундаментальным и прикладным проблемам биоимплантологии. Разработка новых трансплантатов для травматологии-ортопедии, нейрохирургии, офтальмологии, отоларингологии, челюстно-лицевой хирургии

имела большое научно-практическое значение, способствовала интенсивному развитию тканевой трансплантологии в Новосибирской области.

Трансплантаты, заготавливаемые в лаборатории заготовки и консервации биотканей, применяют в травматологии и ортопедии (при костно-пластических операциях, при пластике сухожилий), в нейрохирургии (при пластике дефектов твердой мозговой оболочки и свода черепа), в отоларингологии (при косметических операциях), в офтальмологии (при склеропластике и для протезирования глазного яблока), в хирургической стоматологии (при генерализованных пародонтозах), в челюстно-лицевой хирургии (при анкилозе сустава нижней челюсти, при поражении костной ткани челюсти). Универсальность разрабатываемых трансплантатов заключается в возможности как восстановления целостности ткани, так и замещения костных дефектов [3].

Заготовленные и обработанные в лаборатории заготовки и консервации биотканей института аллогенные трансплантаты широко используются для:

замещения дефектов костной ткани при доброкачественных опухолях и образованиях костей (остеомы, костно-хрящевые экзостозы, остеохондромы, костные кисты и др.);

активизации репаративного остеогенеза при травмах, формировании спондилодеза.

Применение трансплантатов пациентам травматолого-ортопедического профиля в Новосибирском научно-исследовательском институте травматологии и ортопедии позволило облегчить тяжесть имеющихся недугов, а в целом, повысить качества жизни пациентов.

Сегодня биомедицинские технологии прочно вошли в жизнь современного человека, позволяя кардинально изменять качество его жизни. Дальнейшее развитие биомедицинских технологий значительно расширит возможности медицины, делая ее высокоспецифичной и эффективной [1].

Литература

1. Балалыкин Д.А., Киселев А.С., История и современные вопросы развития биоэтики: учебное пособие. - «ГЭОТАР-Медиа», 2012. – 144 с.
2. Гусейнов А.А., Дубко Е.Л., Этика: Учебное пособие для студ. философ. фак. вузов – М., 1999.
3. К 50-летию лаборатории заготовки и консервации биотканей Новосибирского НИИТО // Хирургия позвоночника. - 2009;(3): 113-114.
4. Лебедев С.А. Философия науки. М., - 2011
5. Тоискина Н.Н. Проблемы биоэтики на этапе современного развития // Вестник НГУ. Серия: Психология. - 2011. Том 5, выпуск 2. - С. 94-97.

Антропология и философские вопросы культуры и образования

АРХАИЧЕСКОЕ ТЕЛО СОЦИАЛЬНОГО: ВЫБОР АКТУАЛЬНЫХ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ*

И. А. Кребель

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
krebel@rambler.ru

При постановке вопроса: что значит мыслить? – и при предложенной здесь версии ответа на него, остается значим и сопутствующий разворачиваемой аналитике вопрос: что понимать под «телом социального» в архаической культуре? Насколько концепт «тело социального» допускает рефлексии и какие установки в формировании самого процесса рефлексии он предполагает? – ответ на ряд поставленных вопросов требует принятия допущений о природе мысли и признание их в качестве аксиоматических установок, позволяющих зафиксировать предел, который всегда есть предел конкретной содержательной формы, конкретной логики, конкретного социально приемлемого формата. Допущение и принятие позволяют выйти на/за границу предела и принять как есть такие слабые для рефлексии феномены как «беспредельное», «оно», «бытие», «единое», «реальное», «до/пра-логическое», превращающие «рассудок в амальгаму» (по словам И.Бродского). Аналитика «тела социального» делает актуальным саму возможность реконструкции онтологических оснований логического, которые в истоке фиксируют топографию Логоса и такие зоны рефлексии, которые определены культурой концептом «бессознательное».

Следует договориться, что некоторые допущения следует принять в качестве аксиом, под которыми, в свою очередь, предлагаю понимать установки, которые значимы для осуществления мысли, и которые одновременно есть «жизненное кредо» для разных культур. От их *практического* осуществления зависят такие вопросы, которые зафиксированы такими идиомами как «экология», «экономика», «ценности и мораль», «этика» и «биоэтика».

Практика мысли показывает, что любой ракурсе экологии предполагает и содержит в себе в первую очередь *экологию мысли* в ее прямом значении –

* Работа выполнена в рамках проекта гранта РГНФ № 13-33-01287/13 от 02 июля 2013 г. (Г-287).

«ойкос» - «дом», поэтому семантическое поле соотносимо с архетипом дома, домашнего, близкого и непосредственно значимого, подручного. Здесь анонимная реальность становится обжитой, живой, экзистенциально значимой, наделенной знаками внимания, полем выбора и ответственности за него. Так, аксиоматика включает в себя практику следующих принципов-допущений:

Во-первых, допущение того, что логика есть одна из конвенционально принятых версий Логоса – пути мысли. Логика, как правило, линейна, потому и социально адаптирована, определяет социальный содержательный стандарт и связанные с ним поведенческие нормативы.

Во-вторых, допущение того, что Логос расплавлен в знаковых координатах любой культуры, формирует, определяет и содержит ее сущностные грани. Логос имеет множественность проявлений и в архаических культурах он представлен в формах орнамента, допускающего множественность проявлений, пересечения, пустоты, искривления пространства, многослойность, многоплановость. В этом отношении абсурд, языковые игры – опыт восстановления Логоса, исконных условий мысли, допустимых языком. Работа с языком такого рода восстанавливает первозданность жизненного порядка, в которой логическая семантика, логический синтаксис и логическая прагматика слиты в единое целое, существуют в едином ритме высказывания, а именуемая ими вещь всегда на своем месте, а высказывание сдержанно ответственно. Такое отношение к логике события и Логосу фиксирует живость топоса, переводит *анонимную реальность* в статус *мира* – содержательно близкого, значимого универсума.

В-третьих, допущение того, что мир не есть внешняя сознанию инстанция, но всегда образ мысли: признать, что мир не вне, а внутри нас. Это наше содержательное наполнение реальности, свободное от стандартизированных установок. В этом ракурсе концепт «мира» сопрягается с такими феноменами как «внимание», «ответственность», а полотно мира органично ткани Логоса, и Логос восстанавливает первобытийственную органику – тождественность с Биосом, с Эстезисом, с Праксисом (как анализируют эту размерность логического отечественные авторы В.В. Савчук, А.А. Грякалов).

В-четвертых, допущение того, что такие феномены как мир, реальность, язык, мысль суть сопорядковые явления, они не есть застывшая материя, монументальная конструкция, но качества пластичности и текучести присущи им, потому рамки и перегородки мира проницаемы, и он меняет форму в прямой зависимости от образа мысли. Поэтому же следует признать, что от опыта мыслимости напрямую зависит опыт взаимодействия с сущностным: и как мы мыслим, так и таким образом мы существуем, притом в большей степени в выборе ценностных приоритетов, в константных координатах мироздания, уверенно утверждая, что «это так» (es ist so), «мир таков», «жизнь такова», «судьба» и прочее. Как результат немыслимого, и как следствие безответственного мировосприятия – асоциальные сюжеты, нарушающие ритмичность социокосмоса, позволяющие вскрыть сами механизмы, разрушающие наивную органичность.

В-пятых, признать, что мысль телесна, а социокосмос (и далее – космос) – продолжение тела.

В-шестых, признать функциональность сакрального образа зеркала в прочтении сюжетов мира. В архаичных культурах образ зеркала воспроизводит опыт проявления неявного неочевидного, которое всегда есть наше, и никогда не есть внешнее нам. Так, концепт «зеркала» побуждает дать слово реальности, не навязывая ей продукты сознания (и коллективного бессознательного в том числе).

В-седьмых, признать, что философия изначально есть метафизика и ее изначальное – опыт проявление неявного, неочевидного, опыт вопрошания, при котором сам спрашивающий оказывается поставленным под вопрос. Так, концепт-метафора зеркала в этом ключе образно воспроизводит сущностные грани философии как таковой.

Следует признать, что философия, руководствуясь принятыми мыслительными установками, способна заявлять об ответственности логики, и предпринять реконструкцию безответственного мышления через трансгрессию мыслительного образа, тем самым восстановить первичные способы мироустройства, органичного архаичному Bios'y/Logos'y.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭТИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

М. В. Черепанова

Томский политехнический университет
mvch.tpu@gmail.com

Рассмотрение современных образцов этической кодификации демонстрирует назревшее противоречие между наличным состоянием социокультурной сферы и сложившейся практикой реализации этических кодексов, что приводит к резкому снижению их эффективности. Актуализация конкретных ценностных оснований в форме кодифицированной этики становится объектом критики со стороны представителей ряда философских направлений, подкрепленной неудачными примерами практической реализации этических кодексов. На этой основе возникает утверждение, согласно которому существование формального набора этических установок в современной культуре необоснованно и бесперспективно, так как противоречит новой природе социальности.

Позиция, согласно которой этический кодекс превращается в инструмент имитации социальности, базируется на достаточно серьезных основаниях. Этический кодекс рассматривается при этом как воплощение модернистской идеи всеобщей универсальности и создания идеального инструмента управления. Это очередной «большой проект», за которым тенью следует сомнение, угрожающее раскрыть хрупкость и эфемерность конечной идеальной

цели. Имеющий «богатую родословную» этический кодекс изначально ориентирован на классическую модель социального устройства. То есть для его эффективного функционирования необходимы более или менее выделившиеся социальные группы и сформированная система отношений между ними. С ходом исторического развития практика кодификации стала не только широко распространенной, но и узкоспециализированной: принадлежность индивида к той или иной социальной группе с необходимостью приводила к принятию им правил, «социального договора», зачастую зафиксированного в виде кодекса.

В современном обществе место групповой идентичности занимает идентичность индивидуальная, место устойчивых социальных групп – «гардеробные сообщества», основанные не на общих ценностях, а на кратковременных общих увлечениях. Время существования таких сообществ непродолжительно, состав их – причудливо перетасованная колода. Нет необходимости разрабатывать ценностные ориентиры для зрителей, пришедших на театральную постановку или для участников карнавального шествия.

Несмотря на убедительность означенной позиции, формируется альтернативная установка, согласно которой существование этической кодификации в современной культуре возможно при условии пересмотра ее теоретико-методологических оснований. В качестве базиса этической кодификации на данном этапе рассматривается коммуникативность, знаменующая отказ от властной иерархичности в пользу принципа рефлексивной самоорганизации. Это означает, что этический кодекс перестает восприниматься как источник непрерываемых директив и начинает трактоваться как предмет осмысления и контекстуальной интерпретации. С этой точки зрения, современные кодексы в большей степени соответствуют природе этики, предполагающей не только следование правилам и рациональное обоснование поступков, но и интериоризацию нравственных установок, гармоничное включение их в структуру личности. На этический кодекс возлагается рефлексивная функция, позволяющая проецировать цели социальной системы на поведение каждого индивида, формировать единое поле мировосприятия, что является одним из показателей ее высокого коммуникативного онтологического статуса.

В современном мире этическая кодификация вырабатывает новые пути развития. Современный вариант этического кодекса предполагает отказ от жесткой фиксированной структуры и открывает перспективу для новых трактовок, изменений и дополнений (в некоторые этические кодексы включен пункт о возможности пересмотра входящих в их состав положений). Включение в состав кодекса элементов высшего уровня – ценностей и идеала позволяет сориентироваться в изменяющихся условиях, сформировать собственную позицию, принять верное решение в условиях сложного выбора, минимизировав психологическое давление на индивида. Сочетание творческой открытости и иерархичной структуры является одной из основных предпосылок реализации этического кодекса в современной культуре.

Помимо этого, этический кодекс выступает способом репрезентации локальных сообществ, в которых человек пытается обрести свою идентичность. Подобная конкретность этического кодекса, конечно, может обернуться узконаправленностью, когда входящие в его состав принципы отражают исключительно профессиональные или корпоративные интересы, однако формирование этических комиссий, широкое открытое обсуждение документа способны снизить эти риски. При условии грамотного подхода к воплощению в жизнь этический кодекс становится инструментом репрезентации общества, демонстрируют его позицию по основным мировоззренческим вопросам, помогают человеку облегчить поиск того из них, которое отражает его внутренние установки и быстрее адаптироваться в новых условиях. То есть этический кодекс играет скорее вспомогательную роль при принятии решений, нежели устанавливает жесткие поведенческие рамки. В условиях высокой социальной мобильности эта репрезентативная функция может оказаться весьма полезной.

Кроме того, этический кодекс в рамках современной культуры приобретает ярко выраженный антропологический характер. Реинтерпретация природы человека приводит к замещению рациональной природы кодификации коммуникативной. Человек воспринимается не как оформленная рациональность, но как открытая многоосновная система, находящаяся в состоянии постоянного становления и развития. Поэтому для эффективной реализации этической кодификации необходим комплексный подход, заключающийся не только в создании адекватного современным реалиям этического кодекса, но и в осуществлении целого комплекса дополнительных мер, способствующих формированию индивидуальной этической рефлексии: речь идет, прежде всего, о нравственном воспитании личности.

О РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

А. В. Колесникова

Новосибирский государственный аграрный университет

alinaviktoria@ya.ru

Вопрос о природе человека не теряет актуальности в философском вопрошании современности. Смысл бытия и природу своего мышления человек пытается постичь, вербализируя и конкретизируя вопрошание. Однако смысл может быть растворен в процессе изыскания, ибо вопрос о природе человека соотнесен с бытийным вопрошанием о тайне жизни.

Философско-антропологические основания рассмотрения человека в философии Декарта отражают веру в разумную силу человека, гипостазировав рациональный компонент его бытия. Время становления национальных государств, период войн, расцвет механицизма и социальных утопий, время начала века разума, когда биологическому увяданию и гибели противостояли

поставляется идея культурного бессмертия (см. об этом: Панарин А.С. Философия истории. — [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/panarin_filo/04.aspx; Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. — [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/mironov_obrasi/01.aspx). Живое религиозное чувство в интеллектуальных построениях постепенно сменяется представлением об Абсолюте, а человек определяет собственную идентичность не из Богопознания, а из собственного же разума.

Декартовское *cogito* — своего рода онтологический поворот, определивший ход развития дальнейшей мысли и выраженный в обосновании творящей мощи разума из его имманентных качеств (создание морали, нового мира, нового человека). Вера в личную свободу, разумность и правильно организованную повседневность, где порядок мыслится как атрибут свободы, а не покушение на неё, — отличительные черты и современного европейского представления о человеке. Картезианский дуализм, согласно которому тело функционирует подобно машине, а сознание, воздействуя на тело, в свою очередь, испытывает его влияние на себе, способствовал возникновению «конструктивизма» и неизбежно привел к разрушению органической целостности и рефлексии, к раздвоенности бытия. Упрощенная трактовка постулатов Декарта превратилась в практическую установку «человек сам себе хозяин», что выражено в философии как «быть равным самому себе»: ясность и отчетливость укрепляют волю, гарантируют порядок мысли и действия, а раз истина не терпит промедления, то и человек не должен пребывать в покое и нерешительности. Чуть позднее французские просветители выведут формулу человеческого единства, которое состоит в том, что человек везде один и тот же — разумный эгоист. В немецком идеализме, наоборот, человеческая природа нуждается в обуздании, в приведении её к нормативности (И. Кант) для достижения живой органической целостности и придания смысла существованию человечества, а Разум Г.В.Ф. Гегеля вовсе не тождественен методу Р. Декарта.

В английской же мысли преобладают идеи так называемого «естественного» человека, приведшие к биологизации понимания природы человека, причем последнюю необходимо понимать в социальном контексте стремительно развивающихся буржуазных отношений и экспансивной политики. У Т. Гоббса врожденное свойство человека состоит в подавлении и экспроприировании другого, ведь «природа дала каждому право на всё», конечно, до того как заключен договор (в современном мире это называется конкуренцией). Исходный принцип человеческого существования у Гоббса — это равенство, где равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб (см.: Кара-Мурза С.Г. Картина мира и представление о человеке // Истмат и проблема Восток-Запад. — [Электронный ресурс]. URL: http://www.k2x2.info/politika/istmat_i_problema_vostok_zapad/p16.php). Идея подобного равенства нуждалась в рациональных доказательствах, они были подготовлены, и анг-

лийский социал-дарвинизм, подобно вирусу, распространился по всей Европе.

В русской радикальной мысли XIX-XX в.в. дарвинизм, по определению С.Г. Кара-Мурзы, был усвоен «без Мальтуса», но во времена разрушения СССР в обществе настойчиво фундировались биологизаторские идеи относительно природы человека и якобы генетического «вымирания» русской нации; предлагались проекты социальной инженерии (Н. Амосов) по классифицированию общества на «сильных» и «слабых» в целях так называемого научного управления (подробнее см.: Кара-Мурза С.Г. Человек естественный. Биологизация общества / С.Г. Кара-Мурза // Истмат и проблема Восток-Запад. - [Электронный ресурс]. URL:http://www.k2x2.info/politika/istmat_i_problema_vostok_zapad/p17.php), что то никак не коррелируется ни с русской духовной и философской традицией, ни даже с вульгаризованной в народном сознании идеей коммунизма. Чутки к данным умонастроениям лишь радикальные некритические западники, продолжающие «не замечать» ситуации духовного кризиса, в котором оказалась рациональность, выросшая на последовательном попрании своей духовной традиции и постоянно аннексирующая традицию чужую.

Виновна ли рациональность? Нет, конечно, это сам человек утопил её в своём безудержном потреблении. Повседневностью стали претензии человека на обеспечиваемый «слабыми» комфорт, «вечную молодость», замену «износившихся» органов, рождение потомства суррогатным способом и т.д. В проекте же – идеи трансгуманистов. Но каковы последствия? Ведь, метафизическую тайну ещё никто не отменил.

О ДИСКУРСЕ И ВЛАСТИ

Л. В. Драгель

Институт философии и права СО РАН
ldragel@mail.ru

В современных условиях актуальной стала проблема взаимодействия общества и власти. В настоящее время наиболее распространённой попыткой создания консенсуса между ними является исследование дискурса, которое возможно позволит усилить взаимопонимание между властью и обществом.

Дискурсивное мышление со времён Платона и Аристотеля противопоставлялось интуитивному, которое пыталось охватить событие целиком, в отличие от дискурсивного, когда событие познавалось частями.

По мнению М. Фуко дело философа заключается в том, чтобы показать, как в дискурсах обобщаются и рассеиваются слова, вещи, структуры. Философия – это изначально дискурсы, которые постоянно изменяются.

Существуют сложности, связанные с возможностью применения дискурса как инструмента, способствующего эффективному взаимодействию власти и общества:

1. В современном обществе, когда наука и информация приобретают неограниченный масштаб действия, власть пытается использовать этот процесс как возможность для легитимации своего присутствия у руля правления с помощью дискурса.

2. Проблема непосредственно самого дискурса в том, что это понятие приобретает формы неопределённости и используется в различных сферах и имеет несколько уровней.

Дискурс является связующим звеном между текстом и контекстом. Дискурс обеспечивает понимание, интерпретацию того, что было сказано, сделано, т. е. выявляет смысл высказывания. Однако, смысл высказывания, не всегда адекватно воспринимается реципиентом (адресатом). Для того, чтобы усилить правильность понимания смысла, следует учитывать не только информацию, воспроизводимую говорящим, но и внешние условия ситуации, в которой происходит речевой акт (дискурс). Т. А. ван Дейк, например, для уточнения и прояснения ситуации выделяет фреймы (схемы), позволяющие её контекстуализировать. Невозможно правильно интерпретировать какое-либо высказывание, не учитывая особенностей ситуации, социальных контекстов: позиции (статусы и роли), отношения (превосходство), функции (отец, судья и т. д.) [1. С. 23]. Таким образом, анализ дискурса нуждается в уточнении, кто с кем общается, в какой ситуации (т. е. анализ норм, ролей, правил поведения и т. д.). По мнению А. О. Карпова, смысл дискурса состоит в специфической взаимосвязи (т. е. синтезе). Чем конкретнее проанализирована ситуация с учётом внешних особенностей ситуации, тем дискурс имеет более сильный или слабый контекст [3. С. 85].

Поэтому, необходимо более чётко определять внутренние и внешние обстоятельства какой-либо ситуации, что позволит правильно проинтерпретировать и синтезировать все особенности ситуации, т. е. выявить контекст. Это является очень важным моментом, поскольку неопределённостью ситуации часто пользуется власть, которая способна интерпретировать их под необходимым ей углом зрения.

Т. А. ван Дейк приводит несколько видов дискурсов, используемых властью:

1. Контролирующий (команды, законы и т. д.);
2. Стимулирующий (реклама, пропаганда);
3. Научный (контроль за знаниями и технологиями);
4. Нарративный (телевидение и интернет).

Таким образом, власть пытается решать проблемы без участия более широких сфер и уровней дискурсивного пространства [6. С. 27].

А. О. Карпов считает, что власть использует слабоконтекстный дискурс, когда индивид принимает созданные властью понятия и не расшифровывает их, что создаёт благоприятную среду для утверждения власти. Сильнокон-

текстный дискурс используется в основном в науке и не доступен широким слоям общества[3].

М. Холидей и И. Т. Касавин предложили типологию дискурсов, связывающих текст и контекст:

	Сильный контекст	Слабый контекст
Сильный текст	Политико-экономический дискурс	Научный дискурс
Слабый текст	Художественный дискурс	Моральный дискурс

Как видно из схемы, политико-экономический дискурс (власть) имеет жёсткую структуру и определённую внешнюю ситуацию (социальную привязку)[4. С. 18].

Это отличается от мнения Карпова А. О., поскольку у него власть использует слабоконтекстный дискурс. Но возможно, на схеме показано, что власть трансформировала слабоконтекстный дискурс в сильноконтекстный. Вероятно, это возможно в том случае, когда власть использует для своих решений уже легитимированные понятия в обществе. (К таким понятиям можно отнести «политическую оппозицию», поскольку власть «использует» её в своих целях создания видимости конкуренции: деятельность «игрушечных партий», проведение выборов, оппозиционных телеканалов, поскольку по выражению Т. А. ван Дейка использование властью нарративного дискурса позволяет «узнавать своего врага»). При этом процесс легитимации контролируется самой властью. А. О. Карпов указывает при этом, что сильноконтекстный дискурс – приноровленность к коммуникативной среде. Это значит, что в схеме И. Т. Касавина научный и моральный дискурс недостаточно социализированы, прежде всего, моральный дискурс.

Возвращаясь к дискурсу, следует сказать, что он имеет различные сферы применения и различные уровни.

Дж. Маесс приводит следующую схему сфер и уровней дискурса:

Уровни дискурса	Сферы дискурса			
Публичный			А	
Консультативный		В	А, В	
Научный				В, А
Профессиональный	В			А
	Бизнес-сфера	Консультативная	Регулирующая	Академическая

А- исследовательский дискурс; В- регулирующий дискурс.

Дискурсы «А» и «В» показывают, на каких уровнях и в каких сферах дискурсивного пространства происходит обсуждение вопросов и проблем, раз-

работка и принятие определённых решений. Например, исследование и обсуждение любых вопросов возможно на всех уровнях дискурса, включая публичный дискурс, т. е. обсуждение в широких кругах общества (А). При этом общество на уровне публичного дискурса не принимает участия в разработке и принятии решений (В). Это показывает, что разработка и принятие решений происходит только на уровне профессионального дискурса. При этом не затрагивается уровень публичного дискурса (широкие слои общества), где происходит обсуждение важных вопросов и проблем, так же, как и на других уровнях дискурсивного пространства[5. С. 9].

Получается, что власть игнорирует мнение общества и значит, принимает заведомо несправедливые решения (хотя возможно и правильные). Следствием этого является неэффективное управление власти, поскольку все решения, принимаемые без обсуждения на всех уровнях дискурса, являются односторонними. Несмотря на это, дискурс используется властью для влияния на общество и поддержание собственного доминирования и воспроизводства, что приводит к непониманию между обществом и властью и как результат всевозможным коллизиям между ними.

Можно предположить, что уровни дискурса и сферы дискурса характеризуют внутренние и внешние особенности ситуации. Как было сказано выше, уточнение ситуации возможно при более чётком определении этих особенностей. Но этого не происходит, поскольку все решения принимаются только в узком кругу властной элиты. Здесь снова, как в анализе предыдущей схемы, находим подтверждение того, что власть усиливает контекст публичного дискурса в направлении к профессиональному. Более тесное взаимодействие всех уровней и сфер дискурсивного пространства возможно способствовало бы усилению взаимопонимания власти и общества.

Литература

1. ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск. – 2000. - С. 308.
2. Канке А. В. от структурализма к постмодернизму// Философия. – 1999. – с. 133-138.
3. Карпов А. О. Дискурс: классификация контекстов // Вопросы философии. – 2009. - № 2. – с. 74 – 87.
4. Касавин И. Т. Дискурс: специальные теории и философские проблемы// Человек. – 2006. - № 6. – с. 5 – 20.
5. Maas J. Financial expert discourse (Fed). On discourse as a heterogeneous communicative power machine. – 2012 // http://www.soziologie.unimainz.de/FB02/angermueller/Dateien/Maessee_Economic_Expert_Discourse.pdf
6. van Dijk T. A. Structures of Discourse and Structures of Power. – 1989. - Communication Yearbook 12, pp. 18-59.

НАСЛЕДИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКАЯ РЕЧЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ» XXI ВЕКА

М. Ю. Немцев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
nemtsev.m@gmail.com

Диалогическая философия кажется довольно изолированным явлением в сложной истории европейской философии XX века. Она возникла на волне обновления философии после Первой Мировой войны, социалистических революций, осознания ужасов дегуманизации массового индустриального общества. Речь идёт прежде всего о творчестве таких связанных между собой авторов как О. Розеншток-Хюсси, Ф. Розенцвейг, М. Бубер. Теперь, в исторической перспективе, диалогическая философия представляется неким промежуточным звеном между академической немецкой (преимущественно неокантианской) философией, философской антропологией (тем более что и она, и диалогическая философия формируются в 1920-х гг., имея в качестве одного из оснований книгу Бубера «Я и Ты») и пришедшими позже и поставившими перед собой сходные проблемы экзистенциализмом и критической теорией. Диалогическая философия в России оказалась связана в восприятии современников и потомков с творчеством М. Бахтина и его последователей. А поскольку Бахтина традиционно считают филологом и историком литературы, его вклад в самопознание философии российским философам практически неизвестен.

Между тем, новая ситуация философии в XXI в., возможно будет лучше понята, если обратиться к исходной проблематике диалогической философии. Эта новая ситуация может быть названа «постинституциональной» (1). Эта ситуация наступает с исчерпанием эпистемологических преимуществ профессиональной философии в новом, формирующемся в настоящее время «обществе знаний». Его анализ, проведённый Ж. Ф. Лиотаром в известном докладе «Состояние постмодерна» (1979) подтверждается наблюдениями за функционированием знания в обществе, оснащённом новыми цифровыми технологиями. Один из важнейших процессов - это переопределение самого представления о знании (и философское знание не может быть исключено). Довольно общим местом является утверждение, что в обществе, в котором размываются институциональные границы между носителями знания (теми кто имеет доступ к специфическому знанию) и теми, кто лишен такого доступа, знание неминуемо десакрализуется и превращается в «компетенцию». Как писал Лиотар, «речь... идёт о компетенции, которая выходит за рамки... истины как единственного критерия, но помимо этого оценивается по критериям деловым (техническая квалификация), справедливости и/или добра (нравственная мудрость), красоты звучания, окраски... и т. д. Пони-

маемое таким образом знание есть то, что делает кого-либо способным произносить «хорошие» денотативные высказывания, а также «хорошие» предскриптивные или оценочные высказывания» (2).

Эта характеристика знания, применённая к основному материалу философствования, вполне согласуется с некоторыми подходами к философии, лишаящими её каких-либо эпистемологических привилегий. Впервые в истории человечества любое знание становится избыточным, доступным массам и «одноразовым» (ситуативным, индивидуализированным). Взрывное распространение гибридных знаний лишает философию каких-либо принципиальных отличий от других дисциплин. И в то же время, если истинность и содержательность перестают быть ключевыми параметрами оценки философского знания, то как можно представить профессиональную философию в таком обществе? Возможна ли она вообще?

Профессиональная философия превращается в культурную практику обладателей тех кто может сделать «хорошие» высказывания по некоторым специальным вопросам, традиционно называемых «философскими». Проблема в том, будут ли подобные высказывания иметь какой-либо смысл в «обществе знания»? Да, если мыслить их как реализацию компетенции направленной на компетенции другого, а не как, например, выражение некоторого объективного знания.

Одним из достижений диалогической философии была новая философия языка. Её можно было бы назвать «философией эффективного языка», или философией речи. В отличие от философии языка, имеющей дело с отдельными аналитически разложимыми высказываниями, философия речи в качестве исходного предмета имеет конкретную ситуацию речевого обращения одного субъекта к другим субъектам, причём это обращение имеет целью воздействовать на адресата и преобразовать его. Так что для диалогической философии «говорение» есть действие. Перформативное определение знания (буквально через произнесение его «вслух») есть действие. Причём это языковое действие само есть социальность. Если в аналитической философии языка «прагматический поворот» случился в середине XX в., то диалогическая философия речи изначально строилась исходя из первичной, базовой ситуации целенаправленного обращенного говорения. Возможно, есть смысл думать о будущей философии именно как практике философской речи. Этому учит и диалогическая философия.

Где-то, в каких-то социально-культурных нишах и впредь сохранятся виртуозы философского мышления (как некоторой «игры в бисер»), но общественное место философии будет определяться координатами возможности эффективной речи, а философа можно будет узнать в виртуозе такой речи. Конечно, он будет конкурировать за внимание с другими виртуозами речи — но если речь становится точкой отсчёта, а не предполагаемым, но вторичным результатом философского акта, сама ситуация такой конкуренции осмысливается уже не как конкуренция, а как первичная ситуация речевого взаимного

действия. Философия «растворяется» среди других речей, но сознательно, а не в силу неумолимой «судьбы».

Литература

1. Немцев М. О пост-институциональной ситуации в философии, возникающей ввиду приближения «общества знания» // Когнитивно-информационный дискурс общества знания (сб.ст.). Красноярск: издательство СФУ, 2012. С. 31–33.

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. Н. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 52-23.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С. С. Чистанова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
totyschewa@mail.ru

Инновационная модель развития – веление времени, а значит надо менять содержание образования. Как преподаватель иностранного языка (ИЯ) на неязыковых специальностях должен изменить подход к преподаванию ИЯ? При этом учитывая ориентиры внутрипредметные, первым из них для филолога является Вильгельм фон Гумбольдт с его утверждением, что язык – не продукт деятельности, а сама деятельность и даже «язык ... необходим для развития духовных сил и формирования мировоззрения» (1; 25). Также желательно принимать во внимание документ Совета Европы под названием «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка». Необходимо генерировать проекты инновационного типа, консультировать работодателей и т.д., одновременно обучая студентов строить коммуникацию с носителями другого языка. В попытке осмыслить эту проблемы был создан проект по объединению новых велений времени с изучением ИЯ: «Неделя немецкого кино», проект осуществлялся студентом специальности «Социально-культурный сервис и туризм», работающим в малом кинотеатре «КиноКафе».

Студентом были поставлены следующие задачи: выявить потенциал «страноведческих кинопоказов» с целью формирования интереса к стране (создание новой тенденции в критериях выбора страны для совершения путешествий); развить навыки будущего менеджера в сфере сервиса через организацию мероприятия в коммерческом заведении. Со стороны преподавателя задачи были менее глобальны: рефлексия на вышеозначенную тему, рекламная кампания для младших курсов, которым предстоит выбрать второй ИЯ. В рамках проекта были показаны фильмы немецких режиссеров, снятых в Германии и на немецком языке с русскими субтитрами. Была разра-

ботана афиша и рекламная кампания, проведен опрос посетителей, студент написал статью, достаточно успешно выступил на конференции и продолжает работу кинотеатре. По его мнению, с поставленными задачами он справился: зрители отмечали «неожиданное» впечатление от картин, возникло желание узнать больше, что указывает на общее повышение уровня страноведческой культуры и должно привести к желанию посетить Германию, а, следовательно, создаст новую тенденцию на рынке туристических услуг. Финансово проект окупился.

Рекламная кампания преподавателя увенчалась успехом: на следующем курсе 100% студентов выбрали немецкий язык. Но вот вопрос с инновационным образованием так просто не решается. Конечно, мотивация студентов к учебе была высока, посещаемость занятий близка к стопроцентной, участники утверждают, что проект действительно помог им выделить для себя ряд неявных особенностей культуры, все это поможет им в будущем расставлять акценты при общении с потенциальными клиентами. Тем не менее, положительное влияние на развитие языковых компетенций весьма сомнительно. Скорее всего, для будущей профессиональной деятельности этот проект оказался более полезным, чем для овладения немецким языком. Приблизил ли нас этот проект к пониманию того, каким должно быть инновационное образование? Возможно. Ведь это была попытка сформировать у студента компетенции специалиста, на которого будет спрос у работодателя, который может генерировать идеи, одновременно думая об окупаемости этих идей, решать мелкие проблемы одной социальной группы (скидка для студентов) и думать о глобальном (медленно формировать новые тенденции на рынке). Да, возможно, так мы и должны работать. Если бы не одно «НО». Проект был реализован полтора года назад, и известно, что произошло со студентом дальше. Он сдал досрочно сессию, уехал на полгода в Турцию работать гидом у одного туроператора. И ... теперь он не уверен, что ему нужно высшее образование, заработать он может и без высшего образования и, тем более, без знания иностранного языка. И слова о причастности к великой культурной традиции, называемой университетом, кажутся ему циничными и не имеющими смысла. Этот студент – цель инновационного образования? Теплится, однако, еще надежда, что я не правильно поняла, как надо измениться в новых условиях, или же проект неправильный придумала.

Литература

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 2000 С. 16-180
2. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод выполнен на

кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. — М.: Изд-во МГЛУ, 2003.

3. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ № 2227-р от 08.12.2011).

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ XVIII ВЕКА

И. С. Коковин

Новосибирский государственный университет экономики и управления
ablazhey@philosophy.nsc.ru

Проблема формирования гуманитарного образования в России рассматривалась специалистами в сфере историографии, педагогики, истории философии. Многие отечественные исследователи, абсолютизировали влияние культурного сдвига петровской эпохи на образование и общество. По мнению Н.А. Константинова, Е.Н. Медынского, М.Ф. Шабаева [2] и др., нововременной модус общественного образования укореняется в России благодаря реформам Петра I, усилиям первых академиков и культурной элиты екатерининской эпохи. Г.П. Макогоненко полагал, что западноевропейская методология социального познания усваивается русским гуманитарным сообществом в том виде, в котором она была выработана германскими и французскими просветителями.

Процесс культурной адаптации гуманитарного знания рационального типа не представлял собой предмета исторической реконструкции. В подавляющем большинстве случаев, в исследованиях затрагиваются лишь отдельные аспекты проблемы эволюции общественного образования в России. При этом игнорируется тот факт, что становление системы трансляции гуманитарных знаний невозможно без наличия развитого категориального аппарата. Оригинальный терминологический инструментарий создавался интеллектуальной элитой на протяжении всего восемнадцатого столетия, но к концу века указанный процесс был далек от завершения. Центральным тезисом работы является высказывание о невозможности использования термина «общественное научное образование» по отношению к системе распространения гуманитарных знаний Петровской, Елизаветинской, Екатерининской эпох. С помощью исторических примеров будет обоснован вывод о том, что система научно ориентированного гуманитарного знания не могла сложиться на русской почве XVIII столетия, так как для этого еще не были созданы организационные и методологические предпосылки.

Процесс формирования общественного образования европейского типа генетически связан с проблемой становления социальной рефлексии как системы взаимосвязанных концептов и теорий (специфической чертой нововре-

менного социального дискурса является рационально структурированный массив понятий и терминов).

Большинство исследователей считают отправной точкой процесса эволюции образовательных структур в России рубеж XVII-го - XVIII-го веков, когда в Киево-Могилянской академии впервые началось преподавание курса истории на латинском языке. Дополнительный импульс процессу складывания новых педагогических структур был задан реформой Петра Великого. По мнению Г.Ф. Миллера, заслуга Ф. Прокоповича заключается в том, что он создает школы, где обучают основам исторических знаний. Следует заметить, что школа, организованная митрополитом, выпустила лишь несколько десятков выпускников, его просветительская деятельность не могла оказать существенного влияния на процесс зарождения гуманитарного образования на русской почве.

Новый этап эволюции связан с основанием Петербургской Академии, объединившей собственно академию (научно-исследовательский центр), университет и гимназию (высшее и среднее учебное заведение). Академия делилась на три класса: 1) математический 2) физический 3) гуманитарный. Находясь под прессингом государственной элиты, учебное заведение не могло динамично развиваться. Гимназия при Академии прекращает свое существование в течение одного десятилетия.

В 30-е годы спрос на образованных специалистов возрастал. В эту эпоху создаются три крупных центра науки и просвещения (Петербургская Академия наук, Московская Академия наук и Московский университет). По мнению М. Штранге: «Стране нужны были люди уметственного труда: знающие педагоги, грамотные чиновники, врачи, зодчие, металлурги, геологи, физики, географы, землемеры; словом, нужна была интеллигенция».[5, с. 12.] Однако удельный вес гуманитарного образования был невелик. Занятие историей продолжает оставаться прерогативой узкого слоя интеллектуалов.

Значительный исследовательский интерес вызывает процесс становления академических учебных заведений в эпоху царствования Елизаветы. М.В. Ломоносов стремился возродить факультеты Петербургской Академии в Москве. По мнению советских историков: «В Московском университете... на философском [факультете] изучались физика, точные и гуманитарные науки, он являлся обязательным для всех студентов, своего рода общеобразовательным факультетом. Лишь окончив его, можно было переходить на другие факультеты или продолжить специализацию» [3, с.130]. Архитекторы новой системы образования полагали, что гуманитарное знание является необходимым элементом интеллектуальной культуры, поскольку оно воспитывает чувства патриотизма и лояльности власти. Просвещение не было ориентировано на решение задач формирования исследователя, способного к рациональному постижению исторических и социальных проблем.

Следующий этап качественной трансформации общественного образования приходится на годы правления Екатерины II. Именно в этот период интеллектуальная элита осознает потребность в плодах европейского рациона-

лизированного описания истории, что свидетельствует о неспособности русских ученых и педагогов самостоятельно сформировать научно-образовательное пространство. Широкое распространение получает переводная историческая литература. Согласно исследованию М. Штрэнге: «Козельским была переведена двухтомная «Датская история» известного скандинавского писателя–просветителя Л. Гольдберга, в которой критиковался произвол феодальных порядков». [5, с. 87].

Переводчик также проявлял значительный интерес к трудам историков–апологетов просвещенного абсолютизма, в частности К.Ф. Мозера и Ш. Роллена: «Последний противопоставляет «мудрых законодателей», таких как Нума Помпилий, Сервий Туллий и др., монархам–поработителям, ведущим разорительные, захватнические войны». [5, с. 87]. Кроме того, Козельским была переведена работа французского историка Р.О. Верто д’Обеф «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления...», касающаяся политических и философских вопросов в свете идей Просвещения». [5, с. 87]. Деятельность Козельского была ориентирована на решение задачи формирования нравственного и грамотно мыслящего индивида. Он полагал, что история исправляет человеческий разум живыми, жизненными примерами. [5, с. 87]. Таким образом, в сознании этого просветителя доминировала дидактическая задача формирования нового человеческого типа.

Известным переводчиком екатерининской эпохи, адаптировавшим исторические труды французских просветителей, был Х.А. Чеботарев. Им были переведены исторические трактаты Фрейера по всеобщей истории. Основной целью историка была дидактическая, он стремился создать перед слушателями яркий и поучительный образ исторического события [5, с. 87].

Процесс постижения исторических закономерностей требовал осмысления проблем детерминизма тех или иных явлений, однако, интеллектуалы восемнадцатого века не выходили за рамки персонификации исторических сил, новые политические и социальные институты появлялись в результате законодательной и административной деятельности монарха. Педагоги екатерининской эпохи стремились культивировать в сознании индивида лояльность властям. Крупный педагог периода конца восемнадцатого столетия – Н.И. Новиков полагал, что основной целью исторического образования является воспитание в учениках добродетели и чувства гражданского долга [4, с.373]. Его вклад в дело распространения просвещения не подвергается сомнению, но тезис о том, что Н.И. Новиков является основоположником научной методологии системы образования, едва ли имеет под собой основание.

Таким образом, тенденции развития исторического и общественного обучения позволяют сделать вывод о том, что русская интеллектуальная элита конца восемнадцатого столетия четко осознает потребность в трансляции социальных знаний. Властная верхушка также осознает это, по мнению В. Береловича, Екатерина стремилась к созданию сети учебных заведений, в программе которых центральное место должны были занимать гуманитарные дисциплины. [1, с.87.]. Императрица принимает ряд мер, направленных

на создание системы трансляции исторического знания, в 1782 году в Россию был приглашен известный восточноевропейский педагог Янкович де Мериено, он начинает создавать структуру народных училищ. Испытывая острую потребность в учебных пособиях, он пишет первый учебник по истории России с древнейших времен до периода правления императрицы. Учебник представлял собой хронологический организованный справочник, содержащий отдельные значимые факты экономической и политической истории Русского государства [7]. Методологическая база пособия была крайне неразвитой, что объясняется незавершенностью процессов формирования категориального аппарата гуманитарных наук.

Тезис об отсутствии в России элементов социальной рефлексии может быть убедительно доказан в процессе исследования общественного наследия первых просветителей. Ярким представителем просветительской историографии в России является М.М. Щербатов (1733 – 1790). В процессе критического анализа «Наказа Екатерины», просветитель использует естественно-правовую терминологию, заимствованную им из переводов философских трактатов Монтескье и Руссо. Одним из краеугольных элементов авторского концепта является понятие «естественной вольности», почерпнутое М.М. Щербатовым из трудов западноевропейских мыслителей. Автор склонен выстраивать дихотомии – «страстные решения» - «мудрые решения», «естественная вольность» - «нарушение первенственного договора», «польза государства» - «вред государства».

При этом автор критического очерка противопоставляет монархии «управляемой законами», «тирании» одного лица («самодержавство»), руководствующегося личными прихотями. Подлинный прогресс общества мыслится М.М. Щербатовым на путях создания «основательных законов», гарантирующих сохранение «естественной вольности» имущества и жизни [6, с.175]. Проанализировав труды русского просветителя, мы приходим к выводу, что категориальный аппарат социальных наук находился в стадии становления, значительная часть терминов имеет лишь этическое содержание, многие из них представляют собой переведенные французские понятия.

Младшим современником М.М. Щербатова являлся Н.И. Новиков (1744 – 1818). Исследование социальных взглядов известного филантропа позволяет сформировать выводы о происхождении методологических основ общественных наук на русской почве. Основной особенностью творчества Новикова является полное отсутствие специфической естественно-правовой терминологии, он рассуждает о государстве, используя понятия, заимствованные из нравоучительных трактатов. Автор избегает рассуждений о законодательстве, не стремится детально анализировать проблемы политической структуры.

Новиков одобрял усилия Екатерины II по совершенствованию системы образования, так как полагает, что развитие педагогической сферы в государстве представляет собой подлинное призвание монарха. Этическое и эстетическое воспитание является как общегосударственным, так частным делом. В основании общественной утопии Н.И. Новикова лежит представление о цен-

тральной роли образования и воспитания как основе построения образцового государства. Он использует оппозиции – «благородная гордость» и «подлое рабство», «достопочтенный монарх» - «деспот» [4, с. 234]. Просветитель избегает рассуждений о законодательстве, не стремится детально анализировать проблемы политической структуры. Даже тогда, когда он исследует причины экономического процветания государств, он не склонен использовать общественные понятия, характерные для философской мысли просвещения. Политика и мораль в его произведениях неотделимы, фигура царя сливается с образом наставника или главы семьи. Он не использовал естественно-правовой категориальный аппарат, что позволяет сделать вывод о том, что в период последней четверти XVIII столетия социальный дискурс в России находился в стадии становления.

Мы полагаем, что система социального образования не могла сформироваться в России в XVIII столетии, так как, во-первых, структура образовательных учреждений только начинала складываться, государственные проекты по созданию учебных заведений гуманитарного профиля начинают реализовываться лишь в период правления Екатерины II, во-вторых, на русской почве еще не завершен процесс формирования культурных предпосылок для создания категориального инструментария общественных дисциплин, наличие которого является важнейшим условием появления научной методологии социального знания.

Литература

1. Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов и воспитание сирот Голицыных (1782 – 1792) // Европейское просвещение и цивилизация России. - М.: Наука, 2004. - С. 318 - 330.
2. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История педагогики. - М.: Прогресс, 1982.
3. Курмачева М.Д. Петербургская Академия Наук и М.В. Ломоносов. - М.: Наука, 1975.
4. Новиков Н.И. Избранные сочинения. - М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1954.
5. Штрэнге М.М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII в. - М.: Наука, 1965.
6. Щербатов М.М. Неизданные произведения. - М.: СОЦЭКГИЗ, 1935.
7. Янкович де Мириево Ф.И. Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ. - СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1827.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Б. Сафонов

Новомосковский филиал Российского химико-технологического
университета им. Д.И. Менделеева

k_b_s_k_b@list.ru

Успешность развития современного российского общества напрямую зависит от решения целого ряда социально-экономических проблем. Нашей стране предстоит повысить конкурентоспособность экономики, модернизировать отдельные отрасли производства, создать среду, благоприятную для всестороннего внедрения инноваций. Всего этого можно достичь путем оптимизации институциональной структуры общества. При этом развитие отдельных институтов будет одновременно означать движение вперед и социума в целом. Но институциональная структура общества неоднородна. Как следствие, различаются и социальные роли тех или иных институтов в условиях обновления и модернизации. Например, «при успешном развитии системы образования резко расширяются возможности для нового технологического рывка и повышения стандартов жизни населения» [1, с. 12]. Фундаментом всего общественного развития является именно институт образования. К числу его ключевых функций можно отнести социализацию представителей молодого поколения и трансляцию социальных ценностей, формирование человеческого капитала и подготовку специалистов, способных действовать в условиях становления постиндустриального общества.

Актуальность рассмотрения проблем институционализации экономического образования определяется, прежде всего, значением данной отрасли образования для развития современного российского общества. С начала 1990-х мы можем наблюдать уверенный рост востребованности экономических специальностей среди абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения. Это обусловлено целым рядом фактором, среди которых можно выделить желание получить достойно оплачиваемую профессию и, как следствие, занять достойную нишу на рынке труда. При переходе к рынку обострилась потребность в менеджерах, экономистах, финансистах, которые могли действовать в новых экономических условиях. Кроме того, открытие новых возможностей для предпринимательской деятельности привело к росту потребности в специалистах экономического и управленческого профилей. Сложилась ситуация, при которой спрос со стороны работодателей превысил предложение. Сфера образования, адаптируясь к новым условиям деятельности, вынуждена была переориентироваться на выпуск востребованных специалистов. Как следствие, к настоящему моменту в большинстве российских вузов ведется подготовка студентов по экономическим направлениям. Именно этот факт и может послужить в качестве определяющего при выборе тема-

тики исследований, связанных с институционализацией высшего экономического образования. Его массовый характер позволяет делать обобщения на основе анализа данного феномена. Так, исследуя институциональные предпосылки того или иного явления, мы приближаемся к пониманию сущности процессов общественного развития. При этом анализ экономического образования как социального института не предполагает рассмотрение его научно-педагогических предпосылок, а также конкретных способов организации учебного процесса. Содержание образования в данном случае представляет интерес лишь в части его аксиологической парадигмы, а также той роли, которую изучение отдельных предметов играет в личностном развитии студентов. Предпринятые исследования, таким образом, будут относиться к сфере социологии и социальной философии. Однако они могут представлять определенный интерес и для теоретиков педагогики, поскольку использование результатов и подходов других научных отраслей способно обогатить любую из социально-гуманитарных наук.

Модернизация экономики немыслима без модернизации образования. Необходимо помнить, что «высокий уровень образования и подготовки необходим для продолжительного экономического роста стран, вне зависимости от степени их развития» [2, с. 44]. Во многом этим обусловлен интерес, который проявляют представители многих социальных и гуманитарных наук к проблемам поиска новых форм получения образования, внедрения инноваций в данный процесс. Педагоги и психологи, философы и социологи осмысливают особенности подготовки профессиональных кадров в условиях перехода к информационному обществу, при построении экономики знаний. Развитие человеческого потенциала напрямую зависит от успешности решения данных проблем. А те личностные характеристики, которые будут сформированы у индивидов в процессе получения экономического образования, позволят им стать полноправными членами общества, принимающими активное участие во всех сторонах его жизни.

Таким образом, теоретическое осмысление проблем высшего экономического образования представляет большой интерес. На основании выводов, сформулированных в ходе предпринятых исследований, можно будет понять особенности институциональной структуры современного российского общества вообще и института образования в частности. Анализ проблем и перспектив высшего экономического образования есть ключ к определению тех вызовов, на которые в ближайшем будущем должны будут ответить экономика и социальная сфера. Сегодняшние студенты завтра станут руководителями различных уровней. В их руках будут находиться рычаги управления производством и сферой услуг. От тех решений, которые они примут в своей профессиональной деятельности, будет зависеть успешность решения проблем модернизации экономики и ее инновационного развития. Именно поэтому высшее экономическое образование представляет собой важнейший институт современного российского общества.

Литература

1. Блинов А.О. Стратегические задачи страны и развитие высшего образования // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2011. № 11. – С. 6-12.
2. Сейнер Р. Конкурентное преимущество и качество человеческих ресурсов в России // Вестник международных организаций. 2008. № 6. – С. 39-45.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕЙРОФИЛОСОФИИ

Е. В. Глебов

Новосибирский государственный медицинский университет
glebov99@ngs.ru

По результатам исследований структуры мозга и протекающих в нём электрохимических процессов к концу XX века сформировалось понимание, что мышление в значительной степени зависит от процедур биологического функционирования ЦНС. Произошёл даже перекося в сторону представления о подавляющей роли в нашем мышлении гормональных, нейрофизиологических, кинестетических и тому подобных факторов. Не в последнюю очередь это стало возможным потому, что значительную долю в аппаратных исследованиях занимает изучение личностей с патологическими, девиантными изменениями либо в структуре мозга, либо в его функционировании. Открытия последних 20 лет вносят значительные коррективы в наши воззрения. К сожалению, в значительной степени они остаются достоянием либо чистых нейрофизиологов, либо становятся предметом метафизических спекуляций. Представляется необходимым сформулировать некоторые положения, способные ввести открытия нейрофизиологов в проблематику философских исследований.

Зеркальные нейроны зоны Брока в связке с зеркальными нейронами мозжечковой миндалины, названные Рамачандраном также «нейроны Будды», обеспечивают уникальную особенность человеческого сознания – автоматического сочувствия находящимся в зоне аудиовизуального восприятия живым существам [Ramachandran, 1991]. Аналогичных структур не обнаружено у более 330 видов исследованных высших животных, от крыс до всех видов обезьян. Вообще говоря, с точки зрения стандартной теории эволюции, особенность эта вредна. Она заставляет человека двигаться на помощь страдающим особям, несмотря на то, что данное место наверняка зона повышенной опасности. При этом, поскольку человек относится к непотическому виду, это могут быть особи, преимущественно детёныши, других биологических видов. По сути, согласно современным представлениям об эволюции, это уменьшает шансы вида Homo Sapiens на популяционное выживание. Тем не менее, всё произошло наоборот, и человек стал доминирующим видом, при

этом проигрывая большинству животных по основным параметрам, обеспечивающим индивидуальное и популяционное выживание. В случаях, когда параметры поддаются приборному измерению, человек отстаёт от уровня почти всех высших животных в сотни, тысячи и в некоторых случаях до миллионов раз. При этом особенное недоумение вызывает факт того, что domestikаты по чисто биологической приспособляемости превосходят человека по всем измеримым параметрам, и к тому же имеют все возможности к психологическому доминированию. Собственно, возникает вопрос, так кто кого одомашнил?

Для того чтобы оценить влияние такого функционирования зеркальных нейронов на современное общество, следует сравнить структуру телевизионных новостей государственного (программа «Время» времён СССР и новости TF-1) и коммерческого телевидения (любые другие современные новости, даже формально государственного или контролируемого государством телевидения). Программа «Время», в отличие от TF-1 к тому же не имела альтернативы, и представляет собой наиболее чистый тип государственной агитации. Структура такой агитации направлена на внушение ощущения стабильности мироустройства, именно она задавала парадигму «застоя», ведь в реальности страна развивалась, происходило много разных событий, от безусловно позитивных, например, полётов космонавтов до неоднозначных, таких как поворот рек. Зеркальные нейроны в ходе агитации не возбуждаются. А коммерческое телевидение начинает свои новости заставками взрывов, убийств, жертв аварий и стихийных бедствий. При этом зритель не только не должен, но и физически не может прийти на помощь. Затем показывают политических лидеров, и сочувствие переносится на них, даже если всем известно, что они лгуны и коррупционеры. При этом реакции через мышечные движения на помощь «страдальцам» не исполняются, и зеркальные нейроны не получают подкрепления. Вместо деятельного сочувствия происходит тренировка на отказ. По данным медиа-измерений средний телезритель-американец не реагирует на жертвы 1 раз в секунду, 16 500 раз в сутки [Гор, Kubey and Csikszentmihalyi], в России телевидение менее профессиональное, всего 1 раз в 20 секунд, или 800 раз в сутки. Биологическая норма составляет менее 1 в месяц для мужчин, и несколько раз в сутки для молодых матерей. Нарботка на отказ зеркальных нейронов превышает все нормы биологического резервирования, приближаясь к теоретическому уровню несработки нейронов на любой сигнал. Так формируется синдром эмоционального выгорания.

Однако дело не сводится только к тому, что «Империя Телевидения побила Республику Печатного Слова», как сказал Альберт Гор. Проблема в том, что гипертоническое возбуждение зеркальных нейронов при одновременном отказе от движения на помощь, в конце концов, формирует рефлекс отказа от сочувствия. Это один из важнейших факторов дегуманизации современного общества, действующий всё более интенсивно на протяжении последних трёх поколений. То, что отказ от сочувствия формируется непосредственно на входе

мозговых структур, занятых не только логической, но и эмоциональной компонентой личности, гораздо опаснее других техник манипуляции и небезобидного воздействия. Отказ от одной из базовых видовых особенностей человека, формируемый техническими средствами современной культуры, к тому же приносящий политическую и финансовую выгоду определённым слоям «глобального человечника», по терминологии А. Зиновьева, приведёт к разрыву между биологической и социально-формируемой функциями сознания человека. Мироощущение, в котором отсутствует встроенный аппарат сочувствия, требует переноса сочувствия на логическо-понятийный уровень, либо отказа от него как необходимой компоненты личности. Это приведёт к полному изменению ныне социально поощряемого мировоззрения таких профессиональных групп как врачи, учителя и преподаватели, спасатели, священники и т.п. Замещение сочувствия благотворительностью в рамках политкорректности будет не только торжеством либералистической доктрины, но и крупнейшим антропологическим переворотом. Действительно, за последние 3 миллиона лет мировоззрение как триада «мироощущение – мировосприятие – миропонимание» закрепились в мозгу человека на нейрофизиологическом уровне, и переключение зеркальных нейронов на другой рефлекс производит дисгармонизацию мировоззрения ещё на уровне первичных структур мозга [Глебов, 2013]. Тем более что этот новый рефлекс не безусловный, как задано природой, а условный, однако не менее обязателен. Люди уже не представляют себе жизнь без непрерывного потока телевизионных новостей. Нейронные структуры, отвечающие за мироощущение, передавая сигналы в подкорку, теперь не имеют сторожевого фильтра зеркальных нейронов. Соответственно, побуждение к действию, должному вызываться сочувствием, производится структурами, осуществляющими мироощущение сугубо в рамках эмоциональной оценки. Поскольку такие стимулы, как кровь и жалобные звуки неприятны человеку, постольку реакция на страдание побуждает к избеганию. Однако в коре заложен воспитанием императив помощи, преимущественно в левом полушарии. В результате помощь становится исключительно делом рационального выбора и зависит от прочности внушения доминирующих в данном социуме моральных установок.

Не спасает даже отказ от просмотра новостей ТВ или даже отказ от ТВ вообще. Ведь рефлекс отказа от автоматического сочувствия уже сформирован годами просмотра передач. Более того, чем невнимательнее вы смотрите их, тем успешнее идёт наработка на отказ, поскольку к замещающему воздействию неотреагированного страдания добавляется подпороговое суггестивное воздействие. Можно предположить, что взрывной рост людей с синдромом пограничного личностного расстройства, особенно среди молодёжи [Ласовская, 2013], в значительной мере связан с суггестивно внушённой приемлемостью травм и страданий, которая происходит от работающих в фоновом режиме телевизоров. В возрастной категории 18 – 22 года свыше четверти юношей и $\frac{3}{4}$ девушек имеют синдром ПЛР, что логично объясняется фактом большего расстройства личности женщин, не имеющих возможности

выразить сострадание. Даже когда объект явно не нуждается в сострадании, например актёр в фильме ужасов вовсе не испытывает истинных мучений, и мы это вполне осознаём, зеркальные нейроны всё равно реагируют, однако дальнейшая рефлекторная цепь замыкается вовсе не так, как предусмотрено природой *Homo Sapiens*. Мужчина испытывает воздействие допаминовых производных, что порождает целенаправленную эмпатию, а женщина под лавинным эндорфиновым воздействием, испытывает приступ интуиции за время меньше физиологической реакции. Однако телерадиосуггестия направляет провокацию физиологических реакций в совершенно другие области мозга, которые никоим образом не взаимодействуют с гуманистическими областями сознания. Вступая в противоречие с остальными нейронными структурами, реализующими мироощущение, «отказные» зеркальные нейроны создают диссонанс в ассоциативных полях подсознания, связанных как раз с областью проработки страдания/сострадания, и формируют предпосылки появления синдрома ПЛР. По понятным причинам, от невозможности адекватно выразить сострадание женщины теряют человеческий облик быстрее, чем мужчины.

Таким образом, функционирование мозга современного человека происходит другим образом, чем у людей дотелевизионной эры, что отмечали ещё Маршалл Маклюэн в 1960-е и Нил Постман в 1998 г., но тогда их аргументы носили философский и психологический характер. Сейчас накапливается всё больший материал, основанный на наблюдениях мозговой активности в реальном времени, и тот факт, что телеаддикции изменяют эволюционно сформировавшуюся структуру принятия решений, подтверждён прямыми наблюдениями. Насколько существенно это отличие для трансформации политических, экономических и социальных процессов, предстоит выяснить. Необходимо исследовательская программа междисциплинарного характера, нацеленная на анализ изменений в мышлении человека, в том числе на нейрофизиологическом уровне, и влияние этих изменений на рациональность принятия решений в различных областях деятельности.

Литература

1. Ramachandran, Vilayanur S., *Phantoms in the Brain*. Harper Perennial, N.Y., 1991
2. Гор А. Атака на разум. СПб., Амфора, 2008.
3. Kubey and Csikszentmihalyi, *Television Addiction Is No Mere Metaphor*. // *Scientific American Mind*, January 2004
4. Глебов Е.В. Современная нейрогносеология: проблемы и перспективы. // *Материалы Четырнадцатой международной ежегодной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов «Наука. Университет. 2013»*. Новосибирск: Изд-во Сибпринт, 2013. С. 15-19

5. Ласовская Т.Ю., Короленко Ц.П., Сарычева Ю.В., Яичников С.В. Распространённость, диагностика и клиника пограничного расстройства личности. – Новосибирск: ООО «Печатный дом Новосибирск», 2013.

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК РАЗОЧАРОВАЛСЯ В НАУКЕ

К. А. Иванова

Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор»
linaba@mail.ru

Если проанализировать фантастические произведения 60-70 гг прошлого века, то общей их характеристикой является вера в прогресс науки и в бесконечность достижений «человека ученого». Города будущего демонстрируют силу архитектурных достижений, но соразмерны человеку и являются гармоничной средой его существования. Человек способен встроиться в различные экосистемы, не нарушая их равновесия. Болезни побеждены и телесные страдания остались в прошлом. Человек в состоянии достигнуть практически любую точку галактики.

Если проанализировать современные фильмы, то их общей характеристикой является разочарование в «человеке ученом», а точнее, разочарование в результатах его труда. Во-первых, освоение космоса ограничивается орбитой Земли, человечество так и не смогло найти технологию, которая позволила отправиться дальше. Развитие общества идет по пути распределения ресурсов между ограниченной группой людей в ущерб большинства, не совершенствования технологий и научного прогресса. Города будущего выглядят мрачными и не соразмерны существованию человека. Более того, один из современных трендов фантастики – это постапокалипсис. Описывается еще более мрачное будущее, в котором произошла глобальная катастрофа, вина за которую лежит на ученых! Если это нашествие зомби – это следствие экспериментов с вирусами, прогресс в области кибернетики рождает восстание машин и т.д.

Картина мира, изображаемая в фантастических произведениях, является отражением будущего общества, если анализировать в целом, не останавливаясь на отдельных произведениях и частностях. Исходя из этого, мы видим мировоззренческий слом. Сравнивая две выше описанные картины, легко можно заметить смену отношения к науке. Фантасты больше не верят в торжество науки, не верят в прогресс и в «прогрессора», то есть в человека. Что является основой перелома, произошедшего в осознании характеристик будущего? Этот слом является следствием массового отказа от научного мировоззрения, от ориентации на научное знание как на эталон. Происходит потеря самого стремления к знаниям, ориентации на знание на уровне социума. Или, как вариант, мы видим результат долгосрочной политики по дискредитации науки и научного знания. Политики, направленной на создание такой

картины мира у людей, при которой роль науки ослабевает. Эта политика отражается в стимулировании создания постапокалиптического мира будущего в кино и книгах. В изменении школьных и университетских программ, отсутствии поддержки внешкольного технического и научного образования. Политика в средствах массовой информации, особенно на телевидении – доминирование псевдонаучных программ, и даже антинаучных. Следствием этого является ситуация, которую мы наблюдаем в области взаимоотношений науки и общества, видения роли науки. Безусловно причина происходящего коренится не заговоре, это процесс, происходящий не по воле одного или двух людей, а в большей степени мировоззренческий сдвиг, характерный для большого числа людей. Отражением этого процесса и являются изменения в описанных фантастических картинах мира. Люди с таким сдвигом в мировоззрении формируют школьную программу, снимают фильмы, пишут статьи и т.д.

Получается, что человек, как любая биологическая система, идущая по пути наименьшего сопротивления, выбирает путь наименьшего сопротивления. Путь, по которому общество двигалось в прошлом веке, требовал затрат большого количества энергии, отрицания гедонизма и удовлетворения сиюминутных потребностей. Энергия эта иссякла, и произошел слом; неспособность реализовать задуманные проекты породила разочарование общества в собственных мечтах. Возможен ли выход из этого состояния, новый импульс, новый источник энергии, новые люди, новые «прогрессоры»?

Литература

1. Curry A. Creationist Beliefs Persist in Europe // Science. 2009. V. 323. P. 1159
2. Докинз Р. Бог как иллюзия – М.: КоЛибри, 2008.
3. Жижек С.: Я не извращенец, эту роль взяло на себя популярное кино [Текст] / Жижек С.; беседу вела Л. Новикова // Известия. – 2013 – Апр.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения: Филос. фрагменты. — М.: Медиум, 1997.

АСПЕКТЫ СУБЛИМАЦИИ В ФИЛОСОФИИ ФРЕЙДИЗМА

О. А. Козырева

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина

olgakozyreva@mail.ru

Теория психоанализа З. Фрейда по сей день остается влиятельной в философских и психологических кругах. С некоторыми изменениями в положениях она продолжает функционировать и в клинической практике, помогая множеству людей излечиться от неврозов. Однако многие последователи ав-

стрийского мыслителя указывали на недостатки его теории уже в начале XX в., когда было организовано Психоаналитическое общество (1902-1908 гг.). Помимо методологических разногласий его ученикам казался спорным тезис о полном излечении от невротических симптомов при помощи аналитических практик.

Наибольшее сопротивление этому тезису оказал В. Райх – будущий основатель психосоматического направления фрейдизма. Он указывал, что излечение только посредством анализа психических переживаний никогда не будет полным без восстановления оргастической потенции и нормализации сублимационной деятельности у субъекта: «как и оргастическое удовлетворение, сублимация тоже является специфическим достижением генитального характера» [1]. Такое опосредованное отношение между сублимацией и биологическим высвобождением либидо ставит вопрос о создании специальной теории сублимации, где последняя не понималась бы негативно для физического здоровья людей, как это было сделано в философии З. Фрейда.

Сублимация в классическом фрейдизме предстает как процесс, при котором «сексуальное стремление отказывается от своей цели частного удовлетворения или удовольствия от продолжения рода, и направляется к другой [цели], генетически связанной с той, от которой отказались, но самой по себе уже не сексуальной, а заслуживающей название социальной» [2]. Анализируя это определение, можно увидеть противопоставление, которое создает Фрейд: сублимация не может сосуществовать вместе со здоровым удовлетворением либидо. Либо ты выбираешь стремление к генитальному характеру как типу максимальной реализации этого либидо, либо замыкаешься на сублимировании собственной сексуальности.

Стоит обратить внимание на такое высказывание Фрейда: «в общем, я не вынес впечатления, что сексуальное воздержание способствует образованию энергичных, самостоятельных людей дела, оригинальных мыслителей, отважных борцов за свободу и реформаторов. Гораздо чаще оно создает хороших, но слабых людей, исчезающих позднее в общей массе, которая обыкновенно неохотно повинуетя импульсам, исходящим от сильных людей» [3]. В нем можно проследить разделение воздержания на два аспекта: *положительный*, когда либидо самостоятельно отказывается от традиционного удовлетворения и переходит в область бытия культуры, и *отрицательный*, когда либидо не способно к удовлетворению вследствие психоневротических образований и вынужденно пытается реализоваться в иных формах деятельности. Но для автора положительный аспект отсутствует, он как раз рассматривает только негативное проявление воздержания: принцип функционирования невротического характера основан на вынужденной сублимации. Именно поэтому сублимация предстает для Фрейда только способом спасения от невозможности удовлетворения своих сексуальных потребностей в негативном смысле, что, естественно, приводит к формированию специфической теории культуры.

В. Райх прямо указывает на ошибочность такого понимания: «способность к плодотворной деятельности лишь тогда становится особенно сильной, когда пациент достигает полного сексуального удовлетворения» [4]. Сублимация и способность достижения полноценного оргазма взаимосвязаны между собой, и Райх называет это «упорядоченной экономикой либидо». Оргастическую потенцию он мыслил как определяющее свойство генитального характера, но не проводил жесткой границы между проявлением либидо в биологическом плане и в плане социальном. Именно на этом тезисе возможно выстроить новую философию сублимации, преодолевая экзистенциальный разрыв между инстинктивной природой человека и его социально-культурной деятельностью.

Так, необходимо различать собственно сублимацию (положительный смысл по Фрейду) и реактивное образование, при котором, по мнению Райха, «влечение поворачивается против самости и, лишь поскольку происходит это искажение, влечение принимается за Я» [5]. Этот отрицательный смысл сублимации на самом деле и не есть сублимация, так как ее назначение заключается в улучшении качества жизни человека, а реактивное образование лишь временно замещает цель своего влечения, не устраняя неудовлетворенность от невыплеснувшегося либидо. Помимо характерологических зажимов и невротических комплексов к реактивным образованиям можно отнести алкогольную и наркотическую зависимости.

«Положительная» сублимация – это результат реализации оргастической потенции, но никак не вариант замещения либидозного удовлетворения. Невозможно добиться от человека великих достижений в области культуры, мышления и общественной жизни без предоставления ему свободы для выплеска достаточного количества скапливающейся внутри его организма биологической энергии. Сублимация и способность свободного циркулирования либидо по телу человека (оргастической потенция, по Райху) взаимосвязаны, и, на мой взгляд, нельзя выделить главенствующую роль того или иного феномена. Неспособность людей к сублимации необходимо искать не в особой конституции организма, как ранее полагал Фрейд, а в нарушениях движения сексуальной энергии из-за сформированных с детства невротических образований. Освобождение способностей к правильной сублимации у большинства людей приведет к становлению более гармоничных связей в обществе, сняв множество проблем современности.

Литература

1. Райх В. Характероанализ: Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков / Перевод; Общ. ред. и вступ. ст. А.В. Россохина. – М.: ГЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. – с. 174.
2. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / Авторы очерка о Фрейде Ф.В. Бассин и М.Г. Ярошевский. – М.: Наука, 1991. – с. 220.

3. Фрейд З. «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / Сост. и авт. вступ. ст. В.М. Лейбин. – М.: Республика, 1994. – с. 24.
4. Райх В. Характероанализ... – с. 175.
5. Райх В. Характероанализ... – с. 176.

СЕТЕВОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ю. С. Рудакова

Горно-Алтайский государственный университет

yulirudakova@ya.ru

Влияние интернета на общественные изменения неоспоримо. Однако особенности этого сложного и многомерного воздействия до конца не выяснены. Так же противоречивы прогнозы относительно будущих результатов этого воздействия. Использувавшаяся первоначально для поиска и хранения информации сеть Интернет выросла до размеров «всемирной паутины», предлагая различные виды виртуальной коммуникации.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на 13 февраля 2012 г. «доля пользователей сети Интернет к началу с.г. достигла уже 55% (полгода назад - 49%), причем наиболее стремительно растет доля именно ежедневных пользователей Сети (с 30 до 36%). Не пользуются ресурсами «всемирной паутины» сегодня 45% (для сравнения, год назад таковых было 50%. В социальных сетях сегодня зарегистрированы 82% пользователей интернета (еще в 2010 году этот показатель составлял 52%).

Самыми популярными социальными сетями Рунета остаются «Одноклассники» (ими пользуются 73% пользователей интернета) и «В контакте» (62%). Третье место занимает сеть «Мой мир», популярность которой существенно выросла (с 22 до 31%). Значительно увеличилась аудитория зарубежных сетей «Facebook» (с 5 до 18%) и «Twitter» (с 2 до 9%). Доля пользователей остальных сетей не превышает 6%.»...

Заставляются задуматься данные ВЦИОМа об интернет-зависимости россиян: «22% россиян признают, что проводят в Интернете слишком много времени (22%). О том, что долго не обходятся без общения в социальных сетях, сообщают 16%. Реже россияне признают, что много времени тратят на проверку электронной почты (11%).

Если говорить непосредственно об активных пользователях Интернета, то 48% из них склонны признаваться, что слишком много времени проводят, блуждая по просторам «всемирной паутины», а 34% - что засиживаются в социальных сетях.

Среди 18-24-летних россиян, признаются в том, что интернет и социальные сети отнимают у них много времени, 53 и 44% опрошенных соответственно» [1].

Эти данные позволяют сделать вполне определенные выводы. Становится понятным, что число пользователей сети неуклонно возрастает. Подавляющее большинство ее участников – молодые люди и пользователи социальных сетей, использующие интернет для активного общения.

Однако формы социальной интеграции в сети значительным образом различаются: например такие как Facebook, В контакте, Twitter, YouTube и др. сформировались прежде всего для общения и поддержания межличностных контактов, а также личной переписки и объединения реальных друзей в виртуальных социальных сетях. Если же рассматривать коллективные блоги (Leprosorium, Dirty, Habrahabr, Reddit, Digg, Life Journal, 4chan, 2ch) то их основа обмен любой информацией, производство новых смыслов и контента, общения и поддержки [2].

Тем не менее, специфика общения в сети во многом формируется особенностями протекания коммуникации в виртуальном пространстве. Ее формы многообразны: от переписки и обмена мгновенными сообщениями, до видеообщения. Дополняя существующие сети межличностных контактов, а в исключительных случаях заменяя их, тем самым удовлетворяя потребность человека в различных формах самовыражения.

Все эти формы опосредованы компьютером и основываются на его технических особенностях и возможностях. Соответственно определяя как положительные стороны, предоставляющие большие, по сравнению с реальным общением, возможности, так и его недостатки.

К характерным особенностям общения в сети относят: анонимность, физическую непредставленность, пространственно-временную компрессию, дистантность, неограниченную возможность контактов, гипертекстовость и т.п.

Предоставляя огромные, по сравнению с материальным миром, возможности, вместе с тем они порождают и определенные проблемы. В результате не только снижается эффективность коммуникации, возникает непонимание, но и облегчается возможность для манипулирования, провоцируется безразличность при девиантных формах поведения, порождается сетевой эксбиционизм.

Необходимо отметить, что некоторые участники интернет-коммуникаций призывают к соблюдению этики в интернете, описывают правила поведения в сети и возникающие при этом угрозы, дают рекомендации для родителей (например: сайт Этика.ру).

Таким образом, сетевое общение по существу знаменует новый этап в процессе развития коммуникации. Не столько заменяя, сколько дополняя существующую коммуникацию и формируя особую интернет-культуру. Эта коммуникация носит опосредованный характер, поскольку зависит от технических устройств. Социальное пространство, формирующееся в интернете, представлено большим количеством сетевых сообществ. Способы сетевой коммуникации носят как асинхронный, предполагающий запоздалую связь, так и синхронный, максимально сокращающий время, характер.

Особенности данного вида коммуникации не только дают определенные преимущества ее участникам, позволяя вести поиски собственной идентичности, самовыражаться и самореализовываться, но и накладывают на виртуальное общение определенные ограничения, приводят к трансформации традиционных ценностей.

Литература

1. Интернет-зависимость: сколько россиян подвержены «болезни XXI века»?/ Всероссийский центр исследований общественного мнения (ВЦИОМ). Пресс-выпуск № 2415. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114515> (дата обращения 3.10.13).
2. Рыков Ю. Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал// Ю.Г. Рыков. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/2013/09/26/1277559874/Рыков%20Ю.Г.%20статья.pdf>. (дата обращения 30.09.13).

КЛАССОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Х. В. Теплякова

Томский государственный университет

c.teplyakova@gmail.com

В эпоху рыночных отношений общество преимущественно описывается и рассматривается в терминах обмена и потребления, что подразумевает под собой большое количество межличностных коммуникаций, то есть человек все больше взаимодействует с другим человеком, а не с машиной. Эффективность торговли зависит не только от уникальности товара и потребности в нем, но и от самого процесса совершения покупки. То есть, чем выше качество обслуживания в процессе коммуникации с покупателем, тем выше вероятность, что он к вам вернется. Это означает актуализацию феномена эмоциональной работы.

Эмоциональная работа – это выказывание особых эмоций, требуемых от работника в соответствии с его должностью. То есть, человек осознанно подавляет собственные реальные эмоции и демонстрирует иные чувства, соответствующие ситуации взаимодействия и статусу собеседника. Эмоции являются важнейшим «внутриорганизационным ресурсом», то есть их можно получать при взаимодействии с подчиненными и приходится отдавать во взаимодействии с более статусными людьми. Подобным образом эмоции формируют социально-психологический климат в организации и являются неформальными регуляторами управленческих процессов.

Мы исходим из того, что такой эмоциональный обмен имеет внешние вербальные и невербальные проявления и, соответственно, с помощью на-

блюдения и фотографии мы можем зафиксировать неравенство социальной структуры, отраженной в эмоциональном взаимодействии. При этом ключевым вопросом для нас является зависимость направленности и содержания эмоциональной работы от социального статуса работника. Исследование данной проблематики проводилось весной 2013 года, в котором объектом выступали работники социальных профессий различных уровней. Анализу подвергались фотографии, отображающие эмоциональную работу участников коммуникации. Эмоциональная составляющая в процессе их взаимодействия должна быть явной и проявляться в невербальных, внешних средствах коммуникации.

Мы условно разделили объект исследования на 3 категории: сервисный класс (официанты, банковские работники, продавцы-консультанты), средний класс (руководители среднего и административного уровня, госслужащие, владельцы сравнительно небольших предприятий) и верхний средний класс (высокопоставленные чиновники, владельцы крупного бизнеса, менеджеры крупных компаний). В ходе исследования выяснилось, что самые массовые и явные эмоциональные затраты характерны для работников сферы обслуживания. Их рабочий день может длиться до 12 часов, в течение которых они постоянно «на ногах». Их задача – подчеркивать высокий статус гостей или клиентов, улыбаться и быть обходительными и ориентироваться на предпочтения и пожелания посетителей. Представителям сервисного класса очень часто приходится иметь дело с различного рода конфликтами и недовольствами, но при этом всегда оставаться вежливыми. Свое подчиненное положение по отношению гостям они проявляют через наклон головы в сторону гостя, прямой взгляд на посетителя, в то время как он рассматривает меню или занят своими делами, готовность в любой момент принять заказ.

У представителей среднего класса уже имеются свои подчиненные, и они занимают руководящие посты среднего и высшего звена на предприятиях и в госучреждениях. Эмоциональная работа у них направлена в пользу вышестоящих, но высокий статус своего руководителя обычно подчеркивается через такие формальные моменты, как, например, место, занимаемое руководителем за столом переговоров. Менеджеры всегда должны быть готовы к взаимодействию со своим руководством, демонстрировать внимание и сосредоточенность, они проявляют уважение к стратегическим партнерам и гостям мероприятия, являются достойными представителями своей организации. Среднеклассовая эмоциональная работа осложняется еще и тем, что менеджеры также должны заниматься обучением подчиненных, оценивать их эмоциональную работу и избавлять их от «экзистенциальной тревожности». При этом сам менеджер находится в еще более тяжелой ситуации: он сам должен решать, что ему делать, а не слепо следовать указаниям сверху, и сам должен справляться с собственным «экзистенциальным страхом». Такая ситуация либо способствует эмоциональному выгоранию, либо заставляет менеджера искать пути компенсации эмоциональных затрат.

В высших кругах рабочие моменты регулируются официальными документами, выступающими в качестве конвенциональных норм и позволяющими избежать непреднамеренных ошибок и случайного проявления неуважения. В связи с тем, что люди высших кругов часто занимают государственные должности, их поведение в интернациональной среде является стратегически важным и от того, как себя поведет тот или иной чиновник, зависит будущее крупной корпорации или государства. В связи с этим, например, глава государства на встречах и официальных визитах должен с одной стороны проявлять уважение к своим коллегам, налаживая с ними дружеские отношения, а с другой, демонстрировать собственные влияния и власть, давая понять, что его государство является независимым и конкурентоспособным. Эмоциональная составляющая на данном уровне присутствует, но она носит неявный характер. Однако качество эмоционального обмена выше, а сама «эмоциональная игра» глубже, поэтому процесс эмоционального обмена сложнее зафиксировать. В связи с тем, что эмоциональные затраты очень высокие, руководители высшего звена компенсируют ее во взаимодействии с подчиненными.

Таким образом, чем выше социальный статус человека, тем более тонкую и глубокую эмоциональную работу ему нужно выполнять, причем в высших кругах эта работа осуществляется только при взаимодействии с людьми равного или еще более высокого статуса.

СЕТЕВОЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ

К. С. Брагина

Новосибирский государственный университет
saintsinner12009@rambler.ru

Современное общество живет в «ускоренном» темпе, и человеку приходится также «ускоряться». Существование в такой реальности ведет к тому, что постоянное взаимодействие и коммуникации приводят личность к ситуации социальной изоляции как решению проблемы «поглощения» своей индивидуальности социумом.

Понятие социальная изоляция (или социальное одиночество) рассматривается с различных точек зрения, различными дисциплинами и авторами. Например, Вейс, представитель интеракционистского подхода, установил два типа одиночества:

1. Эмоциональное одиночество представляется результатом отсутствия тесной интимной привязанности, такой, как любовная или супружеская. Эмоционально одинокий человек должен испытывать нечто вроде беспокойства покинутого ребенка: беспокойство, тревогу и пустоту.

2. Социальное одиночество становится ответом на отсутствие значимых дружеских связей или чувства общности. Социально одинокий человек переживает тоску и чувство социальной маргинальности [3].

Э. Корнвелл и Л. Уайт (исследующие корреляцию заболеваемости пожилых и социальной изоляции) рассматривают две формы социальной изоляции:

1. Социальная бессвязность, отмеченная нехваткой общественных отношений и низкими уровнями участия в общественной деятельности;

2. Воспринятая изоляция, определенная одиночеством и воспринятой нехваткой социальной поддержки [1].

Представители психодинамического подхода (Зилбург и Салливан) связывали одиночество взрослого с его детством и потребностью в человеческой близости. Так, Зилбург разделял понятие одиночества и уединенности. Последнее рассматривал как явление проходящее, а одиночество как постоянное.

Рассмотрение отчуждения не обошла стороной и современная философия, которая акцентирует внимание на включенности индивида в социальную реальность, которая в дальнейшем, через отчуждение, становится враждебной для него. Понимание социальной отчужденности, строится на том, что существует конфликт между индивидуальной и социальной идентичностью, результатом которого становится порождение чувства уникальности и отчужденности от Других (общество). Именно философский подход подчеркивает, что одиночество неотъемлемая часть бытия человека.

Множественность подходов к пониманию социальной изоляции (отчужденности) говорит о том, что исследование этого феномена носит, безусловно, междисциплинарный характер. Наиболее полную картину в понимании социального одиночества (изоляции) создает философский анализ.

Несмотря на то, что социальная отчужденность весьма подробно рассматривается многими дисциплинами, феномен этот не изучен с точки зрения сетевого подхода к обществу.

Развитие этому подходу дали исследования Дж. Морено, который, при изучении процессов социального притяжения и отталкивания, разработал процедуры их математического измерения. За единицу сети (узел) были приняты индивиды, группы индивидов и созданные ими учреждения. Для создания формата сети узлы должны обладать следующими характеристиками: дискретностью, подобием, близостью, асимметричной взаимностью и наличием третьего элемента. Дискретность в сетевом анализе означает пространственную отдаленность узлов друг от друга, подобие – общность ключевых характеристик, близость – это локализация в пространственно-временных координатах. Взаимность характеризует обмен между узлами в сети при асимметричном характере коммуникаций [4]. Третий элемент или, как его называют, баланс, это – сама социальная реальность, в которой существуют эти узлы.

Опираясь на этот подход, можно выстроить новый взгляд на социальную изоляцию. Например, возможно изучение этого феномена исходя из того, насколько должен отдалиться хотя бы один из узлов сети от других, чтобы стать социально изолированным, и как в такой ситуации может «повести себя» сеть.

Литература

1. Erin York Cornwell, Linda J. Waite. Social Disconnectedness, Perceived Isolation, and Health among Older Adults / J Health Soc Behav. – 2009. March. – № 50 (1). – P. 31–48.
2. Корнющенко-Ермолаева Н. С. Одиночество и формы отчуждения человека в современном мире // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 332. – С. 40–43.
3. Лабиринты одиночества / пер. с англ. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М. : Прогресс, 1989. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/lonethe1.htm>
4. Пестова Г. А. Сетевой подход в анализе современного российского общества // Вопросы управления. – 2012. – № 1 (18). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/01/>

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Л. А. Грицай

Рязанский филиал Московского государственного
университета культуры и искусств
usan82@gmail.com

В последние годы в научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи.

Ни для кого не секрет, что в современном мире семья переживает острый кризис, проявляющийся, в первую очередь, в сфере детско-родительских отношений. Ослабеваются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства.

Причины данной ситуации можно увидеть в политических, экономических, социальных преобразованиях последних лет, однако, на наш взгляд, кризис семьи и родительства, в первую очередь, вызван низким значением ценности семьи с детьми в сознании наших современников.

Об этой черте современной цивилизации с тревогой пишет Н.Х. Орлова. По ее мнению, особенностью современности является так называемый мировой или цивилизационный кризис идентичности, который сопровождается дезорганизацией больших сообществ и структур, культурной фрагментарно-

стью, глобализацией мировых процессов, разрушением традиций, постмодернизацией [1, с. 13].

Современный человек сталкивается с трудностями, почти неизвестными его предкам, к которым можно отнести все возрастающую скорость жизненных ритмов и многообразие социальных связей, усложняющих возможность целостного понимания мира. Все чаще и чаще духовные жизненные цели подменяются «средствами жизни», борьбой за материальные блага и социальный статус, меркантилизацией, гедонистической направленностью. Счастьем оказывается не жизнь в ее полноте, а некий фрагментарный набор ее свойств и качеств, не «бытие», а «обладание» [1, с. 13].

Данный кризис проявляет себя по всему мировому сообществу (особенно он заметен в развитых странах) и характеризуется «ценностным сдвигом» в сторону индивидуализации человека (В.О. Рукавишников) [2], обособления его как в семейной жизни, так и в социуме.

Данная ситуация в постсоветском пространстве усугубляется радикальным разрушением мировоззренческих норм и ценностей без замены их на другие, отвечающие традициям российской ментальности.

Подобные негативные явления требуют поиска способов преодоления сложившейся ситуации. В связи с этим актуальность приобретает проблема изучения философско-социологических основ родительства. Исходя из этого, мы определили следующую цель данного исследования: на основе анализа научных источников определить параметры философско-социологического подхода к изучению родительства.

Следует отметить, что понятие «родительство» является областью исследования целого ряда наук: философии, социологии, психологии, педагогики, медицины, права, демографии, культурологии, этики, религиоведения и др. Как отмечает Э.Р. Алексеева, родительство может рассматриваться как «биологический, психологический, а также социокультурный феномен; как социальный институт, включающий в себя два других института: отцовство и материнство; как деятельность родителя по уходу, содержанию, воспитанию и обучению ребенка; как этап в жизни человека, начинающийся с момента зачатия ребенка и не заканчивающийся после смерти ребенка; как отношения кровного родства между родителем и ребенком; как субъективное восприятие человека себя родителем» [3].

С одной стороны, это обстоятельство доказывает значимость данного феномена в жизни как каждого отдельного человека, так и всего человечества, но с другой, – свидетельствует об отсутствии единого подхода, то есть определенной «фрагментарности» исследований родительства.

В отечественной науке на сегодняшний день можно выделить несколько научных подходов, опирающихся на психологическое (М.О. Ермихина, А.А. Леонтьев, Р.В. Овчарова, Г.Г. Филиппова) и педагогическое (И.Н. Гребенников, О.Л. Зверева, А.Н. Ганичева, Л.Ф. Спирин) понимание феномена «родительство».

Однако существует еще один философско-социологический подход, который – по идее – призван объединить все подходы к исследованию родительства. Данный подход представлен работами А.И. Антонова, Н.В. Богачёвой, Ю.А. Гаспаряна, Т.А. Гурко, И.С. Кона, М.С. Мацковского, Г.Я. Матуле В.А. Рамих и других.

Изучение трудов этих исследователей позволяет говорить о том, что с точки зрения данного подхода родительство является важнейшей общечеловеческой ценностью, в которой условия существования самого сообщества людей соотнобразуются с высокой социальной, природной и духовной целесообразностью.

Как полагает в своей работе «К вопросу об актуализации социально-философского анализа семьи как социального института» Е.И. Балдицына, философско-социологический подход предполагает осмысление семьи (и родительства) как социокультурного феномена, то есть целостного общественного явления [4].

Следовательно, родительство как философско-социологическая категория представляет собой «устойчивое эмоционально насыщенное взаимодействие реальных и потенциальных родителей, связанное с рождением и воспитанием детей и характеризующееся соответствующим поведением мужчины и женщины» [5, с. 13]. По мнению И.С. Кона, данная категория включает в себя: «родительские чувства, любовь, привязанность к детям; специфические социальные роли и нормативные предписания культуры» [6, с. 5]. Н.В. Богачева добавляет к этому также «социальные функции родителей, культурные символы отцовства и материнства, права и обязанности мужчины-отца и женщины-матери по отношению к ребенку» [5, с. 13].

Таким образом, мы видим, что социальная философия расширяет область изучения родительства, рассматривая его не только с точки зрения особенностей воспитания детей в семье (педагогический подход) или как интегральное психологическое образование личности (психологический подход), но и обращая внимания также на философско-социологические аспекты данного феномена.

Подобный подход представляется нам наиболее полным, так как он отражает понимание родительства не только как части личностной сферы человека, включающее потребности, ценности, мотивы, но также проблемы сути родительства как сферы человеческой жизнедеятельности и способы реализации родительских позиций в социуме.

Более того, Н.Х. Орлова справедливо утверждает, что философско-социологический подход в вопросах изучения родительства обусловлен уже самим предметом исследования, таким глубинным и объемным подходом к нему, при котором семья характеризуется как «матрица человеческой личности», «элемент социальной структуры», «первичная ячейка общества», «наиболее сложная форма социальной общности» и т.д. [1].

Таким образом, изучая родительство как интегральную категорию, мы можем выделить психологический и педагогический и философско-

социологические аспекты данного феномена, где психология изучает родительство как психологическое образование личности, педагогика решает проблему включения личности в систему семейного воспитания, а социальная философия определяет сущностную характеристику родительства в данном социуме.

Литература

1. Орлова, Н.Х. Семья как объект социально-философского исследования (Эволюция семейных отношений на рубеже XX-XXI столетий): автореф. ... канд. филос. наук. – СПб., 2000.
2. Рукавишников, В.О. Конкурентоспособность и демократия // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 3-15.
3. Алексеева, Э.Р. Анализ семейных форм социального родительства в современной России // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – № 3. Сер. Философия, социология, политология и культурология. – С. 644–646.
4. Балдицына, Е.И. К вопросу об актуализации социально-философского анализа семьи как социального института: сб. научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. – Сер. Гуманитарные науки. – 2005. – № 1 (13) // <http://www.ncstu.ru>
5. Богачёва, Н.В. Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российском обществе: автореф. ... канд. социол. наук. – Казань, 2005.
6. Гурко, Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. ... д-ра социол. наук. – М., 2008.

ФУТБОЛ И ФАНАТЫ В ПРИЗМЕ НЕОПЛАТОНИЗМА

А. И. Евдокимов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
aievdokimov@gmail.com

В современном мире футбол давно уже перестал быть просто командным видом спорта, в котором игроки стремятся ударами ног забить мяч в ворота соперника.

Футбол сегодня является самым популярным видом спорта, поэтому с ранних лет жизни большинства мальчиков, он начинает выполнять свою социальную функцию, помогая выстраивать как отношения со сверстниками, так и внутри семьи (в первую очередь, между отцом и сыном).

Футбол – это политика, поэтому различные группы интересов уже давно научились использовать его как инструмент достижения требуемых результатов, инструмент демонстрации своей силы и власти.

Футбол – это бизнес, капитализация которого с каждым годом растет с ужасающими темпами за счет продажи прав на телевизионные трансляции, спонсорских контрактов, рекламы, распространения атрибутики футбольных клубов и т.д.

Футбол с каждым годом обретает свою очертаемую культурную составляющую, как нематериальную (традиции, образцы поведения, фольклор), так и материальную (стадионы, атрибутика).

В философском плане футбол можно разделить на две части.

С одной стороны, футбол имеет свою внутреннюю философию, основанную на идеях справедливости, честности, взаимопомощи, превосходстве сильнейшего, отказе от запрещенных приемов и т.д.

С другой стороны, футбол становится сам по себе философией (порой даже переходящей в религию) для людей, которые не могут представить свою жизнь без него. Это футбольные болельщики и фанаты. И если для болельщика футбол вступает в органичный симбиоз с другими духовными ценностями, то в философии фаната он занимает доминирующее над всем положение.

Некоторые обоснованию этому феномену можно обнаружить в учении об эманациях неоплатонического направления античной философии.

Согласно неоплатоникам, концепция онтологического истечения включает в себя четыре элемента и, соответственно, три фазы эманации: Единое – Ум – Душа – Материя.

В рамках выбранного предмета исследования эта неоплатоническая концепция представляется в виде следующих четырех уровней: Футбол – Футбольный клуб – Футбольные болельщики – Футбольные фанаты.

Первый уровень. Это футбол в его классическом понимании. Состязание, в котором две команды стараются победить друг друга для того, чтобы, во-первых, получить удовольствие от самого процесса игры, а, во-вторых, показать свое превосходство над соперником.

Второй уровень. Чистая идея начинает принимать разнообразные формы: появляются футбольные клубы. Футбол теперь связан не с абстрактной группой людей, которые бегают по полю и пинают мяч. Теперь это еще и набор управленцев, технического и обслуживающего персонала, зачастую количественно превосходящий тех, кто непосредственно «занят» футболом.

Сами футболисты теперь получают не только моральное, но и материальное вознаграждение за свою деятельность. Футбол превращается в профессию.

Футбольный клуб создает инструментарий, который позволяет ему отличаться от себе подобных: эмблему, гимн, цвет формы и другую символику.

Появляются общепринятые правила игры и судьи, которые следят за соблюдением этих правил в состязаниях между различными клубами.

Футбольный клуб начинает формировать собственную философию, иногда даже расходящуюся с базисными установками. Клубы могут не принимать в свои ряды футболистов другой национальности, цвета кожи, религии

озных убеждений; устанавливать порог физического, профессионального или материального уровня претендентов.

Абстрактный «футбол» получает конкретное воплощение, первые тени, если пользоваться метафорами Платона.

Третий уровень. Футбольные болельщики отходят от одного из главнейших принципов «футбола» - непосредственно игры в футбол. Для того чтобы соприкоснуться с «футболом» не обязательно самому участвовать в игре, достаточно быть просто наблюдателем. Болельщик знает правила игры, понимает действия игроков, разбирается в истории клуба, за который болеет, и, в какой-то степени, творит его сегодняшнюю историю. Болельщик ходит на стадион не только для того, чтобы посмотреть игру, но и чтобы поддержать любимую команду. Ценности «футбольного клуба» и «футбола» становятся одинаково важными.

Четвертый уровень. Среди болельщиков образуются группы, которым становится недостаточно ходить на стадион и надевать шарф с символикой любимого футбольного клуба. Под футбольными фанатами в данном аспекте понимается наиболее активная, обладающая социальной организацией и набором идеологических установок, часть футбольных болельщиков определенного футбольного клуба. Для футбольного фаната сам процесс «игры в футбол» практически теряет какую-либо значимость. Главная цель фаната – поддержка своего футбольного клуба. Для этого он готов ездить на матчи в другие города, махать флагами и оказывать звуковое сопровождение игры своей команды, вступать в противостояние с фанатами других команд. Футбол, который не касается поддерживаемого футбольного клуба, остается на задворках их жизни, а в самых радикальных случаях и вовсе не имеет к ней никакого отношения. Происходит полный разрыв онтологического источника с его последней стадией эманации.

Таким образом, та «философия футбола», которую можно обнаружить в среде футбольных фанатов, зачастую не имеет совершенно никакого отношения к «футболу» как таковому. Ведь главная задача «философии» фанатов заключается удержании старых и привлечении новых членов в свою организацию.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ КАК ФАЛЬСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА

М. В. Каширина (Вернер)

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
prostoverner@mail.ru

Фальсеология, дословно, - наука о лжи. В социологии принято понимать «ложь» одну из форм социального взаимодействия, в основании которого лежит намеренное искажение действительности ради достижения желаемой

цели или стремления избежать нежелательных последствий [1]. В определённых объективных социальных условиях ложь становится «полезна» не только самому «лжецу», но и «реципиенту лжи». Т.е. речь идет о тех интеракциях, когда оба Актора знают о лжи одного из них, но при этом делают вид, что не замечают этого и «играют в правду». Тем самым устанавливаются определённые негласные нормы социального взаимодействия, при котором оба взаимодействующих осознают, что один из них лжет, а другой это принимает. Такого рода взаимодействия мы и определяем как фальсеологические (фальсеоинтеракции).

Регулярный обмен порождает в людях систему взаимных ожиданий; и если ожидания лжи в коммуникации взаимны, и облегчают каждому из взаимодействующих достижение своих целей, то такая фальсеокоммуникация приобретает устойчивую форму, закрепляется, ритуализируется, входит в привычку и даже в подсознание акторов. Под понятием «фальсеологическое взаимодействие» мы будем понимать такое социальное взаимодействие, в основании которого лежит *осознанность фальши (обмана, лжи) обеими сторонами коммуникации, и одновременное принятие ими этих «правил игры»* [2].

Фальсеокоммуникация хорошо верифицируется самостоятельной работой студентов в процессе обучения. В каждой рабочей учебной программе, по каждой дисциплине предусмотрено определенное количество часов, которое студент должен посвящать самостоятельному изучению дисциплины. В самостоятельную работу студента традиционно включают: подготовку курсовых работ (проектов), рефератов, расчетных работ, домашних контрольных работ, семинарских вопросов и т.д. При этом, зачастую, на внеаудиторную работу отводится большее количество часов, чем на аудиторную.

Но в современных условиях (например, с развитием технологий, распространением сети Интернет) студентам уже не требуется большого количества времени на поиск информации при подготовке к семинару. Написание курсовых работ, не говоря уже о рефератах, также облегчает Интернет и организации по написанию рефератов, курсовых, дипломных и др. работ. Студент предъявляет результаты своей внеаудиторной деятельности так, «как если бы» он тратил на нее оговоренное в РУП количество человеко/часов. Преподаватель, принимающий этот подлог «так, как если бы» он был правдой, вступает с субъектом с.р. в фальсеологическую коммуникацию, негласный «общественный договор» о приемлемости фактического объема трудозатрат.

Нами было проведено исследование по данной проблематике [3]. По результатам опроса студентов, для подавляющего большинства основным источником информации для самостоятельной подготовки, выполнения работ служит Интернет, и более чем для 70% - это единственный источник информации, при этом качество этой информации с научной точки зрения весьма сомнительны – Интернет-документы зачастую вовсе не авторизированны.

При этом основная масса студентов (45,7%) готовится лишь при выполнении индивидуального задания. Без увязки с другими данными это обнаде-

живает, они хоть готовятся. Но, учитывая затрачиваемые на самостоятельную подготовку время и силы, возникает определённого рода сомнение в сформированности задекларированных компетенций. Среди опрошенных студентов 70,8% знают о том, что студенты их вуза пользуются услугами организаций по написанию студенческих работ. При этом 21,3% признались, что сами пользовались услугами таких организаций. Следует заметить, что это только количество признавшихся. Эта группа для нас интересна с точки зрения де-проблематизации изучаемого феномена.

Опрос преподавателей в свою очередь показал, что в целом, чаще всего на семинарские занятия студенты приходят подготовленными на 1-2 вопроса из задаваемого перечня. Но при этом отмечают, что в каждой группе есть определённый кластер студентов, которые готовятся всегда (по оценкам преподавателей таких 5-10%), а есть те, которые не готовятся никогда. Все опрошенные нами преподаватели признались, что были в такой ситуации, когда студенты пытались сдать им работу, выполненную «на заказ» или скаченную с Интернета. При этом 86,4% опрошенных преподавателей принимали у студента эту работу. Основная причина этого – невозможность доказать, что она выполнена не самим студентом. Примечательно, что большинство преподавателей считают, что студенты обращаются в организации по написанию студенческих работ только в случае, если работа высокой сложности. Т.е. находят оправдание студентам и в принципе не отрицают такого выхода из ситуации.

Анализ дневников бюджета времени показал, что соотношение затрачиваемого времени на аудиторные занятия, к количеству времени, затрачиваемого на самостоятельную работы, в среднем 5:1. Меньше всего времени студенты затрачивают на написание контрольных работ и рефератов (не более 1,5 часа на выполнение 1 работы). Кроме того, студенты отнюдь не (большинство опрошенных студентов заявили, что готовятся на каждый семинар).

Некоторые респонденты, заполняя дневник, отмечали день самоподготовки. Но при этом, в этот день студенты не занимаются никакой учебной деятельностью.

Таким образом, исследование показало, что задекларированный и фактический объёмы самостоятельной работы студентов регулярно работают самостоятельно. В среднем студенты готовятся к семинару 3-4 раза в месяц по всем дисциплинам. Это противоречит данным, полученным в ходе опроса студентов различаются. Сами же студенты не отрицают, что порой не просто не затрачивают должного количества времени на выполнение самостоятельной работы, но и вовсе не выполняют её, скачивая работы из Интернета или обращаясь в организации по написанию студенческих работ. Большинство преподавателей в большинстве случаев и по определённым причинам принимают у студентов работы, скаченные из Интернета или выполненные «на заказ». Самостоятельная работа студентов носит лишь имитативный характер и в процессе обучения закрепляется как фальсеологическая процедура (фальсеоинтеракция).

Примечания

1. Латынина, Ю. Социология лжи. <http://www.qwas.ru/belarus/gramada/Sociologija-lzhi/> (Последнее посещение 03.10.2013).
2. Каширина М.В. Этнический фактор в образовательных фальсеоинтеракциях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2013. № 10. Ч. 2. С. 81-84.
3. Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВПО ХГУ им. Н.Ф. Катанова в марте-апреле 2012 г. Предметом исследования выступала самостоятельная работа студентов как фальсеологическая процедура. Методы исследования: анкетный опрос преподавателей и студентов, анализ бюджета времени студентов. Была построена двухступенчатая выборка: лотерейным методом были отобраны 3 института ВПО (1/5 от всех институтов) и опрошено 13% студентов и преподавателей с каждого института. Объем выборки составил 126 студентов и 22 преподавателя для анкетного опроса и 21 студент для анализа дневников бюджета времени. Всего N=169.

КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСТВА В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

О. Н. Томюк

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
helgago@yandex.ru

Понимание творчества и его критериев имеет исторический характер и зависит от господствующего стиля философского мышления. Классическая философия представила понятие творчества в рационалистической парадигме исследования, а именно как разумное, строго логическое нахождение и обоснование нового, которое задавалось особым способом мышления.

Концепция творчества в античной философии, имея в качестве доминанты классическую субстанциальную позицию, дала некие предчувствия по поводу иного, неклассического подхода к пониманию творчества. У Гераклита представление о бытии: «все течет, все изменяется», в последствие стало основанием для отхода от классического мышления и становления неклассического понимания бытия, что в свою очередь сказалось и на понимании творчества.

В период средневековья наметился и укрепился скепсис по отношению к всемогуществу разума, ослабела вера в возможности разума познать мир.

* Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

Соединение веры и разума привнесло новое в понимание творчества: творчество рассматривалось как деятельность чистого разума, помещенного в контекст веры с волей, интуицией, воображением, эмоциями. Новое в понимании творчества в философии Средневековья состоит в сочетании рационально сконструированной онтологии (это доминанта) и онтологии иных контекстов, предполагающих задействование в творческом процессе как рациональных, так и иррациональных структур сознания.

Понятие новизны как критериальной характеристики феномена творчества вплоть до XX в. не подвергалось сомнению, а творчество как процесс не меняло своей критериальной направленности – движения к новому. В XX в. сложилась иная, неклассическая традиция концептуализации творчества, характерными чертами которой были критика «чистого разума» и обозначение возможности по-новому мыслить о мире.

Изменения в понимании феномена творчества в неклассической концепции относились, в большей степени, к области конструирования реальности и роли человека как субъекта этого конструирования. Наблюдается отход от центрирующей роли всякой субстанции к пониманию реальности в ее процессуальности, движении, становлении.

Вектор критического осмысления рациональности был задан в философских работах Ф. Ницше и С. Кьеркегора, в которых актуализируется иррациональный аспект познания. В антирационалистической философии был произведен критический пересмотр статуса и возможностей разума: вместо разума на первый план выдвинулись воля (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), интуиция (А. Бергсон), инстинкты (З. Фрейд) и др. В неклассической концепции творчество рассматривается как противоположное механическому рационализму. Так, экзистенциализм высвечивает духовно-личностную природу творчества. Развернутая концепция творчества представлена в трудах А. Бергсона.

А. Бергсон в работе «Творческая эволюция» (1907) творчество трактует как непрерывное рождение нового: в природе – в виде процессов рождения, роста, созревания, в сознании – в виде возникновения новых образов и переживаний [1]. А. Бергсон характеризует мир не как законченную реальность, а как реальность становящуюся, вводя категорию длительности. По его утверждению, вся Вселенная «длится», но эта длительность не есть протяженность, длительность является выражением темпорального и непрерывно становящегося мира [1, с. 47]. А. Бергсон рассматривает реальность не как логически упорядоченное многообразие, а как сцепление, переплетение всего сущего. По мнению А. Бергсона только благодаря интуиции, а не разуму, становится возможным уловить динамизм, качественную разнородность, «подвижную непрерывность» реальности. Категория интуиции снимает с разума как единственно способного творить, находить новое в реальности. Благодаря интуиции в творческом акте актуализируется восприятие, чувства, бессознательное, физиологическая составляющая субъекта творчества – человека.

Творчество трактуется как улавливание длительности, неустойчивости, изменчивости жизни.

«Подозрение к разуму» было высказано и П. Рикёром, считавшим, что разум не является единственным фактором идентификации человека, более того, необходимо отойти от идентификации человека через какую-либо сущность. Такой подход П. Рикёра позволил исследовать творчество как онтологическую характеристику, способ жизни человека.

Основная идея неклассической философии в том, что окружающий мир есть разрозненный хаос, не имеет целостности, внутренних закономерностей, законов развития, не подконтролен разуму и подчиняется другим движущим силам, например аффектам, воле. Неклассическая философия (экзистенциализм, герменевтика, психоанализ, философия жизни и другие направления) в отличие от классических концепций рассматривает творчество во взаимосвязи с волей, интуицией, верой, чувствами.

Неклассические философские концепции видят новизну как критериальную характеристику творчества не в результате деятельности, а в процессуальности творчества, раскрываемого с помощью таких понятий, как длительность, междусубъектность, полифоничность, многоплановость, межпарадигмальность и др.

В неклассической традиции процесс творчества и его результаты дополняются антропологическим и социальным измерением. В коллективном труде «Творчество как принцип антропогенеза» впервые проблема творчества решается на междисциплинарном уровне, на стыке философской антропологии, психологии, философии культуры, педагогики, эстетики и др. [2]. Так, В. И. Самохвалова считает, что не всякое новое есть проявление и результат творчества. В статье «Творчество как антропокультурный феномен» в качестве критериев творчества исследователь называет:

- созидательный характер процесса творения и его результата; творчество есть лишь продуктивное изменение;
- создание ценности;
- наличие акта отдачи творцом своего творения адресату;
- включение сотворенного в систему связей, в которых и рождается смысл произведения;
- самореализация творца как поединок человека со своим демоном (С. Цвейг), вселяющим в человека-творца дух искания, беспокойства; востребованность творческой личности [3].

Таким образом, благодаря достижениям естественных и гуманитарных наук открываются новые и новые возможности изучения, осмысления творчества.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 384 с.

2. Киященко Н. И. Принципы и критерии творчества – формы их взаимодействия // Творчество как принцип антропогенеза. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 20–82.

3. Самохвалова В. И. Творчество как антропокультурный феномен // Творчество как принцип антропогенеза. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 162–228.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ХАКАССКИХ И НЕМЕЦКИХ СКАЗКАХ

О. М. Чистанова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
chistanovaolga@gmail.ru

Сказка является важнейшей частью национального фольклора. На сегодняшний день трудно представить себе человека, который не знаком со сказкой.

Как жанр устного народного творчества, сказка зародилась в глубокой древности и передавалась из уст в уста, из поколения в поколение. Она содержит в себе различные мотивы и образы, которые встречаются так же и в более древних сказаниях – мифах. Но исследовательский интерес к сказке проявился гораздо позднее. Тем не менее образы, содержащиеся в сказках, зародились раньше, чем их стали записывать, поэтому корни образов из сказок следует искать в прошлом.

Актуальность темы объясняется интересом к мифологии и традиционным мировоззрением народов. Новизна работы состоит в рассмотрении народных сказок в их связи с мифологическими образами. Так, нашей целью является выявить художественные образы в хакасских и немецких народных сказках.

Итак, рассмотрим понятие миф.

Миф – рассказ о божествах или божественных существах, в действительность которых народ верит, и дело здесь не в вере как в психологическом факторе, а в историческом. Главным отличием является сакральность-несакральность, строгая достоверность и недостоверность. [Мелетинский с.262]

Художественный образ – это обобщенная картина человеческой жизни, категория эстетики, которая характеризует присущий только искусству способ отображения и преобразования действительности.

Сказка – совокупность всех видов и форм устной прозы. Важнейшей особенностью сказок является образность, которая представлена героями сказок, окружающим их миром. Сказки можно рассортировать по тематике на группы, обычно выделяется три: бытовые сказки, сказки о животных и волшебные сказки.

Итак, рассмотрим мифологические образы в сказках братьев Гримм и Людвига Бехштейна, а так же в хакасских народных сказках.

Хакасские народные сказки передавались мастерами устного сказа – хайджи и ныхамчы. Известные хакасские сказители – С. П. Кадышев и М. К. Добров ездили по деревням и записывали их рассказы, переводили их. Нужно сказать, что в сказках хакасов содержатся и легенды, и факты о социальной жизни героев, что дает нам представление об образе жизни хакасов, об их мировоззрении. Кроме того, на устную поэзию хакасов оказала плодотворное влияние русская культура. Существуют сказки «Орыс-ныхмах» или «Казах-ныхмах», что в переводе означает «Русская сказка» или «Казацкая сказка». По содержанию эти сказки не отличаются друг от друга, термин «Казах-ныхмах» является более ранним и фиксирует первое знакомство с русскими казаками в XVII веке.

Обратимся к сказкам о животных. Сказки, героями которых являются животные, были образованы из мифов о тотемных животных, в которых так же присутствуют обряды, тотемические верования. Так, животный эпос закрепил за некоторыми животными некоторые характерные им черты. В сказке братьев Гримм «Die Bremer Stadtmusikanten» главными героями являются Осел, Пёс, Кот и Петух «der Hase und der Fuchs», «Sambar: Die Lebensgeschichte der Maus Sambar», «Sambar: der Hahn und der Fuchs», «Der Schäfer und die Schlange», «Oda und die Schlange», «Die drei Hunde» так же рассказывают о животных, которые обладают человеческими чертами («Sambar: Der Hahn und der Fuchs») Существует довольно много сказок в хакасской культуре, посвященных животной тематике. Так, например, в сказках «Лисица и Колонки», «Перепёлка и Лиса», главным героем является хитрая лиса. В сказке «Петух и Тетёрка» героями являются Петух, Тетёрка и Волк. Волк – отрицательный герой, как и во многих, например, русских и немецких сказках.

Рассмотрим волшебные сказки. Волшебные сказки являются наиболее обширным видом сказок, этот вид больше других вобрал в себя мифологическое наследие. Можно назвать сказки, которые связаны с конкретными мифами. Например, в древнегреческом мифе о Данае, Даная была заключена в подземный медный дом. В сказке „Rapunzel“ принцессу заточили в башне, когда ей исполнилось 12 лет. В хакасских сказках так же имеют место волшебные герои и предметы. В сказке Алтын-Арчол мальчик сражался против дьявола Ай-кюна, а в сказке «Волшебная книга» предметом раздора стала золотая книга, которая желания исполняла.

Итак, мы выявили связь между сказкой и мифом, таким образом, можем сказать, сказка появилась на основе мифа в результате десакрализации мифа, потери этнографической конкретности, перенесения внимания с коллективных судеб на индивидуальные.

Рассмотрев немецкие народные сказки собирателей Братьев Гримм и Людвига Бехштейна, а так же хакасские народные сказки, мы выявили мифо-

логические образы в сказках. Так, сказки собирателей относятся и к волшебным сказкам, и к бытовым, и к сказкам о животных.

Литература

1. Bechstein, L. Der goldene Rehbock [Текст] / L. Bechstein // Berlin: Aufbau-Verlag, 1978. – 208 s.
2. Diederichs, U. Who's who im Märchen [Текст] / U. Diederichs // München: Deutscher Tasel Verlag GmbH & Co, 2002. – 400 s.
3. Grimm J., Grimm W. Märchen der Brüder Grimm [Текст] / J. Grimm, W. Grimm // Berlin: der Kindermuchverlag, 1973. – 263 s.
4. Амзаракова, И. П. Народная сказка – текст письменный или устный? [Текст] / И. П. Амзаракова // Текст: коммуникативно-прагматический, лексико-семантический и
5. Бальтер, Б. И. Хакаские народные сказки / Б. И. Бальтер // Абакан: Хакиздат, 1955. – 144 с.
6. Казалупенко, Д. П. Мифопоэтическое восприятие и миф : принципы взаимодействия и проявления в культуре [Текст] / Д. П. Казалупенко // Вопросы культурологии. - 2009. - №6. – С. 12-16
7. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский // М.: Вост. лит.: Пандора 1, 2000. – 406с.
8. Пропп, В. Я. Мифология сказки / В.Я. Пропп // М.: Наука, 1969. - 64 с.
9. Шестак, Л. А. Основы общей теории и образности проблематика и метод [Электронный ресурс] / Л. А. Шестак. – Электрон. дан. – [Б.м., б.г.]. – Режим доступа: <http://linguisticsl-shes.ru>, свободный.

БЛИЗОСТЬ ФОТОГРАФИИ И ХОККУ В ПОНИМАНИИ Р.БАРТА

П. И. Чубарь

Томский государственный университет
photochubar@gmail.com

Ролан Барт, французский ученый, особое внимание уделял исследованию вопросов визуальности, в частности, изучению природы фотоизображения. За фотографией он признавал большое значение для современной культуры и её исключительное положение. За 3 десятилетия эволюция взглядов Барта прошла сложный путь: сначала фотография понималась как речь, потом – как кодированное сообщение, одновременно с этим – как сообщение без кода, после – как «поле третьего смысла» и окончательное понимание фотографии Барт нашел в категориях *studium* и *punctum*, которые были представлены в книге «Camera lucida». Эта книга вышла в 1979 г., однако идеи, в ней представленные, начали формироваться задолго до этого и совершенно не в сфере

визуальных исследований. Категория, заключающая своеобразие фотоизображения, получила свои основы в исследованиях Барта, посвященных анализу традиционного жанра японской поэзии.

Заслуга французского ученого состоит в том, что он разработал две уникальные категории, позволяющие интерпретировать глубину смысла фотоизображения; два уровня – в основе анализа фотографии.

Первый из них – *studium* представляет собой набор канонов, стереотипов, клише и схем, которые сознательно заложены в изображение и считываются автоматически в историческом, культурном или политическом контексте восприятия. *Studium* является рациональным началом в фотографии, которое построено на механизмах кодирования смысла.

Второй уровень анализа, предложенный Бартом, – *punctum*, который непосредственно связан с индивидуальностью, личным опытом и чувствами, с иррациональным миром человека. В образных определениях Барта, это некий зигзаг, пронзающий понимание и спокойствие зрителя, болевой укус, прыжок в пустоту.

Для Барта именно категория *punctum* является сутью природы фотоизображения, когда *studium* выполняет лишь функциональные задачи и не имеет значительного воздействия на человека. *Punctum* заключает в себе своеобразие фотографии, и это своеобразие Барт обозначает словом «татхата» [1. С. 13], что в буддизме означает понятие «таковость», то есть истинную реальность. По его словам, фотоизображение до бесконечности воспроизводит то, что уже никогда не может случиться, то, что является подлинным существом объекта. Здесь Барт соотносит слова «случай» и «приключение» как единичность и универсальность. Он употребляет слово «приключение» в роли термина, суть которого определяется как одушевление смотрящего благодаря воздействию на него чувственной и эмоциональной категории *punctum*. «Само по себе фото ни в коей мере не одушевлено, просто оно одушевляет меня – в этом собственно и состоит всякое приключение» [1. С. 31].

Категория «приключение» применялась Бартом не только по отношению к изучению фотографии, но еще раньше она встречалась в его размышлении о хокку как об искусстве Дзен-буддизма. Япония и ее культура воспринимались семиотиком в виде новой символической системы, отличной от западной. В 60-х гг. Барт посетил Страну восходящего солнца, результатом чего стала его работа «Империя знаков», которая посвящена символическому анализу японской культуры. В этой книге особую роль выполняют фотографии и картинки, являющиеся не иллюстративным материалом, а «чем-то вроде визуальной вспышки или озарения» [2. С. 12]. Тем самым, по мнению автора, достигалось перетекание смысла из визуальной информации в текстовую и обратно.

Глубокого понимания культуры Японии исследователю удалось достичь в рассуждениях о хокку (хайку), традиционном жанре японской лирической поэзии. Дзен и хокку, его художественное воплощение, в понимании Барта, – это остановка смысла и отрицание множественности интерпретаций мира. В

хокку мир предстаёт таким, какой он есть. Это своеобразное «приключение» реальности, когда читатель вспоминает о том, что с ним никогда и не случилось; это «повторение без начала, событие без причины, память без личности...» [2. С. 99]. Хокку стирает всякое господство кодов также, как *punctum* пронзает понимание и разрушает шаблонность восприятия, поле культурных интересов. Коды, в понимании Барта, представляют собой определенные типы уже виденного и знакомого, это некая отсылка к прошлому, когда хокку и *punctum* фотографии являются обращением к настоящему.

Можно говорить о близости фотографии и хокку как об уникальных культурных явлениях, которые «делают и упорядочивают мир до бесконечности, создавая пространство чистых фрагментов, пылинки событий, которые ничто [...] не может ни собрать, ни выстроить, ни направить, ни завершить» [2. С. 98]. Если отделить *punctum* от контекста фотографии, то можно назвать хокку искусством, сплошь наполненным категорией *punctum*. В хокку читатель не ищет смысл, а его переживает, как в фотографии зритель, застигнутый эмоциональным воздействием, более не обращается к разуму. Хокку призвано создавать образы, которые чувственно воспринимаемы. Это отрицание символизма и множественности интерпретаций, где смысл – вспышка, достижение языкового предела. «Она [вспышка хокку], – как отмечал сам Барт, – подобна фотографической вспышке» [2. С. 107], которая освещает таковость мира, не искаженную иллюзиями восприятия.

Хокку как воплощение философии дзен-буддизма отражает парадигму развития японской, а более широко – восточной, культуры, которая в отличие от Запада не идёт путем Разума. Японская поэзия не может быть наполнена стереотипами, не может быть кодирована, в ней господствует *punctum* как иное понимание и отражение мира.

Анализ хокку на 9 лет опередил разработку фотографических категорий, и поэтому исследование японской культуры как проявление интереса к иному явилось подготовительным этапом на пути оформления категории *punctum*.

Литература

1. Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии / Пер. с фр. М. Рыклин. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 190 с.
2. Барт Р. *Империя знаков* / Пер. с фр. Я. Г. Бражниковой. – М.: Праксис, 2004. – 144 с.

Раздел III

Теоретические проблемы права

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2014-2018 гг.

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
abdidikin@bk.ru

Современные тенденции развития российской конституционно-правовой системы фактически свидетельствуют о существенном ослаблении и ограничении конституционных полномочий парламентских учреждений в системе органов государственной власти, которые должны выполнять существенную роль в механизме «сдержек и противовесов». Внесение поправок в Конституцию России в конце 2008 года хотя и предусматривает новый элемент парламентской ответственности Правительства в виде ежегодных отчетов о результатах деятельности, но, по существу, не определяет правовых последствий и критериев оценки эффективности деятельности российского Правительства, что на практике означает лишь формальное изменение конституционных норм.

Произошедшие в 2012 году изменения в конституционном законодательстве России, связанные с ростом количества зарегистрированных политических партий, введением новых процедур выборов глав субъектов РФ, ужесточением государственного контроля за деятельностью некоммерческих организаций не привели к серьезным изменениям сложившейся централизованной политической системы в стране.

Сомнительность с научной и правовой точек зрения указанных тенденций вновь ставит вопрос о необходимости широкого общественного обсуждения и реализации в перспективе *конституционной реформы* в России. В процессе конституционной реформы необходимо решить ряд вопросов, существенно изменяющих распределение властных полномочий и баланс ветвей государственной власти, в частности:

- правовой статус Президента РФ и его взаимодействие с другими органами публичной власти;
- механизм формирования Правительства РФ на основе сформированного парламентского большинства в российском парламенте;

- влияние парламента на формирование состава органов исполнительной власти и контроль над ними.

Учитывая специфику развития российского государства на рубеже веков, реализация конституционной реформы возможны на основе двух сценариев:

- принятие закона о Конституционном Собрании как единственно легитимного органа по пересмотру действующей Конституции РФ (реализовать данный сценарий в настоящий момент невозможно после снятия 14 сентября 2012 года Государственной Думой РФ с рассмотрения двух альтернативных законопроектов о Конституционном Собрании);

- внесение поправок в главы 3-8 Конституции РФ, обеспечивающих должную реализацию принципа разделения властей и повышающих эффективность деятельности конституционно-правовых институтов (такой сценарий может быть реализован в 2014-2017 гг. до начала крупных избирательных кампаний и изменения текущего состава российского парламента).

Общий подход к повышению эффективности взаимодействия органов государственной власти состоит в реализации модели *«парламентско-президентской республики»*, повышении эффективности системы сдержек и противовесов в механизме разделения властей, расширения участия парламента в формировании Правительства и системы федеральных органов исполнительной власти.

В главе 4 Конституции России необходимо четкое определение правового статуса и компетенции Президента РФ как главы государства, подтверждающего свою легитимность путем прямых выборов населением. Правовой статус Президента *должен быть ограничен* осуществлением функций охраны конституционного строя (в частности, в сфере внешней политики и обеспечения национальной безопасности) и президентского контроля над соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Такая характеристика функций и компетенции Президента РФ предполагает недопустимость вмешательства в порядок формирования и деятельности Правительства РФ и федеральных органов государственной власти, относящихся к ведению Правительства РФ.

Особое значение в системе органов публичной власти имеет Федеральное Собрание РФ - российский *парламент* как высший орган законодательной власти, от эффективности деятельности которого зависит не только качество законотворчества, но и формирование органов исполнительной власти, а также постоянный контроль над ними. Введение элементов парламентско-президентской республики в России позволило бы преодолеть сложившуюся тенденцию в законотворчестве, когда Президент РФ и Правительство РФ выступают основными субъектами законодательной инициативы и подменяют, по сути, деятельность палат Федерального Собрания РФ.

Принципиальные поправки в главу 5 Конституции РФ должны способствовать расширению полномочий Федерального Собрания РФ и его внутренней структуры. Практика реализации норм действующей Конституции РФ 1993 г. свидетельствует о неэффективности модели формирования Федерального Собрания РФ как двухпалатного парламента, якобы представляющего

интересы российского народа (Государственная Дума) и российских регионов (Совет Федерации). Опыт бесконечного реформирования Совета Федерации в 1993-2012 гг. – яркий пример неэффективности работы верхней палаты парламента, отсутствия качественной проработки законопроектов, принятых Государственной Думой и направленных на одобрение в Совет Федерации. Поэтому при внесении поправок в главу 5 необходимо *исключить нормы о Совете Федерации и предусмотреть формирование Федерального Собрания РФ как однопалатного парламента с одновременным расширением представительства регионов и увеличение количества с 450 до 600 депутатов.*

В главе 5 также требуется закрепить правило о формировании депутатскими объединениями (фракциями и независимыми депутатскими группами) после выборов *парламентской коалиции*. Коалиция считается созданной с момента официального обнародования коалиционного соглашения парламентских партий в Федеральном Собрании РФ. При этом председатель коалиции парламентских партий не может замещать должность Председателя Федерального Собрания РФ.

Правительство России также выполняет существенную роль в функционировании единой системы органов государственной власти в связи с осуществлением полномочий по распределению бюджетных средств и финансирования общегосударственных программ. В связи с этим постоянный контроль над принятием решений в Правительстве РФ и отсутствие у него сугубо «технической роли» может быть обеспечено только в результате кардинальной реформы его формирования и функционирования. Поправка к ст. 103 Конституции России, внесенная законом «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства РФ» от 30 декабря 2008 года, может эффективно применяться только в случае, если *состав Правительства РФ формируется коалицией парламентских партий*. Состав Правительства должен полностью соответствовать представительству политических партий и избирательных блоков в российском парламенте, а основания для прекращения полномочий Правительства должны быть прозрачны и зависеть от уровня доверия депутатов Федерального Собрания РФ, избранных населением.

Поэтому в главе 6 необходимо закрепить норму о том, что назначение кандидатур на должности министров и утверждения в должности Председателя Правительства РФ относится к исключительной компетенции Федерального Собрания РФ. Распределение полномочий между Президентом РФ как гарантом Конституции РФ и Правительством определяется их функциями, определенными Конституцией.

Формирование состава Правительства РФ в главе 6 может быть закреплено с учетом специфики парламентско-президентской республики, то есть на основе деятельности парламентской коалиции в Федеральном Собрании РФ. *Члены Правительства РФ назначаются по представлению парламентской коалиции, а председатель коалиции становится Председателем Правительства РФ.* В случае изменения коалиционного соглашения состав Правитель-

ства РФ может быть изменен как частично, так и полностью. Кроме того, для начала работы сформированного состава Правительства РФ необходимо утверждение Федеральным Собранием РФ *Программы деятельности Правительства*. Ежегодные отчеты Председателя Правительства РФ о результатах деятельности Правительства РФ подлежат утверждению в Федеральном Собрании, и в случае признания отчета неэффективным и его неутверждения такое решение является основанием для досрочного прекращения полномочий Правительства РФ (помимо уже существующих оснований).

Таким образом, при внесении первоочередных поправок в главы 4-6 взаимодействия ветвей власти и разграничение конституционных полномочий Президента РФ, Федерального Собрания РФ и Правительства РФ позволяет повысить подотчетность этих структур и способствовать соблюдению норм Конституции РФ.

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

С. П. Погребняк

Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого (Харьков)
abdidikin@bk.ru

Философско-правовая концепция народного суверенитета появляется в XVIII ст. в связи с необходимостью поиска новых оснований для легитимации государственной власти. Две наиболее распространенные формы легитимации – Бог и традиция – в значительной степени отрицались во времена Реформации и Просвещения. Место суверена занимает народ, высшей волей которого учреждается и управляется общество. Воплощать эту волю призвана исходящая от народа государственная власть.

Народный суверенитет можно определить как право и способность народа быть единственным источником государственной власти, что обуславливает его полномочия создавать государство, устанавливать и изменять его конституционный строй, избирать органы государственной власти, контролировать их деятельность, самостоятельно решать важнейшие вопросы своей жизни.

Ст. 21 Всеобщей декларации прав человека закрепляет, что воля народа должна быть основой государственной власти; эта воля должна проявляться в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

Согласно ст. 5 Конституции Украины носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине является народ, который осуществляет ее непосредственно и через органы государственной власти и органы местно-

го самоуправления. Это означает, что любое использование и осуществление публичной власти требует легитимации со стороны народа. Государственная власть должна быть постоянно связана волей народа и ответственна перед ним. Легитимация государственной власти происходит, прежде всего, путем выборов, которые являются связующим звеном между народом и государственной властью.

Именно народу принадлежит исключительное право определять и изменять конституционный строй. Невозможность изменения или отмены наиболее важных положений Конституции гарантирует уважение законодателем воли народа как основателя государства, обеспечивает ограничение государства правом через его обязанность соблюдать Конституцию – акта реализации народного суверенитета. Народ также не может быть никем ограничен или лишен права высказывать свою волю на референдуме. Народный суверенитет является основой государственного суверенитета, а государственный суверенитет – механизмом реализации народного.

Близкой по содержанию теории народного суверенитета является *концепция национального суверенитета*, постулирующая право и способность нации самостоятельно определять основные вопросы своей жизни и развития.

Ключевым в понимании национального суверенитета является понятие «нация». Существуют три основных подхода к его определению: 1) нация как государство; 2) нация как этнос; 3) нация как политическое сообщество.

Нация как государство. Понятие «нация» нередко выступает как синоним понятия «государство». Такое понимание нации является распространенным в международной практике. При таком подходе национальный суверенитет тождественен государственному.

Нация как этнос. Этнсом можно считать группу людей, являющихся потомками исторических и культурных сообществ и разделяющих желание сохранить их. Национальная идентичность группы, порождающая социальную сплоченность и солидарность, определяется, прежде всего, общим историческим прошлым (коллективной памятью) и культурной спецификой (ценностями, символами, обычаями, традициями, ритуалами, языком и т.п.). Ее члены верят в свое общее происхождение, они связаны определенной территорией, имеют совместный проект на будущее.

Международное право признает право каждой нации на самоопределение, которое в определенных ситуациях включает также право создать собственное государство. Реализация данной концепции после Второй мировой войны привела к распаду колониальной системы и обретению независимости большинством колоний. В современном мире такой подход претерпел существенные изменения. Это связано с тем, что почти все государства сейчас являются многонациональными в этническом смысле. А значит, признание за каждой нацией права на образование собственного государства грозит политической нестабильностью и хаосом.

Поэтому современное понимание суверенитета нации охватывает, прежде всего, право на национальную (территориальную и культурную) автономию

и сохранение собственной самобытности. Каждая нация имеет право сохранять и свободно развивать свой язык, обычаи, традиции, исповедовать свою религию. Это особенно важно, когда определенная нация представляет собой этническое меньшинство в государстве.

Если же государство не придерживается принципа равноправия наций, подвергает дискриминации представителей меньшинства, изымает эту группу из процесса принятия политических решений и мешает ее самоопределению в пределах государства (например, отказывая в автономии), то такая нация вправе претендовать на создание самостоятельного государства.

В таком понимании суверенитет нации является основой для суверенитета народа. Суверенитет народа предполагает согласование права основной (титальной) нации на сохранение и развитие своей культуры и самобытности с принципом обеспечения прав всех этнических групп, проживающих на данной территории.

Нация как политическое сообщество. В этом случае национальная идентичность имеет политическое измерение: существование нации предопределяется, прежде всего, совместной реализацией гражданами своих прав и обязанностей, представлением об общем благе, которое воплощается в государственной политике, а не этническими (историческими и культурными) особенностями.

Главным фактором, объединяющим людей в такую общность, выступает гражданство, которое нивелирует имеющиеся в обществе исторические, социальные, религиозные или культурные различия. При таком подходе национальный суверенитет тождественен народному.

ОНТОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ИСТИНЫ

М. В. Пырина

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина

2_maria@mail.ru

Правовые явления несут в себе, кроме сугубо юридических значений, еще и смыслы внеюридического характера, являясь средоточием богатейшего культурно-исторического содержания. Право является не только социальным регулятором, но также оно несет в себе мировоззренческие особенности каждой эпохи. При таком подходе появляется возможность рассматривать любой правовой феномен не сам по себе, а внутри проблемного пространства социокультурных значений, смыслов, ценностей, символов. Таким понятием является «истина».

Так, для Античности принципом социального сосуществования индивидов является «номос». В данный период в картину природы примешиваются как моральные, так и юридические понятия. Термин «номос» в текстах Соло-

на отражает двойственность, присущую этому периоду: законность, с одной стороны, имеющую природное, «объективное», происхождение, а с другой – являющуюся продуктом человеческой деятельности. Например, слова «Истина», «Правда» употребляются Солоном как мера согласования точек зрения различных группировок афинского общества, которую он попытался найти в своих законах [1, с. 64].

Стоит отметить, что рассуждение, мысль обнимают в себе истину, откуда впоследствии могло явиться заключение, что эта мысль совпадает с истиной или, что истина есть идея. С другой стороны, рассуждение есть действие человеческого ума, выражающееся в речи или способностях человеческого духа, – а именно рассудительность. По Сократу человеческая речь, или рассуждение, точно также как и человеческое поведение, должны иметь рациональное, логическое начало в понятии, которому в последующей философии и присваивается термин «логос» [1, с. 71]. Такая интерпретация могла иметь последствия весьма далекие от понимания слова человека как источника истины. Истина носит экзистенциальный характер, и приобретает следующие функции: открытость, свободное обсуждение. Истина «принижается» до субъективности человека. Ее понимание, как *открывающейся* свободному человеку через Логос, подразумевает свободное гражданское общество, в котором граждане государства публично высказывают свое мнение, когда любое политическое или экономическое решение принимается посредством дискуссии – состязательной модели [1, с. 34-42].

Одновременно с этим античные софисты и скептики пытаются показать, что и человеческое слово является источником истины, а сама истина может обретать договорный характер. С одной стороны, для субъекта истина достижима, т.е. достижима объективность, но оказывается, что она находится в распоряжении человека. Оппозиция истина/мнение была снята, ибо «истинные» речи опрокидывают друг друга. В конце VI-V столетиях до н.э. правила обычая («номосаграфос») и нормы справедливости («дике») постепенно заменяются писаными законами. Именно к этому времени сместился акцент и в употреблении термина «дике». Ранее «дике» означало божественный порядок и, в этом смысле, «объективную» справедливость, имея при этом сакральное происхождение. К указанному времени «dike» претерпевает ряд изменений, в результате которых нормы справедливости все более рационализируются.

Таким образом, истина и справедливость из области божественного (как некоего внешнего по отношению к человеку) опускаются в сферу писаного права – «номос gegrammenos». Приговор суда предполагается истинным (презумпция истинности судебного решения). Справедливость признается продуктом человеческой деятельности, если угодно, договора между людьми относительно того, что им нужно делать для своего блага. Справедливость, истина, таким образом, есть результат основанного на писаном (человеческом) законе «говорения» (т.е. речения как познания через речь, через «логос») – судоговорения. «Речь, стало быть, идет о том, что впоследствии будут

называть в теории процесса *судебной истиной*, истиной относительной» [2, с.42-59].

При таком понимании каждый индивид как субъект права полагается в качестве утверждающего свою собственную истину. Судоговорение, имеющее подобного рода результат, не могло иметь никакой другой формы как состязательной, в силу индивидуалистического начала греческого мировоззрения.

Таким образом, каждый индивид как субъект права предполагается утверждающим истину. По мнению, Гущева В. Е. и Александрова А. С. вызревание индивидуалистической интерпретации опорных понятий греческого мирозерцания, имело решающее значение для формирования юридической практики. Истина из области божественного, опускаются в сферу права, где приобретает характер правосудия. Только такая концепция истины делает возможным конструирование состязательной модели уголовного судопроизводства.

Литература

1. Гушев, В. Е., Александров, А. С. Народное обвинение в уголовном суде. Н.Новгород: НЮИ МВД РФ, 1998.

2. История государства и права зарубежных стран в 2 т. Т1: Учебное пособие / под ред П. Н. Галанза, Б. С. Громаков, К. И. Батыр и др. – М: Изд-во «Юридическая литература», 1980.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ

А.Н. РАДИЩЕВА

Е. А. Бабушкина

Институт философии и права СО РАН
abdidikin@bk.ru

В современной юридической литературе не угасает интерес к трудам классиков научной мысли эпохи российского самодержавия, которые порой получают новое прочтение, способствует развитию научной мысли о будущем российской государственности. Ведь «чтение истории приносит людям пользу: она вместо сухих и скучных философских правил исправляет нам разум и уступки живыми и в натуре происходящими примерами» (Я.П. Козельский).

Как известно, А.Н. Радищев происходил из дворянской семьи, учился в Москве, выполнял придворные обязанности пажа при дворе Екатерины II, затем был направлен в Лейпциг, где серьезное влияние на формирование его мировоззрения оказали труды таких западных мыслителей, как Ж.-Ж. Руссо,

Д. Дидро, Ч. Беккариа, Вольтер и др. По возвращении из-за границы служил в Сенате, в государственной коммерц-коллегии, таможене.

А.Н. Радищев видел в каждом человеке единство того, что произвела природа (естественный статус), и того, что образовало общество (узаконенный статус). Естественный статус, по его мнению, составляют «права единственные суть те, кои принадлежат собственно и особо каждому человека, в единственном его положении, без всякого отношения» (права на сохранность личную (личную неприкосновенность), на «личную вольность» (равенство граждан перед законом и судом) и собственности) и «закон определяет безбедное только оны употребление». Для реализации прав единственных необходимы общественные институты и государства, так как именно в обществе «естественное право заключает в себе всю возможность деяния, и есть неограниченно» [1]. «Если мы живем во властию законов, то сие не для того, что мы оное делать должныствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и наша природная власти, то дабы она употребляема была в нашу пользу» [2].

Однако представления А.Н. Радищева о правовом статусе гражданина противоречивы. Он признает сословное деление общества и правовое неравенство сословий, а также неограниченный характер полномочий самодержавной власти. Но при этом в «Проекте для разделения Уложения Российского» Радищев последовательно отстаивает неотъемлемые права граждан на свободу мысли, слова и действий, на собственность, самозащиту и равенство перед законом и судом [3].

Взгляды А.Н. Радищева формировались в условиях кризиса феодально-крепостной системы хозяйства, изменений во внутренней политике государства в связи с восстанием крестьян под предводительством Е.И. Пугачева.

Наиболее известен А.Н. Радищев своей критикой самодержавия, «наипротивнейшего человеческому естеству состояния», и крепостного строя.

А.Н. Радищев писал о самодержавной власти как власти, поправшей элементарные права народа, самодержже как узурпаторе всех прав народа, разрушителе «общественного договора», о беззаконии рабства, нарушающего основания права естественного и права гражданского: «зверской обычай поработать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассии, обычай, диким народам приличный, обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстро, широко и далеко... все равны от чрева материя в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следственно, и тут один другому не подвластен» [4].

Мыслитель приводил в обоснование своих выводов, что для себя, без принуждения «делаем с прилежанием, рачением, хорошо», а крепостной, работая без выгод для себя, делает все «оплошно, лениво, косо и криво» и призывал к реформе, поэтапной ликвидации крепостного права в России. Начиная с освобождения дворовых крестьян, дозволения свободного вступления крестьянам в брак, автор указывал на необходимость дозволения крестьянам

иметь землю в собственности, восстановить в звании гражданина, позволить получать свободу за выкуп, после чего последует «совершенное уничтожение рабства».

При этом А.Н. Радищев не отрицал и идею революции в том случае, если реформаторский путь не будет принят.

Размышляя о будущем отечества, А.Н. Радищев создает свою концепцию грядущего России — еще очень далекого грядущего, но неизбежного. Самодержавие чрезвычайно сильно, и деспотическая Россия еще долго будет укрепляться, захватывая все новые и новые территории. Но в этом расширении государства как раз и заложены семена неизбежной революции. Чем обширнее будет территория России, тем слабее влияние центральной власти, тем больше будет ослабевать самодержавие. И наступит время, когда в огне гражданской войны громадное государство развалится на части, которые объединятся в добровольный союз республик и раздавят самодержавие [5].

История революционных потрясений России показала верность изречения: «русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость» [6], - и ставит вопрос и необходимости своевременной и правильной реакции государства на происходящие в обществе изменения, верности избираемых методов сохранения стабильности.

Изучение взглядов А.Н. Радищева позволяет сделать вывод о том, что те же черты, те же проблемы, тот же ненайденный баланс между автократией и демократизмом, гражданским обществом, свободами, правами человека остались в наследство России XXI века [7].

Литература

1. Радищев А.Н. Опыт о законодательстве // Избранные философские и общественно-политические произведения — М.: Госполитиздат, 1952. — С. 555.
2. Радищев А.Н. О самодержавстве // Радищев А.Н. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1988.
3. См.: Дидикин А.Б. Наука конституционного права России в первой половине XIX века: методологические и теоретические основания // Гуманитарные науки в Сибири. - № 1. - 2006. - С. 76.
4. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву (Хотиллов) // Радищев А.Н. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1988.
5. Радищев А.Н. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1988.
6. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву (Зайцовой) // Радищев А.Н. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1988.
7. Конституционные проекты в России XVIII — начало XX века. — М., 2000. — С. 34-35.

ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ

К. С. Мохначев

Удмуртский государственный университет

moks86@mail.ru

В Послании Президента РФ о бюджетной политике на 2011-2013 гг. среди пяти основных задач, на решение которых в ближайшие три года государство должно направить средства и усилия, выделена поддержка инноваций. Имеется в виду создание инновационной среды, условий для формирования полного цикла - от научных изобретений до их коммерциализации, защита свободы конкуренции и прав собственности, устранение административных барьеров.

Масштабность целей требует совершенствования системы правового регулирования инновационной деятельности, учета опыта формирования соответствующих нормативных и правовых механизмов, согласованности действий Федерации и регионов.

Нормативно-правовое регулирование развития инновационного предпринимательства в промышленно развитом регионе, каким является Удмуртская Республика, осуществляется на основе Конституции РФ, законов и иных нормативных правовых актов РФ и субъектов РФ, а также международных договоров.

Среди нормативно-правовых механизмов, применяемых в республике для стимулирования инновационной деятельности, особое место занимают целевые программы [1]. В качестве главных ориентиров первой такой программы «Развитие инновационной деятельности в Удмуртской Республике на 2005-2009 годы» (утвержденной постановлением Госсовета Удмуртской Республики от 22 июня 2004 г. № 250-III) были определены: активизация инновационной деятельности, повышение конкурентоспособности экономики и обеспечение устойчивого социально-экономического развития; создание развитой республиканской инновационной инфраструктуры; сбалансированное и эффективное использование ресурсов в научно-технической и образовательной сферах. В свою очередь, это потребовало разработки нормативно-правового, организационного и методического обеспечения программы.

В настоящее время в Удмуртии действует целевая программа «Развитие инновационной деятельности в Удмуртской Республике на 2010-2014 годы» (утвержденная постановлением Правительством УР от 6 июля 2009 г. № 182). Предусмотрены пути расширения объемов внедрения и повышения уровня коммерциализации результатов исследований. Программа, в частности, включает формирование благоприятной среды для создания и коммерциализации инноваций, стимулирование заинтересованности в инновационной дея-

тельности промышленных предприятий и научных учреждений посредством налоговых льгот и т.д.

Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики до 2025 г. определяет ее роль на мировом и российском рынках машиностроения как поставщика высокотехнологичной продукции (в том числе электротехники, нефтегазового оборудования, вооружений, автомобилестроения и др.). С учетом этого определены следующие приоритетные задачи:

- создание правовых и организационных условий для привлечения в экономику республики кредитно-финансовых ресурсов, инвестиций, новейших технологий, опыта и знаний, способствующих обновлению основных фондов и производственных процессов на предприятиях во всех отраслях;
- привлечение средств для реализации эффективных инновационных проектов и организационное обеспечение взаимодействия представителей науки и производства, развитие инновационного бизнеса;
- содействие развитию экспортного потенциала предприятий, выпускающих наукоемкую, высокотехнологичную продукцию с высокой долей добавленной стоимости;
- создание инфраструктуры, облегчающей введение результатов научной деятельности в хозяйственный оборот (центров инжиниринга, венчурного предпринимательства, бизнес-инкубаторов, инновационно-технологических центров, офисов по трансферу технологий);
- подготовка кадров, способных работать в инновационной сфере;
- использование механизмов снижения инновационных рисков, в том числе за счет государственной поддержки исследований и разработок на ключевых стадиях, доведения их до коммерческого исполнения;
- привлечение внебюджетных средств с целью ускорения реализации наиболее эффективных инновационных проектов, обеспечения эффективного взаимодействия науки и производства.

На региональном уровне необходимо совершенствовать систему регионального законодательства в области инноваций в пределах компетенции субъекта Федерации. По каждому из основных научно-технических и производственных направлений развития региона следует определить компетенцию полномочных органов и источники финансирования. Помимо региональной целевой программы развития инновационной деятельности, необходимо вести разработку и реализацию целевых ведомственных программ с указанием возможных исполнителей (определяемых на конкурсной основе) и источников финансирования. Особенно тщательно надо готовить проекты государственно-частного партнерства, предусматривать эффективную систему взаимодействия и контроля за их реализацией, привлекая к этому представителей от высшего образования, учреждений науки, общественных организаций (союзов) и бизнеса.

В настоящее время формирование и реализация инновационной политики на уровне региона, ее нормативно-правовое регулирование происходит на фоне незавершенной федеральной законодательной базы.

Во-первых, до сих пор отсутствует единый федеральный закон, который бы закреплял понятия инноваций, инновационной деятельности, а также устанавливал общие принципы реализации инновационной политики в РФ. Неоднократные попытки принять такой правовой акт пока не увенчались успехом.

Во-вторых, в законодательстве недостаточно проработаны вопросы косвенного финансирования научно-технической и инновационной деятельности, в первую очередь, путем предоставления различных налоговых льгот и преференций. Это ослабляет стимулы к созданию и внедрению хозяйствующими субъектами в производство научно-технических результатов. Устранить такого рода барьер можно путем разработки и принятия ряда специальных законов, вносящих изменения и дополнения в Налоговый кодекс РФ в части совершенствования системы налогообложения субъектов научно-технической и инновационной деятельности.

В-третьих, не предусмотрен порядок регулирования процессов, связанных с коммерциализацией результатов научно-технической деятельности. Данный пробел должен быть восполнен разработкой и принятием специального закона о правах на технологии, созданные за счет или с привлечением средств федерального бюджета, либо включением соответствующих норм в часть IV Гражданского кодекса РФ.

В условиях модернизации и поощрения инноваций чрезвычайно актуальным становится принятие Федерального закона «О рисковом финансировании». В нем должно содержаться определение понятия «венчурный фонд», предусмотрены особенности его создания, реорганизации и ликвидации, описаны организационно-правовые формы венчурного фонда, а также установлено, кто может быть его участником и в каких формах может осуществляться инвестирование венчурным фондом тех или иных проектов.

Важно, чтобы принятие законов и других правовых актов, касающихся инновационного развития, на федеральном уровне и в регионах было соответствующим образом согласовано.

Литература

1. Мохначев К.С., Мохначева Е.С. Основные аспекты формирования и развития региональной инновационной подсистемы // Сборник трудов молодых ученых НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ». – Казань: НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ», 2011. С.201-205.

СТАТУС ЭМБРИОНА – ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Г. М. Хамитова

Казанский государственный медицинский университет
gulnara-hamitova@mail.ru

Согласно Конституции РФ: «Каждый имеет право на жизнь». Не случайно это право стоит на первом месте, ведь поистине оно является самым главным и ценным. Государство отказывается от применения смертной казни. На первый взгляд все кажется очень справедливым и гуманным. Но если немного задуматься, возникает вопрос: почему государство позаботилось о жизни человека и о достойном ее окончании, и не применило этот закон в отношении еще не родившихся людей? Речь идет об эмбрионах, находящихся в утробе матерей.

Правоспособность признается за всеми гражданами страны. Она возникает в момент рождения человека и прекращается с его смертью. Следовательно, правоспособность неотделима от человека, он правоспособен в течение всей жизни независимо от возраста и состояния здоровья.

Когда же начинается человеческая жизнь и с какого момента ее необходимо охранять? Мнения современных ученых на этот счет столь же различны, что и взгляды философов и богословов разных конфессий. Одни полагают, что человеческий эмбрион и плод не имеют какой-либо ценности, до рождения. Другие связывают возникновение у эмбриона права на жизнь с его имплантацией в матку. Третьи считают, что право на жизнь у эмбриона появляется при достижении определенного уровня развития (начало работы мозга, развитие дыхательной системы), на определенном гестационном сроке (как правило, 12–14 недель).

Однако российское законодательство прямо не называет момент, с которого начинается жизнь человека. Тогда как конечная граница жизни человека зафиксирована в Законе РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» достаточно четко: биологическая смерть (смерть головного мозга). Исходя из этого юридическая жизнь человека – есть жизнь его мозга, и начало жизни мозга означает начало жизни человека. Следовательно, с правовых позиций, начальная граница жизни человека на сегодняшний день должна связываться с появлением оформившейся массы мозговых клеток (рождением головного мозга), делающих плод жизнеспособным. А это происходит ещё в материнской утробе задолго до рождения самого ребенка. Справедливость такого подхода косвенно признается и ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан». В соответствии с ним, искусственное прерывание беременности при сроке свыше 22 недель проводится только при наличии медицинских показаний и согласия женщины. В настоящее время Постановлением Правительства РФ количество так называемых социальных показаний для искусственного прерывания беременности при сроке от 12 до 22 недель сокращено с

13 оснований до 4. Но лицо, умышленно нарушающее данные ограничения, признается не убийцей, а лицом, незаконно производящим аборт, и лишь в том случае, если данное лицо не имеет специального медицинского образования. Об ответственности самой женщины, умышленно прерывающей беременность на таких сроках, закон вообще ничего не говорит.

Ещё больше вопросов вызывает подход законодательства к решению вопроса уголовно-правовой охраны жизни рождающегося человека. Прежде всего, стоит отметить такой состав преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). Мало того, что это преступление вообще не признается тяжким, что само по себе препятствует проведению полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий по нераскрытым преступлениям, но ещё и открывается широкая дорога к освобождению от уголовной ответственности и наказания таких женщин, их условно-досрочных освобождений. В действующей редакции УК РФ момент новорожденности закреплён вообще в противоречии с господствующей в теории уголовного права позицией. Согласно диспозиции названной статьи жизнь человека начинается охраняться не во время родов, а с момента новорожденности ребенка, что в медицинском смысле означает полное изгнание (извлечение) плода с признаками живорождения (легочное дыхание, сердцебиение, крик, произвольные сокращения мускулатуры и др.). Соответственно, умерщвление плода в утробе матери до его появления на свет (даже при наличии реальной возможности сохранить жизнь данному ребенку в случае досрочного рождения) не расценивается как преступление против жизни, а считается прерыванием беременности, которое может квалифицироваться как преступление против здоровья.

Эмбрион должен обеспечиваться соответствующей защитой со стороны государства на любой стадии развития. Статья 18 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и достоинства человеческого существа при использовании достижений биологии и медицины гласит:

1. В тех случаях, когда закон разрешает проведение исследований на эмбрионах *in vitro*, он должен обеспечивать надлежащую защиту эмбрионов.

2. Создание эмбрионов человека в исследовательских целях запрещается.

Неуважение к человеческой жизни в пробирке или утробе матери ведет к пренебрежению человеческой жизнью после рождения.

Человеческая жизнь священна и должна находиться под охраной закона с момента зачатия. Государство должно гарантировать охрану человеческой жизни с момента ее зачатия. Закрепление в Конституции РФ понятия права на жизнь с момента зачатия позволит защитить жизни сотен тысяч не родившихся детей, воспитать уважительное отношение к человеческой жизни с первых и до последних ее дней.

Литература

1. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации 24 ноября 2006 г. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан» от 9 ноября 2011 г.
3. Закон РФ от 22.12.1992 г. «О трансплантации органов и/или тканей человека»
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г.
5. Постановление правительства РФ от 11.08.2003 № 485
6. Конвенция Совета Европы о защите прав человека и достоинства человеческого существа при использовании достижений биологии и медицины: подписана 20.01.1996г., Страсбург.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Е. Ю. Аланд

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
aland_e@inbox.ru

В настоящее время наиболее приемлемым механизмом актуализации историко-культурного наследия признана музеефикация. В Хакасии приоритетное значение среди объектов историко-культурного наследия приобрели памятники археологии. По оценкам специалистов их количество составляет 13-14 тыс. комплексов [1]. Объекты археологического наследия выступают важным инструментом для осознания региональной самобытности, т.к. сформированный ими историко-культурный ландшафт уникален.

Первые примеры создания археологических музеев-заповедников в СССР приходятся на начало 1960-х гг. [4, с. 36]. Во второй половине 1970-х гг. принимаются законы, направленные на улучшение системы охраны объектов историко-культурного наследия [3]. В качестве одной из мер предлагалось объявление «ансамблей и комплексов памятников истории и культуры, представляющих особую историческую, научную, художественную или иную культурную ценность», музеями-заповедниками с установлением особого режима их охраны. В целом механизм музеефикации недвижимых объектов не был разработан должным образом. Однако в законодательстве 1980-х гг. был сформулирован важный принцип целостности археологического объекта и прилегающего земельного участка как предмета охраны [6]. Это требование закономерно и логично, так как археологический памятник активно включен в окружающую природную среду, а археологический материал - в почву. В 1980-х – 1990-х гг. активность в сфере музеефикации смещается в регионы. В 1996 г. в Хакасии создается первый историко-культурный музей-заповедник «Казановка». В 2003 г. принимаются решения об образовании Полтаковского музея наскального искусства и музея под открытым небом «Улуг Хуртуях тас» [2].

Новый импульс процесс музеефикации в Хакасии получил в 2009 г. после принятия целевой программы «Популяризация объектов культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009-2013 годы». В ходе реализации программы было открыто 5 новых музеев, а уже существующим выделены субсидии на развитие. К несомненным плюсам программы следует отнести системный подход, когда неизменным условием стало создание музейных комплексов, включающих также объекты туристской инфраструктуры.

Обращает на себя внимание терминологическая путаница, вероятно, связанная с «молодостью» отечественной скансенологии. В музееведческой литературе фигурируют названия «историко-культурный музей-заповедник», «музей под открытым небом», «экомузей», «археологический парк», «археологический музей in situ» и др. Вариативность понятий вызвала заметное затруднение при поиске организационно-правовых форм функционирования таких музеев. Отметим, что федеральное законодательство предусматривает музеефикацию объектов археологического наследия преимущественно в форме музеев-заповедников, в то время как на практике существует не менее 4-х основных форм [5]. В Республике Хакасия получили распространение муниципальные музеи под открытым небом, несмотря на то, что в нормативно-правовой базе такое понятие отсутствует. Фактически же структура содержания ряда музеев под открытым небом РХ выходит за рамки музеев-заповедников; они могут быть скорее отнесены к археологическим паркам, которые, в отличие от музеев-заповедников, могут дополняться этнографической экспозицией и реконструкциями древних сооружений.

В постсоветской России базовым стал Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Закон ввел процедуру выделения т.н. достопримечательного места как основы для создания историко-культурного музея-заповедника. Земли, занимаемые объектами археологии, выделяются в земли историко-культурного назначения с особым режимом землепользования. Необходимый этап музеефикации в соответствии с 73-ФЗ – создание проекта зон охраны объекта культурного наследия [7].

В РХ Закон «Об историко-культурном наследии народов Республики Хакасия» был принят 20 июня 2000 г. Особо охраняемым территориям историко-культурного значения посвящалась ст. 16, в которой говорилось, что в пределах Республики Хакасия могут быть организованы учреждения двух типов: историко-культурные заповедные территории и историко-культурные заповедники. Однако Закон не предлагал конкретный механизм их создания. С 2002 г., после принятия 73-ФЗ, встала задача приведения в соответствие с федеральным законодательством местных нормативно-правовых актов. Новый региональный Закон «Об объектах культурного наследия...» был принят в 2011 г. Однако до настоящего времени ни один из существующих в Хакасии музеев под открытым небом не прошел предписанную процедуру выделения достопримечательного места в качестве юридической основы музее-

фикации, поэтому первоочередной задачей органов исполнительной власти РХ, муниципалитетов и самих музеев является проведение необходимых мероприятий для завершения процесса музеефикации в соответствии с федеральными и региональными законодательными нормами.

Несмотря на существующие проблемы, музеефикация археологических памятников способствует их сохранению, созданию положительного имиджа республики в России и за рубежом, увеличивает количество туристов в регионе. Музеи, активно действующие в сфере культурно-познавательного туризма, вносят весомый вклад в культурную и социально-экономическую жизнь региона.

Литература

1. Доклад «О результатах за 2011 год и основных направлениях деятельности Министерства культуры на 2012 – 2015 годы» (ДРОНД – 2011 г.) [Электронный ресурс]://URL: <http://www.r19.ru>
2. Еремин Л.В. Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири (конец XX - начало XXI века): Автореф. дис. на соиск. ст. канд. ист. наук. – Томск, 2010 [Электронный ресурс]://URL: <http://www.dissercat.com>
3. Закон СССР от 29.10.1976 «Об охране и использовании памятников истории и культуры»; Закон РСФСР от 15 декабря 1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1978 г., N 51, ст.1387) (с изменениями на 18 января 1985 года) [Электронный ресурс]://URL:<http://ecology.gpntb.ru>
4. Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). – М.: Издательство «ГНОМ и Д», 2004. – 121 с.
5. Минеева И.М. Сохранение, использование и государственная охрана археологического наследия Южного Урала во второй половине XIX – начале XXI вв.: Автореф. дис. на соиск. ст. докт. ист. наук. – Казань, 2011. [Электронный ресурс]:// URL:<http://www.dissercat.com>
6. Положение об охране и использовании памятников истории и культуры (утв. постановлением СМ СССР от 16 сентября 1982 г. N 865) [Электронный ресурс]://URL:<http://nasledie-nso.ru>
7. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]://URL:<http://www.tehlit.ru>

ОЦЕНКА И АНАЛИЗ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БАКАЛИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Л. И. Гареева, В. Ф. Юнусбаева

Башкирский государственный аграрный университет

lilija-526@mail.ru

На сегодняшний день огромное количество иностранных граждан прибывающих в нашу страну. В частности рассмотрим состояние миграционной ситуации на примере Бакалинского района Республики Башкортостан.

Наибольшее количество прибывших на территорию района составляют граждане Республики Узбекистан, Казахстан, Армения.

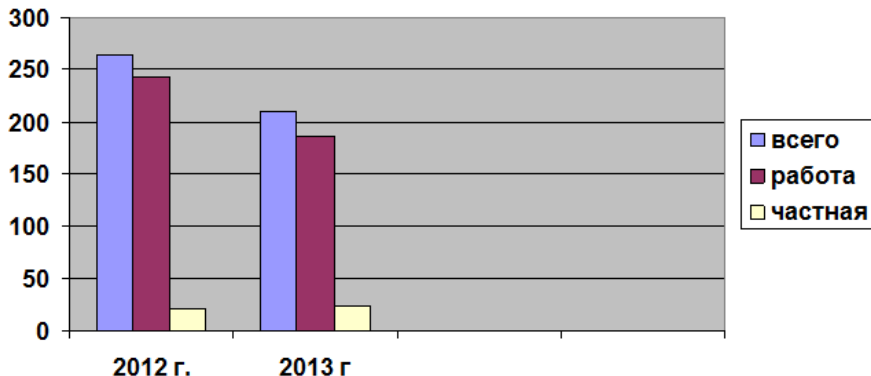
Наибольший поток иностранцев приходится на граждан Республики Узбекистан – 89,4 %, также прибывают граждане республик Армения – 7,1 % , Казахстан – 2,8 %.

Иностранные граждане, прибывшие на территорию района заявили следующие цели пребывания:

- для осуществления трудовой деятельности – 390 или 86,1 %;
- по частному приглашению – 63 или 13,9 %;

Сотрудниками отделения УФМС России по Республике Башкортостан в Бакалинском районе за 6 месяцев 2013 года поставлено на миграционный учет 481 иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 148 меньше в сравнении с аналогичным периодом 2012 года.

Таблица 1. Количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет в Бакалинском районе Республике Башкортостан

Одним из направлений деятельности, позволяющих контролировать количество постоянно проживающих на территории РФ иностранцев, является оформление указанной категории лиц разрешений на временное проживание и видов на жительство.

Что касается криминогенной обстановки, то можно сказать что в 2013 году с участием иностранных граждан на территории Бакалинского района преступлений не зарегистрировано, за аналогичный период 2012 года так же не было зарегистрировано преступлений.

В целях сохранения данной тенденции по снижению уровня влияния мигрантов на криминогенную ситуацию в Бакалинском районе следует продолжать активную работу и обеспечение согласованных действий по профилактике и пресечению правонарушений среди иностранных граждан, разъяснения требований действующего миграционного законодательства, сотрудниками отделения УФМС России по РБ в Бакалинском районе.

Для поддержания общественного порядка необходимо обеспечить режим пребывания иностранных граждан, осуществление контроля за их трудовой деятельностью.

С целью противодействия нелегальной миграции и незаконной трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства, сотрудниками отделения УФМС России по РБ в Бакалинском районе проводятся мероприятия по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства.

Литература

1. Официальный сайт Федеральной миграционной службы по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <http://www.fmsrb.ru>

ПУТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Р. Дадашова

Институт философии, социологии и права НАН Азербайджана
dadashova.ramila@rambler.ru

В современном периоде единственным путем восстановления мира и стабильности на Южном Кавказе является восстановления территориальной целостности Азербайджана и Грузии. Без решения конфликта Нагорного Карабаха и Абхазского проблема в регионе не будет мира, ни стабильности, ни экономического развития. Устав ООН называет следующие важнейшие цели этой организации: поддержание международного мира и безопасности, предотвращение войны и устранение угрозы миру, подавление актов агрессии, разрешение международных конфликтов и споров мирными средствами, раз-

витие дружественных отношений между государствами при обязательном уважении их суверенитета, принципа равноправия и самоопределения народов, содействие международному сотрудничеству в решении экономических, экологических, социальных, культурных и гуманитарных проблем, обеспечение прав и свобод человека, осуществление роли центра координации усилий мирового сообщества в решении актуальнейших политических и социально-экономических проблем современности.

Начиная с января 1988 года в Армении были совершены следующие акты массового вандализма. Армения использовала Карабахскую авантюру и начала вести необъявленную войну на территории суверенного Азербайджана. В результате оккупированы города Ханкенди, Ходжалы, Ходжавенд, Агдере, Гадрут, Шуша, Лачин, Кельбаджар, Агдам, Физули, Джабраил, Кубадли, Зангелан. Погибло более 20 тысяч человек, были ранены около 100 тысяч человек, около 6 тысяч человек попали в плен, более миллиона азербайджанцев были изгнаны из своих родных очагов. В 25-26 феврале 1992 года армянские вооруженные силы совершили Ходжалинский геноцид.

Армения наносила также ущерб в экономику Азербайджанской Республики. Было разрушено 647,5 тысяч гектаров аграрного сектора, 27,8 процентов лесной фонд, 693 средние школы, 855 детские сады, 65 технические школы, 5 техникумов, 2 института, около 695 медицинские предприятия, 10 мечетей, 1421 предприятия культуры, 47 музыкальных школ, 6 театров, 3 галереи искусства, более 300 памятников культуры, около 60 тысяч драгоценных музейных предметов, около 4,6 тысяч экземпляров книжного фонда.(1, с.50-54) Перед необъявленной войной, Нагорный Карабах был на 4-м месте между регионами Азербайджана после Апшеронского, Гяндже-Казахского, Нахичеванского. В этом регионе остались более 183 промышленных, 4127 строительных предприятий. (1, с.45) В результате последствий политики «выжженной земли» оккупированные территории Азербайджана будут необитаемыми еще в течении многих лет.

Армения использовала разрушенную технику и нанесла ущерб в экологию Азербайджана. Принципы запрета военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду в концентрированном виде, выражает обязанность государств принимать все необходимые меры по эффективному запрещению такого использования, средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные и серьезные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому государству. Как норма, он закреплен в конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 года, а также в Дополнительном протоколе Ы 1977 года к Женевским Конвенциям о защите жертв войны 1949 года. Вытекая из фундаментального принципа уважения государственного суверенитета, специальный принцип международного права окружающей среды налагает определенные ограничения на действия государств на своей территории, а также подразумевает ответственность государств за

нанесение экологического ущерба системам окружающей среды, других государств и районов общего пользования. Этот принцип был сформулирован в Стокгольмской Декларации ООН по проблемам окружающей среды 1972 года. Элементы принципа недопустимости радиоактивного заражения окружающей среды, должны составить одно из важнейших звеньев механизма защиты окружающей среды. Отправляющие вещества из АЕС Армении нанесли ущерб в экологию Азербайджана.

СБ ООН приняла 4 резолюции в связи с вторжением армянских вооруженных сил и вывода армянских оккупационных сил из оккупированных районов Азербайджана. К сожалению Совету Безопасности не удалось выработать конкретный механизм реализации резолюции, а именно выполнение требований о немедленном выводе армянских оккупационных сил. В 14 марта 2008 году Генеральная Ассамблея приняла резолюции «О положении на оккупированных территориях Азербайджана» и мировое сообщество вновь утверждал территориальную целостность Азербайджана.

В 90-ых годах XX в. были предложены некоторые проекты о реформах в механизме ООН по предотвращению региональных конфликтов.(2) На основе этих проектов Совета Безопасности ООН принял резолюции 1327 об увеличении эффективности роли СБ в отношении к поддержанию миру в 13 ноября 2000 году, резолюции 1366 «О роли Совета Безопасности в отношении к предотвращению военных конфликтов» в 30 августе 2001 году, резолюции 1625 «О упрочении потенциала ООН для предотвращения конфликтов» в 14 сентября 2005 году.(3) Для усиления своей активизации в регулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном, обосновываясь этим резолюциям ООН должен совершить следующее:

- Изучение истории и причины конфликта между Арменией и Азербайджаном.
- Определение агрессивной стороны.
- Принятие санкции против Армении. Контроль Генерального секретаря и СБ на реализации санкций.
- Должны быть усилены механизмы реализации принимаемых решений, введены жесткие санкции за нарушение договоренностей.
- Решительно потребовать от Республики Армения прекратить военные действия, вывести все вооруженные силы Армении с оккупированных территорий Азербайджана.
- Обеспечить безопасное возвращение беженцев и перемещенных лиц на свой родине. Гуманитарная помощь к конфликтных регионам, защита прав перемещенных лиц, соблюдение распорядку персонала ООН, обеспечение безопасности персонала ООН.
- Обмен военных пленников и заложников.
- Размещение миротворческих сил ООН в конфликтном регионе. Военно-полицейский персонал, который участвует в миротворческой операции должен узнать обычаев, культуры, политической ситуации соответствующей страны.

- Сотрудничество с ОБСЕ должно реализовать согласно с Уставом ООН.
- Региональные и граничные государства должны обращаться к Армении о прекращении враждебности.

- Использование роли ЭКАСОР, специализированных учреждений, фондов, программой, ВОТ, МВФ, ВБ, АС, неправительственных организаций, субъектов гражданской общества.

- Необходимость обращения к Международному Суду, создание особых трибуналов о геноциде, о преступлении против человечества, о виновниках во военных преступлениях. Согласно конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. геноцид является международным преступлением. Государства – участники Конвенции 1948 года обязуются принимать необходимые меры для наказания лиц, виновных в совершении или в заговоре с целью совершения геноцида, в подстрекательстве к его совершению, в покушении или в соучастии в геноциде.

- Реализация программа о борьбе с продажей оружия, программа о борьбе с завоеванием природных ресурсов и с обменом производственных товаров, программа о борьбе с незаконной транспозицией населения за воевательного государства-Армении к завоеванным территориям- Азербайджану.

- Создать специальную комиссию по определению материального ущерба и оценке преступных действий оккупантов на территории Азербайджана. Организовать комиссию по компенсациям.

- Дать политическую оценку агрессии Республики Армения против Азербайджанской Республики. Политическая ответственность выражается в форме сатисфакцией, заверение пострадавшей стороны в недопущении повторения правонарушения, принесение извинений, выражение сожаления, наказание конкретных виновников правонарушения, иные формы морального удовлетворения потерпевшей стороны.

С другой стороне абхазская проблема нарушает стабильности на Южном Кавказе. Летом 1993 года, когда противостояние абхазо–грузии усилился, Э. Шеварднадзе обратился к СБ с просьбой об обсуждении данного вопроса на экстренном заседании Совета Безопасности (4, с. 30)

30 ноября – 1 декабря 1993 года в Женеве состоялся первый раунд переговоров о полномасштабном урегулировании грузино-абхазского конфликта под эгидой ООН, при содействии России и при участии представителя ОБСЕ. В Женеве были достигнуты меморандум о понимании между грузинской и абхазской сторонами о не применении силу или угрозы друг против друга на период продолжающихся переговоров, увеличении числа международных наблюдателей и использование международных сил, произведении обмен военнопленными по принципу «всех на всех» без каких-либо предварительных условий до 20 декабря 1993 года. Будет приняты срочные меры по розыску пропавших без вести, будут осуществлены также меры по перезахороненного погибших. Они обязался создать условия для добровольного, безопасного, быстрого возвращения беженцев в места их постоянного проживания во всех районах Абхазии. (5, с. 365)

В 11-13 января 1994 года в Женеве состоялся второй раунд переговоров. (6, с. 112) В результате Грузия просил СБ осуждать отправления миротворческих сил ООН в зоне конфликта. В апреле 1994 года в Москве глав государств СНГ призывали СБ ООН о проведении операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта под эгидой ООН в соответствии с главой VIII ее Устава и при содействии России. В Москве 10-12 мая 1994 года специальной посланник по Грузии ООН созвал новый раунд переговоров. 14 мая в Москве грузинской и абхазской сторонами подписали Соглашение о прекращении огня и разъединения сил. В соответствии со соглашением зона безопасности в которой предполагался разместить миротворческие сил СНГ, призвана способствовать предотвращению возобновления боевых действий и открыть тысячам беженцев дорогу для возвращения к местам их постоянного проживания, прежде всего в Гальском районе (7, с.225) Несмотря на диалог абхазского сепаратистского руководство через свои агентство средств массовой информации начало распространять различные провокационные слухи о действиях так называемых «грузинских террористических групп» в Гальском районе Абхазской Автономной Республики и не выполнили условия переговоров.

В ходе переговоров представители Российской Федерации и СНГ вновь заявили о своей поддержке дальнейшего и расширенного присутствия МО СНГ. Действия на основе положения главы VIII Устава ООН, СНГ приняло решение о вводе в зоне конфликта коллективных сил сроком на шесть месяцев, при этом передовой контингент развертывается немедленно на основе российских войск, находящихся в Абхазии. Естественно, о численности таких сил, а также их действиях СБ будет всегда полностью информирован, как это предусмотрено в статье 54 Устава. Поэтому было важно с самого начала обеспечить тесное взаимодействие миротворческих сил и миссии ООН по наблюдению в Грузии. Но Россия имела свои национальные интересы в этом регионе и его «миротворческая» операция создала негативные положения в регионе. Поддержка Российской Федерации вовлекала абхазские сепаратистов новые преступления. Абхазские сепаратистов вновь нарушали соглашения и 26 ноября 1994 года была принята новая Конституция Абхазии, провозгласившая Абхазию суверенной республикой и субъектам международного права. «Решение» о статусе Абхазии, принятии новой конституции, реорганизации структур власти, объявлении независимости принято «парламентам», из которого были изгнаны депутаты от грузинского населения и представители других народов, проживающих в Абхазии. Абхазские сепаратистов нарушали прав человека. В результате этнической чистке геноцида грузинского населения более 20000 человек погибли, в том числе 6 тыс. убитых, расстрел видных политических деятелей, представителей науки и культуры, журналистов, зверски замученные врачи и педагоги, тысячи женщин, стариков, детей стали калеками в результате пыток, надругательств, истязаний. Соблюдение положений международно-правовых доктрин, регулирующих защиту прав человека и основных свобод, которые требуют от государств

принять на себя односторонние обязательства по обеспечению защиты прав человека. Это нашло свое логическое воплощение в «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Россия должно соблюдать этих доктрин, не вмешать во внутреннюю дел Грузии. В августе 2008 года Россия нарушила договора с Грузией и вновь вмешала во внутренние дела Грузии. В результате вторжении России на Грузии погребло сотни человек. Вытекая вывод из сказанных надо подчеркнуть:

- Каждый государств имеет свои национальные интересы и постоянные члены СБ ООН имеют свои интересы на урегулировании международных конфликтов. В том числе в регионе Южном Кавказе есть интересы и России, и США, и Запада. Фактически конфронтационными являются отношения России с Грузии при решенной проблеме государственной принадлежности Абхазии. Поэтому, в первом очереди, должен ликвидировать право «вето».

- Россия не должна вмешать во внутренние дела Грузию. Согласно ст.33 Устава ООН государстве, участвующие в любом споре, продолжение которого могли бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стремиться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничество, примирения, арбитраже, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашением или иными мирными средствами по своему выбору.

- Превращение региона в демилитаризованную зону, отказ от размещения здесь военных контингент России и других государств и блоков.

- Политический статус Абхазии должен обсуждаться в Генеральной Ассамблее ООН. Постановление ООН должен быть реализованы.

- Немедленное освобождение захваченных территорий и возвращение беженцев в родные края под контроль наблюдатели ООН.

Литература

1. Гасанов Т. Тяжелые социальные-экономические результаты оккупации Азербайджанской территории с Арменией, Баку: Чашыоглы, 2002.

2. Доклад Генерального секретаря. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия миротворчество и поддержание мира.1992; Доклад Генерального секретаря. Дополнении и повестке дня для мира, 1995; Доклад Генерального секретаря о предотвращении вооруженных конфликтов от 7 июля 2001 год; Доклад Группы высокого уровня по угрозам вызовам и переменам.<http://www.un.org>; Резюме Доклада Генерального секретаря. При большей свободе; к развитию, безопасности и правам человека. <http://www.un.org>;

3. Перечень резолюции Совета Безопасности принятых в 2000г., в 2001г., в 2005г. <http://www.un.org>;

4. Совет Безопасности. Официальное отчеты сорок восьмой год дополнение за июль, август, сентябрь 1993 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1995 год.

5. Совет Безопасности. Официальное отчеты сорок восьмой год дополнение за октябрь, ноябрь, декабрь 1993 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1997 год.

6. Совет Безопасности. Официальное отчеты сорок девятый год дополнение за январь, февраль, март 1994 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1997 год.

7. Совет Безопасности. Официальное отчеты сорок девятый год дополнение за апрель, май, июнь 1994 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1998 год.

8. Совет Безопасности. Официальное отчеты сорок девятый год дополнение за октябрь, ноябрь, декабрь 1994 года, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1997 год.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы XI Региональной научной конференции молодых ученых Сибири
в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции

Подписано в печать 05.11.2013 г.
Формат 60×84 1/16. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 14,25. Усл.-печ. л. 13,25. Тираж 120 экз.

Заказ №

Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.